

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО
МИНИСТЕРСТВО ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ДЕЛАМ
РЕЛИГИЙ РД

ЦЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЯХ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Под редакцией М.И. Билалова

Махачкала
Издательство ДГУ
2023

УДК 1(063)
ББК 87я43
Ц-377

Ц-377 Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях: сборник научных статей / под ред. М.И. Билалова. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-9913-0278-4

Сборник содержит материалы работы научно-практической конференции с международным участием. В нем представлены статьи, раскрывающие проблематику познавательных культур в современных идеологиях Запада, Востока и России.

Издание адресовано студентам, аспирантам, научно-педагогическим работникам представителям иных областей культуры, всем интересующимся ценностями познавательной культуры.

The collection contains materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation. It presents articles aimed at revealing the problems of cognitive cultures in modern ideologies of the West, East and Russia.

The publication is addressed to students, graduate students, scientific and pedagogical workers, representatives of other areas of culture – to everyone who is interested in understanding the values of cognitive culture.

Рецензенты:

Д.А. Гусенова – к. филос. наук, доцент

С.Р. Рамазанова – к. филос. наук, доцент.

© Издательство ДГУ, 2023

Осмысление времени ценностного разлома

Рабаданов Муртазали Хулатаевич, ректор ДГУ, доктор физико-математических наук, профессор

Университетские философы не первый раз поднимают и осмысливают вопросы цивилизационного развития. На памяти всероссийские конференции в ДГУ: «Этнонациональные ценности в условиях глобализации» (2008); «Исламская цивилизация и современный мир» (2012 г.); «Что есть истина?» (2013 г.); «Общее и особенное в формировании

гражданского общества на Северном Кавказе» (2014 г.); «Проблемы российского самосознания: историческая память народа» (2015 г.); «Философия и практика этнического многообразия и единства России» (2017 г.); «Дагестан в культуре и цивилизации. Философско-политологический прогноз» (2018 г.) и др. Большинство дагестанских конференций прошло при активной поддержке РФО и ИФ РАН.

Вот и цель настоящей конференции – выработать цивилизационные идеологические ориентиры и векторы перспектив России и Дагестана в контексте философски аргументированных научных представлений. Отрадно, что свои идеи сформулировали в статьях более 30-ти авторов (это около половины участников конференции) из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Казани, Уфы, Грозного, Нальчика, Армавира, Пятигорска, Астрахани. Дагестанских философов поддержали также коллеги из ближнего зарубежья. Не первый раз в ДГУ приезжают известные ученые из Минска, Ташкента, Баку.

Сотрудничество гуманитариев ДГУ с учеными постсоветского пространства вписывается в стратегическую линию международных научных связей Дагестанского государственного университета. Нам действительно важно согласовывать с нашими недавними соотечественниками вопросы культуры, этноконфессиональных отношений, обмениваться мировоззренческими и философскими соображениями на будущее нашего образования и воспитания молодежи. Что ни говорите – мы переживаем смену политических вех, время ценностного разлома, время неопределенности цивилизационных перспектив народов и стран. И философскому сообществу есть что осмысливать, и что прогнозировать.

Философия как стратегия управления

Муслимов Энрик Селимович, министр по национальной политике и делам религий РД

Очередная, совместная с Дагестанским государственным университетом конференция, направлена на решение общих со странами постсоветского пространства задач нашей страны и республики – цивилизационного единства, межнациональных контактов, воспитания молодежи. Министерство вообще тесно сотрудничает с наукой, рассматривает философию как методологию для своей политики внутри республики и за ее пределами, придает особое значение философии

в национально-государственном развитии Дагестана.

Вопросы национальной идентичности, национальной идеи всегда были для нашего Дагестана практически и политически значимы. В последнее время актуализировались дискуссии и вокруг общественной и государственной идеологии. И то, что философы разных стран и регионов на данной конференции разрабатывают систему определенных мировоззренческих и политических ценностей, могущих лечь в основу идеологии как стратегии цивилизационного ориентира России и Дагестана для нас политиков очень значимо.

Хочу обратить внимание – конференция поднимает и дает свои рекомендации по ряду вопросов о роли ислама в евразийской идеологии, близости суфизма и евразийства по ценностным основаниям. Эти и другие, казалось бы, теоретические вопросы для реальной управленческой политики Министерства, думаю, они значимы и для законодателей в Народном собрании РД.

К новой философии цивилизационного развития России и Дагестана

Резник Юрий Михайлович, вице-президент Российского философского общества, исполнительный директор РФО, главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор

Всероссийская конференция с международным участием «Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях» решает задачу – определить цивилизационные идеологические ориентиры и векторы перспектив России и Дагестана в контексте философски аргументированных представлений.

Обсуждается несколько тематических блоков: идеология, идентичность, ценности; евразийская идеология и ее ценностные основания; познавательная культура и ее цивилизационные параметры;

идеология, ценности и истина; идеология как методология и философия. Эти вопросы более чем востребованы сегодня. Современная Россия находится в ситуации обостряющегося цивилизационного противостояния с Западом. На неё обрушили всю свою политическую, информационную и военную мощь США и их союзники. Они пытаются не только ослабить экономический и военный потенциал России, но и подорвать её культурно-цивилизационный статус в мире, а в конечном счёте – расчленить российское общество, разорвать многовековые культурные связи дружественных народов.

В этой ситуации возрастает роль отечественной философии, которая призвана не только дать ответы на поставленные вопросы, но и внести свой вклад в разработку евразийской идеологии и евразийской цивилизационной идентичности. Нам предстоит выработать стратегию взаимодействия с другими странами на условиях мирного существования и уважения суверенитета друг друга, а также сформировать альтернативную модель цивилизационного развития России.

Российское философское общество поддерживает научные инициативы дагестанских коллег по разработке метафизических оснований отечественной философии, а также проблем евразийской идеологии и цивилизационной идентичности России. В рамках Общества мы предложили проект «Философия и цивилизационное будущее России», призванный консолидировать отечественных исследователей. Надеюсь, что наши совместные усилия позволят выработать новое видение путей цивилизационного развития России и предложить политическому руководству страны варианты его практической реализации.

1-е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
Идеология, идентичность, ценности.
Евразийская идеология и ее ценностные
основания

УДК 101.9

Россия как философская держава и государственная
идентичность отечественных философов

Резник Юрий Михайлович

доктор философских наук, профессор, главный научный
сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО
г. Москва reznikum@mail.ru

Аннотация: Россия является великой философской державой наряду с Германией, Францией, США, Англией, Китаем, Индией и др. Но для того, чтобы удержать эту позицию в дальнейшем ей уже недостаточно опираться на наследие русской религиозной философии и советской философии. Необходимо скорректировать цивилизационную парадигму с учётом реального опыта противостояния России и Запада, и заявить о собственной идейно-ценностной платформе, которая способна конкурировать с аналогичными платформами западной и восточных философий.

Ключевые слова: Россия, Запад, философы, цивилизационное развитие, точки сборки.

Russia as a philosophical power and the state identity of
russian philosophers

Reznik Yuri Mikhailovich

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of
Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the
RFO Moscow reznik-um@mail.ru

Abstract: Russia is a great philosophical power along with Germany, France, the USA, England, China, India, etc. But in order to maintain this position in the future, it is no longer enough for it to rely on the legacy of Russian religious philosophy and Soviet philosophy. It is necessary to correct the civilizational paradigm, taking into account the real experience of confrontation between Russia and the West, and declare our own ideo-

logical and value platform that can compete with similar platforms of Western and Eastern philosophies.

Keywords: Russia, West, philosophers, civilizational development, assemblage points.

Изменение цивилизационной парадигмы России как условие сохранения и развития её философской державности. На статус философской державы, как и государства-цивилизации, может рассчитывать лишь та страна, которая имеет собственную цивилизационную парадигму. Подчёркиваю, не концепцию, а именно парадигму. Парадигма цивилизационного развития – это комплекс представлений и подходов, позволяющих обосновать настоящее и предсказать будущее страны как самостоятельной цивилизации. Она воплощается не только в исследовательских практиках, но и в реальной политике государства. В выработке такой парадигмы непосредственное участие принимают философы. С этой точки зрения, философия является самосознанием конкретной цивилизации.

Но готовы ли философы России к тому, чтобы стать таким самосознанием и выступить единым фронтом в идейном противостоянии с Западом? Прежде всего, нужно признать, что они оказались разобщёнными по проблеме выбора путей цивилизационного развития России. Поэтому поиск *интегративных платформ (проектов)* ещё только начинается. Имеется, как минимум, несколько исследовательских платформ, вокруг которых объединены философы. Это:

- западнический проект России, европеизм;
- проект славянской цивилизации и панславизм;
- проект православной цивилизации и византизм;
- проект русского мира, русизм;
- евразийский проект;
- проект советской цивилизации и социализм;
- экологический и ноосферный проекты.

К сожалению, у данного перечня нет единого основания, хотя за каждым из этих проектов стоит группа исследователей и коммуникативные сети. Однако, далеко не все могут претендовать на элитарное положение в философии. Такие претензии сохраняет, прежде всего, либерально-западническая часть философского сообщества России. Консервативная часть элиты пока не может составить ей настоящую конкуренцию. Другие же проекты, оказавшись вытесненными на периферию, являются фактически аутсайдерами в философском сообществе и слабо влияют на формирование повестки дня отечественной философии.

Можно предположить, что философская элита современной России дифференцируется внутри себя на тех, кого можно назвать выра-

зителями идеи Свободы, подразделяемых условно на сторонников «свободы для всех» (классические либерал-западники) или поборников «свободы для избранных» (неолибералы), и тех, кто служит идее Порядка, который определяется либо в терминах справедливости («справедливый порядок» – левые консерваторы), либо в терминах традиций («традиционный порядок» – правые консерваторы). Как бы там ни было, внутри нашей элиты сложились разные представления об основополагающей философской идее, а, следовательно, и о путях философствования, которые к ней ведут.

Но, увы, ни одна из указанных платформ, в т.ч. западническая или консервативная, не могут служить сегодня единственной основой для идейного сближения философов. У них разные, чаще всего несовместимые друг с другом теоретико-методологические и корпоративные предпосылки. И всё же именно сегодня мы наблюдаем тенденцию к консервативному повороту внутри политической элиты. О консервативной политике заявляют и первые лица российского государства.

Консервативный сдвиг в политике российского государства затронул также философию и науку. Чтобы обозначить главные линии идейного сближения, наметившегося внутри нынешней философской элиты России, попытаюсь их объединить в четыре группы по основанию «Порядок – Свобода», а именно:

1) либерально-консервативная платформа, вобравшая в себя идеи консервативной мысли и вместе с тем сохраняющая дух западничества (сеть анклавов в стране) – *расширенный порядок российской цивилизации*;

2) платформа русского православно-христианского мира, опирающаяся на византийские и панславянские традиции и имеющая поддержку в церковных кругах (полуанклавы) – *православный порядок цивилизации*;

3) платформа евразийской цивилизации, которая приняла в себя лучший опыт социалистического строительства, но не получила широкого публичного признания и государственной поддержки (полуэксклавы) – *порядок евразийской цивилизации*;

4) платформа эко-ноосферной цивилизации, соединившая в себе идеи экологизма и ноосферы (эксклавы) – *«новая естественность»*.

Но даже в таком укрупнённом виде эти платформы трудно совместить. Они чужды друг другу мировоззренчески и методологически. И не каждая из групп, представляющих эти проекты, может претендовать на звание философской элиты России. Определённые шансы есть только у консервативно-западнической платформы, обладающей развитой сетью научно-образовательных центров в стране, и отчасти у русско-православной и евразийской платформ, которые опираются на идеи русских философов, а также на поддержку некоторых государ-

ственных институтов и православной церкви. Не удивительно, что пока меньше всего шансов на реализацию у эконоосферного проекта. Его история только начинается. И, тем не менее, именно последний благодаря широте своей идейно-теоретической платформы способен сплотить многих сторонников интеграции.

Опыт исторической реконструкции концепций отечественной философии показывает, что российской цивилизации присущи такие черты, как *софийность* (мыследействие из единого источника – духа, устанавливающего связь абсолютного с относительным, повседневным), в т.ч. совесть (нравственный выбор), *соборность* (собрание, объединяющее действие), *справедливость* (поиск Правды), *всечеловечность* («быть всем со всеми, оставаясь при этом самим собой») [4]. Я бы добавил к ним ещё и экологический императив: *соразмерность* жизни человека среде его обитания, заботу о своём доме (как берегающее или оберегающее действие). Но достаточно ли этих признаков, чтобы заявлять о России как самостоятельной цивилизации?

Для поиска общеприемлемой интегративной платформы цивилизационного развития России, способной объединить нашу философскую элиту, нужны новые «точки сборки». При этом необходимо преодолеть как крайности радикально-либерального дискурса о российской цивилизации, так и религиозно-эсхатологические предубеждения.

Одной из таких «точек сборки» является *идея экосоциальной цивилизации и евразийский проект*, которые я попытался обосновать в ряде своих статей [1–3]. Возможно, на её основе удастся найти альтернативу консервативно-западнической парадигме с её различными версиями «улучшенного», оптимизированного капитализма (посткапитализм, капитализм общего блага и пр.).

Очевидно, что российской цивилизации нужна и другая социальная организация. И, с точки зрения экосоциального подхода, ею может стать «новая естественность», которая способна, с одной стороны, преодолеть корпоративные барьеры, воздвигаемые капитализмом с его инструментальным или коммуникативным разумом, а с другой, использовать указанные выше императивы с учётом некоторых достижений социалистической модели, которые были успешно реализованы в историческом опыте СССР и других стран.

Таким образом, в поисках дальнейшей интеграции можно остановиться на двух основных векторах цивилизационного развития России – корпоративно-капиталистическим и экоевразийском. Им соответствуют разные критерии развития (корпоративизм или эгоцентризм), типы личности (корпоративные индивиды или эко-деятели), модели общественной организации («улучшенный» капитализм, в т.ч. капитализм «общего блага», или экосоциализм с элементами рынка и

самоуправления), а также различные исследовательские методологии (концепции капитализма, построенные на базе корпоративизма и конструктивизма, с одной стороны, и концепция экоевразийской цивилизации и экоинтегральный подход, с другой).

Сегодня Россия идёт по корпоративно-капиталистическому пути. Поэтому и нынешняя философская элита является корпоративной по своей сути. Подобное порождает себе подобное. Налицо все классические признаки корпорации – закрытость, обособленность и замкнутость в пределах устанавливаемого или конструируемого философского пространства – «контролируемых философских территорий». Кроме того, она интегрирована в международные (прежде всего, западные), мегакорпорации, которые задают мировоззренческие тренды и определяют повестку дня крупнейших форумов (всемирных конгрессов и пр.), а также диктуют свои правила игры.

Сторонники экоевразийского вектора цивилизационного развития России способны лишь отчасти преодолеть корпоративные барьеры и построить новый, ассоциативный тип связей. Речь идёт об объединении части философов на основе экоевразийской платформы и посредством ассоциативных связей. Ассоциации как союзы единомышленников и идейно близких исследователей (лат. *Associatio* – соединение, взаимосвязь) призваны дополнить собой существующие корпоративные объединения. И такой ассоциацией вполне может стать в перспективе Российское философское общество, которое в значительно меньшей степени, чем существующие институты, подвержено корпоративно-бюрократической коррозии.

Однако соединить корпоративно-капиталистический и экоевразийский векторы российской цивилизации в рамках единой интеграционной платформы пока не представляется возможным. Поэтому в ближайшие годы между ними развернётся основная борьба. А значит, и философская элита страны сохранит свою двойственность. Значительная её часть останется корпоративной, объединив в себе группы западников-консерваторов и сторонников русско-православного мира. Другая же часть, если ей удастся создать единую идейную платформу, сплотит ассоциативных участников евразийского и эконоосферного проектов.

Удастся ли экоевразийской парадигме продвинуть свои позиции и стать объединяющей идейной платформой в философском сообществе, покажет время. Скорее всего, для дальнейшего развития России как философской державы необходимы не только политическая воля высшего руководства страны, но и совместные усилия отечественных философов, которые стремятся расширить корпоративные рамки существующих объединений и укрепить их ассоциативный дух.

Предпосылки государственной идентичности российской философии. Философия всегда находилась в сложных отношениях с государством, переходя на определённых этапах своей истории от сотрудничества с ним к конфронтации, и наоборот. Между тем подавляющая часть отечественных философов прямо или косвенно «работает» на государство. Философия как дисциплина прочно вошла в образовательные программы и вправе считаться государственной. Об этом и о многом другом размышлял В.С. Соловьёв больше 130 лет назад [6]. Его мысли оказались актуальны и для нашего времени. Российская философия по-прежнему находится в тисках правительственной бюрократии. А сегодня она оказалось вместе со всей страной ещё и в политической изоляции со стороны коллективного Запада.

Следовательно, отечественная философия является государственной в том смысле, что она: 1) финансируется государством; 2) определяется государственными стандартами и подвергается бюрократической регламентации; 3) следует культурным традициям и участвует в свою очередь в формировании идеалов государства. В своём служении государству философы руководствуются интуицией, идеями и концепциями, реализуя их в форме различных практик, а также посредством симфоничности и рефлексии. Их главная цель – обоснование культурно-цивилизационной миссии России в современном мире.

Сформулирую теперь некоторые тезисы, указывающие на государственную принадлежность (идентичность) отечественной философии.

Первое. Философия, чтобы быть востребованной государством и обществом, должна быть *культуроцентричной*, т.е. вырастать из глубин, из самого ядра собственной культуры. Именно на этом настаивали русские философы XIX в. и классические евразийцы (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Г.В. Фроловский, П.П. Сувчинский и др.). И пока современные отечественные философы не смогут выразить логику смысла своей культуры (или культур) и представить её в новых концепциях, трудно рассуждать о культурных основаниях самой философии и её способности противостоять чужому цивилизационному влиянию.

А что же происходит с нынешними поколениями философов? На словах их призывают к идеологической нейтральности, а на практике большинство философов руководствуются европоцентристской и в целом западноцентристской логикой смысла, что не мешает им, конечно, критически относиться к Западу. По словам А.В. Смирнова, западная цивилизация руководствуется субстанциальной логикой, центрированной на субъекте [5, с. 173–174], и добавлю от себя – на его представлениях о правах и свободах (свободе слова, праве на частную

собственность и пр.). Поэтому следует признать, что большинство философских исследований в России проводятся в соответствии с западными идейными традициями. Нам только ещё предстоит «вырастить» свою культуроцентричную философию, прежде чем доказать её практическую востребованность государством.

Второе. Философия должна быть *общественно значимой*, т.е. быть публичной дисциплиной и служить высоким общественным и государственным идеалам, а не интересам бюрократической корпорации. А это потребует не только изменения философского самосознания, но и трансформации самого государства, что связано в свою очередь с преодолением либерально-западнического духа бюрократической корпорации и выработкой общественно-государственной идеологии, соответствующей логике культуры российской цивилизации.

Увы, постсоветское российское чиновничество не только не утратило, но и укрепило свой корпоративно-бюрократический дух. Кроме того, многие его представители продолжают культивировать западные корпоративные ценности, игнорируя общественные идеалы, характерные для большинства наших соотечественников. Свидетельств тому более чем достаточно. Либерально-западническая часть высшей бюрократии, будучи «государством в государстве» или мегакорпорацией, создает подконтрольные ей корпорации снизу, что порождает множество малых и средних бюрократических структур, в т. ч. в академической науке и университетском образовании.

Ещё раз подчёркиваю, идеология в России возможна только как конвенциональная по форме и общественно-государственная по сути система идей, укоренённых в собственной культуре. А значит, философы призваны отстаивать общественные идеалы, вырастающие из недр своей культуры, а не навязанные им извне, и побуждать государство к диалогу с обществом. Нам необходимо постепенно преодолевать губительные последствия либеральных реформ в сфере высшего образования и науки. В то же время нельзя принимать целиком православный уклон и утопический этатизм, свойственный определённой части консервативно-патриотической интеллигенции, в т.ч. евразийцам.

Необходимо подвергнуть не только критическому, но творческому переосмыслению как либерально-западнические, так и консервативно-патриотические идеи, чтобы выработать на этой основе культуроцентричные общественные идеалы, наполняющие конкретным содержанием государственную идеологию. В этом и заключается, на мой взгляд, участие отечественных философов в идеологической работе.

Третье. Философия, чтобы быть полезной российскому государству, должна быть формой *гуманистического познания*, обосновывающей приемлемые в нравственном смысле средства для достижения

государственных целей. «Истинно русский человек, христианин... полон благоволения ко всему человеческому – к добру, красоте и правде в каждом смертном» [7, с. 287]. Это же относится и ко всем философам современной России, принадлежащих к другим конфессиям.

К сожалению, ныне, как и в начале XX века, в мире снова возобладали человеконенавистническая идеология, которая прикрывается радикально-религиозными и даже откровенно нацистскими лозунгами. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, возникающие на геополитической и этнорелигиозной почве в разных уголках мира, в т.ч. на границах Российской Федерации. Поэтому философы призваны противостоять такой идеологии и предлагать пути гармонизации отношений между отдельными людьми, народами и государствами. «Миролюбие и кротость, любовь к идеальному и открытие образа Божия даже под оболочкой временной мерзости и позора – вот идеал русского мыслителя, мечта русской нравственной философии» [7, с. 287]. К этому следует добавить, с точки зрения Вл. Соловьёва, жажду духовного равенства и исконную соборность сознания российских людей.

Опыт познавательной деятельности русских религиозных мыслителей демонстрирует нам то, что философия не должна превращаться в подобие науки и следовать её канонам (сциентистская установка). Последняя может также вступать в союз с религией (пример – религиозная традиция в русской философии), становясь частью общего дела всей духовной элиты общества. А государство призвано «дать полный простор русской мысли, искренней проповеди человеческого добра и вселенской правды...» [7, с. 288].

Кроме того, Н.А. Бердяев и другие русские философы подчёркивали гуманистическую и жизнеутверждающую функции отечественной философии, т. е. её стремление к благоволению перед человеком и благоговению перед жизнью вообще. И это далеко не всё, что характеризует российскую философию в познавательном и нравственном плане. Но главное – сохранить гуманистический вектор развития российской философии, которой пока не удалось предложить и обосновать конвенциональную и человекоразмерную модель цивилизации, способную преодолеть раскол элиты и стать идейной альтернативой западной цивилизации.

Четвёртое. Отечественная философия должна быть *экологически ориентированной*. Экологизм я рассматриваю как исследовательскую установку или парадигму, сквозь призму которой рассматривается мир. А в содержательном отношении он ориентирует исследователя на выявление критериев «жизненности» («жизнеспособности», в т. ч. способности экосистемы создавать условия для успешной жизни раз-

ных видов, быть безопасным и комфортным «домом» для всех его обитателей), «допустимости» (как предельно-возможного воздействия на социоприродную среду), а также внутренней сбалансированности и «гармоничности» их включения в более широкий контекст (ландшафт, природная среда, планета, галактика и пр.).

Экологическая парадигма цивилизационного развития, придерживающаяся установки эгоцентризма, противопоставляет «парадигме исключительности» Запада (с её принципом субъектоцентризма) и исходит из ценности всего живого на земле и в космосе (принцип самоценности жизни), требований умеренности в потреблении природных и символических ресурсов, взаимной терпимости и миролюбия всех народов. Но главное, чем отличается данная парадигма, так это своей «привязкой» к месту, территории (местности), на которой зародилась и выросла такая цивилизация. Местобытие – не просто точка или полоса в географическом пространстве. Это – «территория бытия людей» и «территория для людей», на которой сложился уникальный природный, социокультурный и духовный ландшафт.

Философия призвана проявлять не просто «заботу о бытии», к чему призывал М. Хайдеггер, а заботиться о конкретном местобытии, том социокультурном и природном ландшафте, который обрамляет российскую цивилизацию. И в этом она может быть полезна государству.

Таким образом, отечественная философия, чтобы соответствовать вызовам эпохи и быть государственной, т. е. служить собственно государству, должна стать культуроцентричной, общественно значимой, гуманистически направленной и экологически ориентированной. Но достаточно ли этих изменений в российской философии, чтобы реализовать свою государственную идентичность, покажет время.

Вместо выводов

1. Россия должна сохранить и развить статус философской державы. Но для этого ей нужна в первую очередь такая философия, которая сможет предложить чёткую цивилизационную стратегию и парадигму. С этой точки зрения, философия выступает самосознанием конкретной цивилизации, которое формируется на основе интеграции идейных платформ. Надо признать, что в философском сообществе России доминирующие позиции пока занимают корпоративные объединения западной ориентации. Однако определённые перспективы имеются у экоевразийской парадигмы, которая соединяет в себе идеи классических евразийцев и сторонников эконоосферного подхода.

2. Служить государству для философа означает содействовать его идейно-нравственному совершенствованию и духовному очищению. Вместе с тем философия, чтобы быть государственной по сути,

должна быть культуроцентричной, т.е. базироваться на логике собственной культуры, общественно значимой, формирующим идеалы государства и общества, гуманистичной и экологически ориентированной. При этом придётся измениться и значительной части философской элиты, которая в своём большинстве служила десятилетиями идеалам западной философии и следовала её канонам.

3. Путь к консолидации отечественных философов под эгидой государства напрямую связан с объединением философской элиты и лежит, с одной стороны, через создание интегративных идейных платформ, которые выражают логику культуры России, с другой стороны, через образование ассоциаций философов как союзов единомышленников и идейно близких людей, которые смогут со временем дополнить собой корпоративные объединения нынешней элиты. И в этом я возлагаю определённые надежды на Российское философское общество.

Литература

1. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // *Личность. Культура. Общество*. 2022. Вып. 2 (№ 114). – С. 89–115.

2. Резник Ю.М. Проект экологической цивилизации для России (собственные основания и китайский опыт) // *Проблемы цивилизационного развития*. 2022. Т. 4, № 1. – С. 140–159.

3. Резник Ю.М. Экологической цивилизации в России быть (ответ рецензентам) // *Личность. Культура. Общество*. 2022. Вып. 3–4 (№ 115–116). – С. 148–154.

4. Резник Ю.М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции // *Вопросы социальной теории. Научный альманах*. Т. XII. 2020. Россия как цивилизация будущего / под ред. Ю.М. Резника. – М.: НИГО, 2020. – С. 17–120.

5. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. – М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. – 216 с.

6. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – С. 175–184.

7. Соловьёв В.С. Русский национальный идеал // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Правда, 1989. – С. 286–295.

УДК 130-2

**Метафизические основания философии: культурный
контекст**

Драч Геннадий Владимирович

доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, научный руководитель Института философии и
социально-политических наук ЮФУ
г. Ростов-на-Дону gendrach@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы роли и значения философии в современном мире и российском высшем образовании. Констатируя имеющиеся пессимистические оценки перспектив философии, автор присоединяется к тем авторам, которые подчёркивают культуuroобразующую роль философии и выводят инициируемое философией интеллектуальное движение за грань противостояния разума и науки, с одной стороны, и религии, веры и иррационального, с другой. В этом случае перед философией открываются перспективы смыслообразования и формирования общественного сознания, создания предпосылок гражданской идентичности. Преодолевается фрагментация (узкая специализация) современной философии и происходит её обращение к человеку, возвращение ей её гуманистической функции. Аргументацию такого рода поворота автор ищет в фундаментальных оценках специфики философского знания, фундируемого такими её основаниями, как субстанционализм и рационалистичность. Однако, обоснование субстанциональности мироздания, осуществляемое в восточной (Китая и Индии) в отличие от западной философии открывает нам разные типы рациональности, которые нельзя с высоты европоцентризма трактовать лишь как «пережитки» мифологии. В этом случае речь должна вестись о «метафизических основаниях» философии, различных для разных культур.

Ключевые слова: философия, наука, религия, мифология, культура, культуuroобразующая роль, смыслообразование, субстанционализм, рационалистичность, европоцентризм, культурная идентичность.

Metaphysical Foundations of Philosophy: Cultural Context

Drach Gennady Vladimirovich

Dr. Philos. Professor, Honored

Worker of Science of the Russian Federation, scientific supervisor

Institute of Philosophy and Social Sciences.

Sciences of the Southern Federal University

Rostov-on-Don gendrach@mail.ru

Познавательные ценности культуры и цивилизационное самосознание, культурная идентичность – эти вопросы не сходят с повестки

дня сегодняшних философских обсуждений. Они повторяются с трибун научных конференций и симпозиумов, к ним обращаются вновь и вновь в научных статьях и монографиях. При этом не ослабевает и иная интенция – а кому нужна сегодня философия, кризис философии. Философия находится в междумирье религии и науки. И выжить она может, если становится служанкой религии, как это было в средние века, или служанкой науки, как предлагают некоторые авторы сегодня. Например, Г.А. Антипов считает (и не без оснований), что философия смещается на периферию современного вузовского образования. Столь нежелательные процессы он объясняет «доминантным положением науки в современной культуре» и предполагает свой рецепт спасения. Дело в том, что, по мнению автора, «...для решения профессиональных задач учёные "вынуждены" заниматься несвойственным для них делом – анализировать смысл используемых фундаментальных понятий, из мира физической ("материальной") реальности они окунаются в мир идеального, что требует и овладения неспецифическими для физиков навыками» [1, с. 98]. Вот здесь-то философия и может пригодиться, находясь как-бы «на подхвате», проясняя то, что наука и без неё знает, но не может (или не хочет) объяснить. Благодаря этому она и обретает право на существование. «В средневековье философия спасалась, обратившись к теологии и религии. Сегодня она может спастись, переориентировавшись на науку» [1, с. 99].

Но есть и другая позиция, учитывающая социальную значимость философии и её научное достоинство. В этом случае философия сама становится «путеводительницей жизни», поскольку является неотъемлемой частью культуры и её смыслообразующим центром. Одним из важнейших направлений в обосновании культуроцентричности философии является обращение к вопросу о познавательных ценностях культуры, что и отличает научную школу М.И. Билалова. Такое понимание философии сохраняет за философией методологические и мировоззренческие перспективы. Вот что пишет Мустафа Исаевич в этой связи: «С.Е. Ячин (ДВФУ) поднял вопрос о необходимости отгородиться от мифологем восточных культур, строго следовать рационалистическому наследию греков, подчинить философию «делу разума»... Впрочем, последняя идея вызвала резкие возражения. В своем выступлении я указал на радикальные изменения методологической функции философии, её сближение с методологией постмодернистской культуры, на процессы деконструкции и онто-тео-телеофалло-фоно-логоцентризма, который, по мысли Деррида, призван пересмотреть парадигмальные установки классической культуры [2, с. 59].

Необходимо учитывать, считает М.И. Билалов, особенности современной социокультурной ситуации, в которой и кроются глубин-

ные истоки постмодернистских тенденций. Суть их состоит в том, что они выступают результатом разрушительных сил разума для гуманизма. Поэтому столь важен культурный опыт человечества, который невозможно свести к европоцентризму. Билалов далее пишет: «Современная философия преемственно пытается решить многовековую проблему веры и разума, откровения и познания, сопровождающую историю религии и философии на всем протяжении их взаимоотношений. Эта проблема смыкается с проблемой *соотношения рациональных, нерациональных и иррациональных путей и средств познания в человеческом духе*. И не случайно в связи с этим обращение внимания к восточной философии» [2, с. 60]. Здесь мы находим иное соотношение разума и веры, истины и добродетели, личности и общества, иное понимание природы и смысла человеческой жизни.

Несомненно, в обозначенных вопросах слышатся отзвуки современной политической турбулентности и социокультурных трансформаций. Поставленные вопросы обнажают растущее напряжение в современном мире, который стал многозначным, многополярным и полицентричным. Обнажились и его метафизические основы, которые лежат в основании человеческой жизни и, несомненно, философии. Не случайно в заявленных на данной конференции докладах Ю.М. Резника и А.Н. Чумакова проявились два полюса философского поиска: его пространство «Россия как философская держава: ответы на цивилизационные вызовы» и его эпицентр – «Философия как культурная ценность и индикатор национальной идентичности». В эпицентре глобальных проблем находится человек, со своими вечными проблемами и поисками смысла жизни.

Пожалуй, главная из них – проблема первоначала (*enarche*), проблема нахождения глубинных основ мироздания и человеческой жизни. С ней связан ответ на вопросы о том, кто мы и откуда мы пришли в этот мир. Исследователи отмечают, что в этой формулировке больше иудейского (библейского), чем греческого. Отзвуки такого рода размышлений мы находим и в суждениях Аристотеля о началах, чему и посвящена «Метафизика»: «Каков же будет порядок, если нет ничего вечного, отдельно существующего и неизменного?» (*Met.*XI,2, 26–28). Эта проблема открывает нам и историю философского мышления, начинаемого, как сообщает Аристотель, с обращения к причине материальной и распространяемого на поиск причин – формальной, движущей и целевой. Собственно, это обращение и означает метафизический поиск, поскольку предполагает ответы, которые не могут дать окончательное решение, но зато предлагают ряд аргументов по проблемам души и тела, свободы и необходимости, сущности и существования. А поиски истины и справедливости (Дике и Фемис) позволяют отказаться от мнений и заблуждений и стать на путь поисков

Абсолюта (у Парменида этот путь указывает Богиня, вещающая смертным бессмертную истину). Открытие Логоса как объективного порядка мироздания и основания человеческой души позволяет Гераклиту поставить вытекающий из обращения к человеку как носителю логоса вопрос о смысле жизни, Хотя с Аристотелем связывают «физическое» толкование начала философии, поскольку первых философов он характеризует как «физиков» (физиологов), то есть обратившихся к природным началам бытия, сами поднимаемые вопросы выходят далеко за пределы физики. Философия рождается, если внимательно читать Аристотеля, и как физика, и как метафизика [6, с. 27–37]. Даже истины онтологического порядка освящаются авторитетом Божества (как у Парменида) и благодаря этому обретают статус метафизического, выходящего за пределы физической реальности (taonta).

Философия каждой из эпох предлагает свою модификацию смысложизненных проблем. В своей основе они – вечные. Может вызвать удивление, но и ответы на них вечные. Как сказано в Библии (Ветхий Завет. Книга Екклесиаста: глава 1): «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас». Пророки и мудрецы (философы) стремились ответить на все вопросы, стоящие перед человеком. Ведь мир целостен и только так можно ставить вопросы о месте человека в мире и о его назначении. Эти вопросы, как и ответы на них, метафизичны, выходят за пределы мира физического и требуют специальных практик: посвящения, мистического озарения, медитации и т.п. Или рационального обоснования, что и происходит у греков. А это значит, меняется целый мир. И если человечество мыслит категориями причинности и времени обращение к понятиям «начало» и «вечность» неизбежно.

Вот здесь и появляется новое, но как «человеческое, слишком человеческое» – каждый философ пытается дать свой ответ на вечные проблемы бытия. Однако, и у греков ряд исследователей допускают влияние религии орфиков на их метафизический опыт и философские учения. Важно то, что важнейшие проблемы бытия воспроизводятся от эпохе к эпохе. Предлагаются новые способы их обоснования, обращённые к человеку той эпохи. То есть философия каждой эпохи и каждого народа опирается на собственные метафизические основания. Она пытается дать ответы на «всплывающие» из глубин бытия и эксплицируемые мыслящими людьми (греки называли их «мудрецами») вопросы и экстраполируемые философами той или иной эпохи на область мироздания. Философия не может не видеть целостность мироздания, не слышать симфонию мира. И здесь она близка к религии, литературе и искусству, но не к науке как естествознанию, хотя бли-

зость к математике и астрономии несомненна. Метафизика не отрывает человека от своей культуры, а потому делает философию (каждый человек в душе – философ) частью культуры.

Это обстоятельство прекрасно понимал Ф. Ницше, но оставлял приоритеты за античной (европейской философией): «Только культура, подобная греческой, может ответить на вопрос о задачах философии; только она может вообще оправдать философию, ибо она одна знает и может доказать, почему и каким образом философ не есть случайный странник, то сюда, то туда забредший» [11, с. 197]. Как филолог-классик Ницше признавал только греческие философские тексты, но ведь и культуры других народов таили глубинную мудрость веков и тысячелетий. Что и подтверждает сам Ницше, обратившись к знаменитому «*So sagte Zarathustra*». Человек иной культуры отвечает на эти «вечные вопросы» по – иному, поскольку он живёт на своей земле (по крайней мере, рождается и вырастает), живёт не только плодами земными (хлебом насущным), но и всем накопленным культурным богатством и его носителем – языком, и ядром культуры – религией. Вот на стыке этих сложных переплетений и возникают метафизические основы культуры и философии. Не отвечая на них, не может выжить не только общество и государство, но и индивид и личность. В противном случае он превращается в «случайного индивида», а у древних – попросту в раба.

Как вырастают метафизические основы культуры из повседневного опыта, как происходит сакрализация повседневности, это прекрасно показывают современные антропологические исследования. Метафизическая реальность – неотъемлемая часть уже в первобытной реальности. Вот как характеризует процесс становления личности Марсель Мосс: «От простого маскарада – к маске, от персонажа – к личности, к имени, к индивиду и от него – к существу, обладающему метафизической и моральной ценностью...» [10, с. 290]. А вот другой пример метафизической связи, скрепляющей общество воедино: «Наши праздники – это движение иглы, помогающей соединить части маленьких соломенных крыш, чтобы сделать из них одну только крышу, только одну клятву» [10, с. 114]. В этом случае разговор может вестись о многообразии культур и цивилизаций, о своеобразном переплетении религии, права и философии, которое наблюдается, например, в современной Индии.

Но в западной культурной традиции вопрос о метафизике – это прежде всего вопрос о конституировании философии онтологически-идеями, о своего рода секуляризации мифологических спекуляций посредством онтологии. «Физические» учения ранних философов Аристотель рассматривает как первые шаги на этом пути. В то же время метафизика как поиск запредельного, должного, лучшего (блага

и совершенства), искание абсолюта – оставалась ядром философии. В западной философской традиции их нередко отождествляли, но в то же время и противопоставляли. В особенности, метафизику – физике. Иногда целые эпохи добровольно отказывались и от одного, и от другого, или переносили акцент на проблемы этики и антропологии. Но использовали идеи предшествующих эпох. Так в эпоху эллинизма не разрабатывались фундаментальные проблемы онтологии (физики и метафизики), но использовалось учение об атомах и пустоте. Учение о логосе Гераклита стало основанием мощнейшего направления – стоицизма. Эпикуреизм, как и не в меньшей мере скептицизм позволяли человеку увидеть пути спасения в «мире бушующем». Но эти идеи существенно корректировались, обосновывая новое понимание свободы, необходимости и человеческого счастья. Метафизика оживала, вернее, не умирала. «Бессмертие метафизики» – один из острейших на сегодняшний день вопросов. Но стоит ли об этом говорить, если сегодня сомневаются в том, нужна ли философия вообще и что она даёт?

«Метафизика не умирает» – под этим лозунгом проходило специальное заседание нп прошедшем философском конгрессе, посвящённое памяти В. В. Миронова. Обращение к этому вопросу позволило конкретизировать проблему полицентричности философии и связанную с ней дилемму многообразия и универсальности философии. Она фундируются вопросами культурного и цивилизационного многообразия. Напрашивается мысль о том, что многообразие культурного опыта порождает многообразие типов философии. Но в этом случае мы сталкиваемся с многообразием спекулятивных систем, которые трудно подвести под определение философии. Можно ли, к примеру, говорить о «философии нагуа». Уникальный специалист по этой теме – Мигель Леон Портилья относит философствование, осуществляемое на языке хуатль (юто-ацтекская языковая семья), к типу греческой философии досократического периода. Много общего он находит также с китайским и индийским типом философствования. Как и у европейцев в этой философии, по его мнению, поднимаются вопросы истины, постоянного и неизменного в мире. Однако такого рода размышления развиваются на почве «мифологических представлений» и религиозных идей (см. [9]). Признаём ли мы такие размышления философскими? Если да, то мы уходим от европоцентризма, но возможен ли и что даст языковой анализ соответствующей терминологии. Можно ли перевести содержание такой философии на язык европейских философских категорий, да и какой в этом смысл? Аподейктичность в такой философии отсутствует.

Ряд подобных проблем поднимал в своё время А.Н. Чанышев [12]. В рецензии на учебник А.Н. Чанышева мной было написано: «Наш взгляд, главное в построении курса лекций по древней философии»

фии – это осмысление единства мирового исторического развития философской мысли, включая и ее предысторию. В соответствии с этим основной, стержневой проблемой выступает соотнесение в едином процессе генезиса философии ее древневосточной и древнезападной разновидностей. До сих пор по данному вопросу в нашей литературе еще не сложилось общепринятое мнение. А ведь от этого зависит решение одной из кардинальных проблем: в чем отличие нарождающейся философии от предшествующих мировоззренческих образований, и прежде всего от мифологий, от тех переходных форм, которые иногда обозначают как «постмифологию» («предфилософию» у А.Н. Чанышева)?» [4, с. 43].

У А.Н. Чанышева, благодаря концептуальному осмыслению проблемы генезиса философии, большой мировоззренческий материал (древнекитайская, древнеиндийская и древнегреческая предфилософии и первые философские учения) вливается в русло возникновения философии как процесса отделения её от предфилософии. Проблема субстанции, зарождающейся в недрах мифологии, становится предметом специального поиска, знаменуя отказ от мифологической традиции и торжество разума. При такой постановке вопроса автор справедливо датирует рождение философии (как на Востоке, так и на Западе) VI веком до н. э. Что же делает раннегреческих мыслителей именно философами? Ряд замечаний относительно этого вопроса содержится в трактовке неба у Конфуция, у Мэн-Цзы и Сюнь-Цзы, но с оговорками о их мифологических реминисценциях. Хотя Чанышев находил возможность говорить и о рационализированности и системности рассуждений моистов, исходящих из признания определяющего значения неба во всем мироздании и даже об абстрактно-категориальном аспекте обращения к проблемам мироздания, характеризующем даосизм. Но хотелось бы получить более полный ответ на поставленный вопрос, в особенности по отношению к первой философской школе Древнего Китая – конфуцианству. Что здесь мифологического и что – философского?

Имея дело с философией, тесно переплетающейся с религиозно-мифологической мыслью, А.Н. Чанышев большое внимание уделил выявлению всей системы абстрактных представлений и понятий, которая, на наш взгляд, выступает как сложное метафизическое образование. Метафизика зарождается уже на уровне предфилософии и получает свое развитие на уровне философии. А.В. Сёмушкин считал возможным говорить о «метафизике» Гомера. Но не будем забывать главного – речь идёт о «единстве мирового исторического развития философской мысли». Этот же аргумент приводил З.А. Каменский, делая ряд замечаний по моему докладу [5]. Вопрос о полицентричности философии при таком подходе не обсуждался. Возникает вопрос и

о термине «философия». Аристотель, используя термин «первые философы», называет их «физиками», то есть учившими о природе в отличие от «теологов», учивших о богах. Выделяя три области знания, он относит к первой (теоретической) «первую философию», «физику» и «математику». Но дело в том, что его философия включала в себя не только эти три области знания, но и две другие – «науки практические» (этика, экономика и политика) и «науки творческие» (поэтика, риторика, эстетика). Универсум аристотелевской мысли позволял на протяжении тысячелетий говорить о философии как о науке, о мире в целом, о мировоззрении. Причём в качестве синонима использовался термин «метафизика».

Обычно отмечают случайное происхождение этого термина, поскольку Андроник Родосский, классифицирующий работы Аристотеля, отнёс в следующую группу (то, что после физики) не имеющие единого плана лекции и другие материалы по «первой философии» (термин самого Аристотеля), имеющей своим предметом учение о «высших принципах», «причинах» бытия. Собственно, такого рода понимание фундаментальной философии как умозрительной науки о «высших принципах бытия» и закрепилось в истории европейской философии. Нельзя не учитывать, что для целых эпох и тысячелетий Аристотель и олицетворял философию. Отсюда и проистекающие упреки Аристотелю и в целом философии в её абстрактности, умозрительности и бездоказательности, которые столь сурово прозвучали уже у Френсиса Бэкона, требовавшего от наук их практической пользы. Прозвучало предостережение: «физика, бойся метафизики».

Соглашаясь с А.Н. Чанышевым, отметим, что обычно обращаются к двум определяющим характеристикам философии: субстанционализм и рационалистичность. Но «метафизические» корни философии как некоторый культурный багаж даёт о себе знать. Он определяет выбор субстанциональных оснований. В этом случае философ обращается к окружающему миру – «та онта» как к совокупности вещей и явлений. Боги не входят в «та онта», но пытаюсь найти причины происходящему и не «помяная имя Господа всуе», а отыскивая причинные первооснования, философ сталкивается с проблемами вечного, божественного и бессмертного. Без чего невозможны размышления об основах мироздания, перешагивание границ между приходящим и вечным. И здесь, отказываясь от обыденных представлений, философ создаёт своё философское учение о Боге. Вернер Йегер, автор знаменитого труда «Теология раннегреческих мыслителей» делает существенное замечание: «Разве не парадоксален тот факт, что тем из греческого наследия, что имело для религиозного развития человечества непреходящее значение, были не образы олимпийских богов, которые живут лишь в фантазии поэтов, а религия философских мыслителей».

эллинов, которая будет существовать до тех пор, пока на этой земле живут люди» [14, с. 17–18].

Эмиль де Стрикер отмечал, что философия ищет правильного знания, доказывает правду. Как раз за правду ведется полемика. Тезис противника должен быть опровергнут, так как он не соответствует истине. Победа будет неполной, даже если будет достигнута путём обмана, истина всё равно станет для всех очевидной. Научность и рациональность философии становятся очевидными главным образом благодаря тому, что многообразие и изменяемость объектов нашего опыта сводится к принципу единства и постоянства, т.е. к принципу, который свободен от любого произвола: «Некоторые соображения о греческой философии в ее связи с античной культурой и современным мышлением (перевод с немецкого языка из журнала "Antike und Abenland" том 20, № 1 за 1974 год) [15]. Насколько действенны эти подходы сегодня, не устарели ли они? Учитывая особенности восточных источников, трудно разделить генетическое (характерное для Востока) и субстанциональное (Запад) основания. Они переходили друг в друга. М.К. Петров обращал внимание на осуществляющийся при переходе к логическому мышлению поиск основной ассоциативной модели. Но здесь же происходила опора на язык. Известен знаменитый спор греческих философов об именах «по природе» и «по установлению». Имена «по природе» содержали моральные ограничения, которые закладывали социальную стратификацию и динамику.

Имена «по установлению» формировали новую метафизическую реальность и открывали мир агонистики и правовой рефлексии, позволяющей заменить форму социальной солидарности – коллективную мистическую сопричастность (мана) на публичное гражданское единство. Эта практика эмансипированного устного слова, вместе с писанным словом – законами, создавшая полисную культуру с её противоречиями, открывала путь в Европу. Важно обратить внимание на контекст, в котором рождается философия: изыскания первых мудрецов и мистериальных сообществ служили одной цели – заменяя прежние инициации, они претендовали на изменение внутреннего мира человека. Собственно, об этом идёт речь в так называемых «сократических» диалогах Платона. Но мудрец обращается к городу (город – это его граждане) и превращается в этом публичном призыве к поиску истины и справедливости в философа. И «софия», и «философия» приходят на смену ритуалам инициации, но философия в этом случае «смыкается как с посвящениями в мистерии, так и с борьбой мнений, происходящих на агоре» [3, с. 79].

Можно было бы продолжить рассмотрение подходов и вариаций. Но уже становится ясным – метафизическое (как некоторый культурный срез) пространство зарождающейся философии обширно и

разнообразно. И хотя Древняя Греция входила в обширный мир Средиземноморья и не может быть оторвана от культуры стран Ближнего Востока, нельзя считать, как это делал М. Бернал, что восточные мифологические образы, как и научные («преднаучные», поскольку их нельзя отнести к научным теориям) заполняли пространство древнегреческой культуры. Эта культура существовала как самостоятельное явление свободных граждан, обеспечиваемое единством и единением гражданской жизни. Но теперь это единение осуществлялось в ином – рациональном пространстве, являющимся итогом осуществлённой ими десакрализации и радикальной переоценки не только повседневных (социальных и личных), но и метафизических ценностей. Но греческая философия оставалась и единым движением, порождением греческого духа, греческой культуры. А перспективное обращение к рефлексии, обозначившееся в этической сфере обнаруживает себя в лирике и драме, изречениях семи мудрецов и, наконец, в философии. Это общее движение позволяет заполнить лакуну отсутствующих источников о раннегреческом мышлении. Победа логоса – это своего рода интеллектуальная революция. Формируется правовое, гражданское пространство. Здесь не только проходят дискуссии по всем вопросам полисной жизни, здесь воссоздаётся состояние социальной общности и обретается чувство онтологической безопасности в условиях повседневности войны.

«Хитрость разума», приходящего на смену архаичной софийности, компенсировалась расширением гражданского пространства и перенесением центра тяжести с конницы и тяжело вооружённой пехоты на легко вооружённую пехоту и флот. То есть эмансипацией широких масс населения. Но где-то оставались забытые (и незабываемые никогда) обычаи и традиции, верования, табу и обряды. Корнфорд, в частности, утверждал: наука существовала для жизни, религия для праздника. Начиная исследование об истоках западного мышления, он пишет следующее: «Философия унаследовала у религии принятые фундаментальные концепции – например, идеи бога, души, судьбы, закона, которые продолжали ограничивать движение рационального мышления и определять его главные направления» [15, р. 5]. Не только примитивные верования о природе мира были священными (религиозными) и в этом смысле моральными, но и сама структура мира в архаической философии оставалась моральным и сакральным порядком. Необходимо уточнить в этой связи, что на ранних стадиях социального развития человек не мог судить о природе по аналогии с обществом, поскольку ещё не выделял себя из природы, не осознавал себя и коллектив как нечто отличное от природы. Природа и общество были неразрывно связаны, но потому, то человек и мог жить в соответствии с природой, не отделял её от себя. Социальная группа и окружающие

её животный и растительный мир были объединены одной сложной системой обычаев и табу, расширяющих пространство взаимодействия человека до уровня сущностей метафизических. В частности, в таком качестве Корнфорд особую роль отводил Мойрам.

Философия не отвергала этот мир – иррационального в его основаниях. Военные добродетели: (воинская доблесть) и мирные добродетели (умеренность и справедливость) находились на стыке этих двух начал. Способности не оскорблять богов, но и не отказываться от достижения поставленных целей. Объединение первого и второго знаменовало новое метафизическое качество, сохраняло установку на неизвестное и непознанное, прорыв к абсолюту. Наука и образование, как и правовая культура, тоже стали традиционными полисными ценностями. Религия – для праздников, наука – для будней. Наука, образование, право вырастают из греческой установки на теоретическое познание, истину и разум и неразрывно связаны с поиском последних сущностей и смысла мироздания, того, что издавна называют «метафизикой». Поэтому, возвращаясь к идеям Мустафы Исаевича Билалова, подчеркнувшего важную роль философии в развитии духовной ситуации на всём протяжении ислама, поддержим его тезис о взаимодействии и взаимоуважении религии и философии в современном российском образовании.

Надо сказать, что такого рода вопросы поднимались в третий день работы прошедшего Российского философского конгресса на специальном заседании симпозиума «Метафизика не умирает», посвящённого памяти В.В. Миронова. Во многих отношениях эта формула смысла была обобщающей и открывала культурное пространство философского самосознания. Идеи В.В. Миронова о том, как возможна метафизика сегодня, каковы условия её возрождения, которые предоставляет нам наше время, не только существенно расширяют пространство философского образования, но и позволяют поставить вопрос о метафизических основаниях духовных и социальных процессов, происходящих в нашей стране. Обратим внимание, что у Миронова смысл и назначение метафизики раскрываются через определение метафизики университетского бытия. Благоговение и восторг, который охватывает всякого, кто оказывается в священных стенах МГУ, будучи причастным священным поискам истины и красоты, имеют метафизическое звучание. Метафизическое предназначение Московского университета – (онтологический центр – общественный и личный). Важнейший онтологический центр московского культурного бытия, её «наглядно-разумная вертикаль». Мы бы осмелились сказать – российского культурного бытия. С ним связана особая гуманитарная миссия и ответственность российской философии и философов как представителей научно-педагогической интеллигенции,

названной ещё в начале двухтысячных, сложных и неоднозначных, – это «государствообразующий социальный слой». Философия должна нести метафизический свет служения истине и своему народу. «Университет есть "столп и утверждение истины", говоря словами П.А. Флоренского; он – центральный светский духовный храм России...» [8, с. 19; Ср. с. 190]. Святыня проявляет себя через её метафизические лики. Лишите народ Святынь и начнётся, к великому горю и сожалению, «процесс нравственного разложения» [8, с. 646–647]. Соавтор Владимира Васильевича А.В. Иванов, выступая на симпозиуме подчёркивал в этой связи софийность философии, относя в единый ряд философию, религию и теологию. Не игнорируя, естественно, их различий и выдвигая грандиозную проблему – сочетать научное мировоззрение с религиозными ценностями и традициями – можно охарактеризовать метафизику как поиск высших смыслов, без которых невозможна философия.

Соотношение философии и метафизики уже у Аристотеля выливается в аксиоматику, но ведь была и софийная философия Сократа. Метафизическая тематика предполагает и проблему полицентричности философии. Универсальна ли западная философия для всех стран и народов? Универсальна ли её метафизика с центральным для неё понятием "бытия"? Как трактовать в этом случае арабскую философию, где нет глагола "быть". У них нет ни метафоры, ни аналогии. Какова должна быть метафизика, родственная этой традиции? И почему "бытие" встраивается в европейскую традицию? Речь в этом случае должна идти о культурных традициях, противостоящих другим культурным традициям. Эти вопросы справедливо поднимал А.В. Смирнов [7, с. 10]. Здесь же мы сделаем ещё одно замечание: речь и в этом случае идёт не только о мировой философии, но и об особенностях философии отдельных стран и народов. О странах не западных, которые по-прежнему пытаются подогнать под западные стандарты. А это значит – страны традиционной культуры не укладываются в рамки европейской рационалистической традиции. Но что же тогда остаётся для такой философии? Сохраняется смыслопорождающая функция философии. Но теперь закладываются совсем иные метафизические смыслы. Не индивид как сакральная ценность, а коллективизм, не безудержный прогресс, а гуманистический поиск науки. Развитие техники, не направленное против человека. И не тотальный цифровой контроль, а самосовершенствование человека. Итак, философия как самосознание, личностное знание и смыслопорождение основывается на традиционных метафизических ценностях и в этом случае продолжает выполнять свою культуuroобразующую роль.

Литература

1. Антипов Г.А. Нужна ли нашим университетам философия? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 1. – С. 88–100.
2. Билалов М.И. Современна ли современная философия? (Продолжаем полемику) // Научная мысль Кавказа. 2021. № 3 (107). – С. 58–64.
3. Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. – М.: Прогресс. 1988. – 224 с.
4. Драч Г.В. Рецензия: Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа, 1981 // Драч Г.В. История философии и теория культуры. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017. – С. 43–48.
5. Драч Г.В. История одного доклада // Вопросы философии, 2018, № 5. – С. 145–156.
6. Драч Г.В. Философия Аристотеля как событие историко-культурного ряда // Вопросы философии. 2020. № 1. – С. 27–37
7. Драч Г.В. Философия в полицентричном мире: о VIII Российском философском конгрессе // Вопросы философии, 2022. № 11. – С. 5–12.
8. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: Современные тетради, 2004. – 647 с.
9. Леон-Портилья Мигель. Философия нагуа. Исследование источников / пер. и коммент. Р. Бургете. – М.: Издательство иностранной литературы, 2010. – 384 с.
10. Мосс М. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. 360 с.
11. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М.: Пор-Рояль, 1994 416 с.
12. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшаяшкола, 1981. – 374 с.
13. Cornford, Francis M. From Religion to Philosophy. New York; Evanston: Harper & Row, 1957. – 275 p.
14. Jaeger W. von. Die Theologie der frühen griechischen Denker. Stuttgart, W. Kohlhammer, 1953. – 303 s.
15. Strycker E. de. Einige Betrachtungen über die griechische Philosophie in ihrem Verhältnis zur antiken Kultur und zum modernen Denken // Antike und Abendland. 1974. Bd. 20, Heft 1, S. 1–13.

УДК 1+323.1(=161.3)

Идеология и национальная идея. Особенности определения национальной идеи Беларуси

Лазаревич Анатолий Аркадьевич

кандидат философских наук, доцент,
директор Института философии НАН Беларуси
г. Минск lazarevich@anitex.by

Аннотация. В теоретико-методологическом ключе рассматривается структура и содержание понятий «идеология» и «национальная идея». Раскрываются особенности, предпосылки и противоречия процесса становления национальной идеи, ее понятийный и образно-символический блоки, выступающие основой для формирования и развития национальных идеологических доктрин. Показано, что в процессах формирования национального самосознания и становления национальной идеи важную роль играет историко-философский нарратив, встроенный в эволюцию духовной культуры народа. В этой связи рассматриваются особенности поиска и становления национальной идеи Беларуси, вытекающие из истории, современных и перспективных задач развития страны.

Ключевые слова: нация, национальная идея, идеология, национальная идея Беларуси, духовная культура, национальное самосознание, история философии.

Ideology and national Idea. Peculiarities of the Definition of the national Idea of Belarus

Lazarevich Anatoly Arkadyevich

State Scientific Institution «Institute of Philosophy of the
National Academy of Sciences of Belarus»
Minsk lazarevich@anitex.by

Abstract. The author presents structure and content of the concepts of "ideology" and "national idea" from theoretical and methodological point of view. He reveals features, prerequisites and contradictions of the process of formation of the national idea, its conceptual and figurative-symbolic blocks, which serve as the basis for the formation and development of national ideological doctrines. He shows that in the processes of formation of national identity and the formation of the national idea, an important role is played by the historical and philosophical narrative built into the evolution of the spiritual culture of the people. That's why the author

investigates features of search and formation of the national idea of Belarus, arising from the history, modern and future tasks of the country's development.

Keywords: nation, national idea, ideology, national idea of Belarus, spiritual culture, national identity, history of philosophy.

Идеологию следует рассматривать как рационализацию политических интересов различных субъектов – политических партий, общественных движений, классов, наций, общества, государства и т. п. Традиционно она выступает в виде системы концептуально оформленных идей, которые выстраиваются вокруг определенного ядра и адаптируют его к конкретным историческим обстоятельствам и задачам. Данное ядро и можно обозначить понятием «национальная идея». В целом идеологическая деятельность, так или иначе, связана и направлена на реализацию (раскрытие) различных аспектов национальной идеи в соответствующих сферах общественной жизни путем осуществления определенных политик и программ (в экономической, культурной, конфессиональной, экологической, образовательно-воспитательной, внешнеполитической и т. п. сферах).

Понятие «национальная идея» несмотря на то, что употребляется достаточно широко, не имеет однозначного определения. Существуют философские, богословские, политологические, социологические, художественные трактовки национальной идеи. Вместе с тем, практически никто из исследователей не сомневается, что национальная идея – это действительный, а не мнимый феномен общественного сознания, оказывающий воздействие на стратегию развития общества и государства, его позиционирование в мире.

На практике термин «национальная идея», кроме встречающегося его отождествления с национальной (государственной) идеологией, нередко употребляется наряду с терминами «национальный менталитет», «национальный (этнический) код», «страновой образ (имидж)». Содержание этих понятий существенно различается. Смешивание их между собой резко снижает научный уровень обсуждения соответствующих проблем, эффективность предлагаемых рецептов их решения.

Тем не менее, между понятиями «национальная идея» и «общественная (государственная) идеология» прослеживается теснейшая связь. Национальная идея – это своего рода ядро, фундамент, на котором строится идеологическая доктрина. Она представляет собой форму общественного сознания – смысловой комплекс, отражающий наиболее существенные аспекты исторического социального опыта и традиций народа, практики рационального, эмоционального и образно-ассоциативного освоения действительности, идеалов совместной

деятельности, поведения и коммуникации людей, принадлежащих одной нации.

В отношении общественно-государственной идеологии национальная идея выполняет системообразующую функцию, будучи одновременно источником идеологических построений (то, по поводу чего, для раскрытия чего осуществляется идеологическая работа) и их целью (какие именно ценности, приоритеты, цели развития должны быть воплощены в идеологическом сознании в результате идеологической работы). Подобную роль национальная идея выполняет и в отношении национального самосознания (идентичности). Она включает в себе представление об истоках нации, ее этнических и духовных корнях, а также о целях (исторической роли, судьбе, предназначении) нации. В концентрированном виде национальная идея выражает специфику «картины мира» народа, а также бытующий в общественном сознании идеальный образ общественно-государственного устройства. В силу этого можно согласиться с высказыванием А.И. Солженицына о том, что национальная идея – это «...популярная идея, представление о желаемом образе жизни в стране, владеющее ее населением» [1].

В различных контекстах национальная идея приобретает рационализированную (повествовательную) или символическую (образную, в т. ч. графическую, музыкальную и т. п.) форму. Понятийное оформление национальной идеи является предпосылкой и отправным пунктом теоретической разработки основ идеологии государства. Продуктивность этой работы зависит от того, насколько «удачно» (четко, сжато, в общепонятных терминах) сформулирована национальная идея как основной мотив, рефрен идеологических построений.

Содержание национальной идеи может быть раскрыто через прояснение ряда вопросов:

- 1) каким образом представлены в сознании нации сведения о ее происхождении, основных вехах исторического пути;
- 2) каковы представления нации о ее будущем, о целях существования, исторической миссии;
- 3) каким представляется нации ее место среди других народов и оптимальные взаимоотношения с ними;
- 4) верит ли нация в свою уникальность, особенность, и если да, то в чем она заключается;
- 5) какие исторические события выступают символом национального единения, примером демонстрации лучших национальных черт;
- 6) каковы характеристики национального характера; какими личностными чертами должен обладать человек – идеальный (либо типичный) представитель нации и др. [2, с. 482].

Распад Советского Союза создал для бывших союзных республик уникальную ситуацию форсированного нациогенеза. Можно указать, по меньшей мере, три особенности этого процесса. Во-первых, задачи государственного строительства и обеспечения приемлемого уровня социальной стабильности решались параллельно с процессом формирования национальных идей, тогда как обычно социальная консолидация опирается на достаточно устойчивую национальную идею. Во-вторых, субъектами этих процессов стали граждане, обладающие сравнительно слабой национальной самоидентификацией. В-третьих, нациогенез протекал в условиях прерывной исторической традиции государственности и национально-идеологических построений.

Следствием этих особенностей стало то, что во многих постсоветских странах смысловые комплексы, призванные выполнять функции национальных идей, носят довольно искусственный характер. Они основываются на величии прошлого (нередко искусственно примысленном), на отдельных событиях раннего периода национальной истории. Недостаточно учитывается наследие советского периода, элементы исторической и современной материальной и духовной культуры народа, черты повседневности, принципиально важные для выведения национальной идеи из состояния латентности.

Названные трудности и противоречия формирования национальной идеи отчасти характерны и для Республики Беларусь, хотя наша страна и обладает действительно древней историей, богатым ресурсным потенциалом национальной духовной культуры. С учетом социокультурных особенностей нашей страны задачи определения национальной идеи требуют особой методологии своего решения.

Говоря о предпосылках определения национальной идеи Беларуси, необходимо отметить, что эта задача не может быть определена без понимания природы нации как социально-исторического образования высокого (выше, чем этнос) уровня, интегрирующего политическую, социально-экономическую и культурную сферы. Даже в мононациональных государствах определение национальной идеи будет неверным, если будет сводиться к максиме этнического самосознания или какой-либо одной религиозной конфессии. С другой стороны, определение национальной идеи будет неверным и в том случае, если будет включать в себя *только лишь* национально обезличенные, универсальные понятия и образы (такие как «прогресс», «справедливость», «демократия»), несмотря на их безусловную значимость.

Следует еще раз подчеркнуть, что национальная идея не формулируется «на кончике пера», а *выводится* из латентного состояния в состояние очевидности, т. е. *отыскивается* и *определяется* на основе детального изучения историко-культурных и социально-демографических фактов. Необходимые для национальной идеи Беларуси пара-

метры отражаются в эмпирическом материале (в данных истории, археологии, этнографии, фольклористики, философии, социологии, лингвистики, искусствоведения, демографии и др.).

Определение национальной идеи должно учитывать, что ее проработанная структура включает в себя понятийный и символический компонент, которые одинаково значимы. Теоретические артикуляции национальной идеи представляют собой самый уязвимый ее компонент, так как делают ее подверженной теоретической же критике. Нет такого идеологического тезиса, который нельзя было бы, задавшись целью, обесценить или опровергнуть. Акцент же на образно-символическую сторону такую критику исключает, поскольку символическое высказывание имеет референтом не внешнюю «действительность», а непосредственно переживаемую, наполненную многообразными смыслами *субъективную реальность* носителя национальной идеи.

Что касается *понятийного блока* национальной идеи Беларуси, то он определяется таким образом, чтобы включать базовые идеи, характеризующие менталитет белорусского народа. В их числе:

1) Идея сильного государства как гаранта благосостояния и стабильности нации.

2) Идея государственного суверенитета как залога дружбы и добрососедства с другими государствами.

3) Идея целерационального холизма, т.е. стремления к личному благосостоянию через благополучие всего общества («каждый стремится, и все вместе достигают»). Оптимально выражается через образ «*толоки*» – белорусский национальный инструмент социальной взаимопомощи, повышения благополучия каждого коллективными усилиями.

4) Идея «золотой середины», избегания крайностей и радикализма в дилеммах общественного развития (Восток – Запад, коллективизм – индивидуализм, либеральный рынок – плановая экономика, суверенитет – интеграция и др.).

5) Идея справедливости в выстраивании взаимоотношений между людьми как условия гармоничного общества (экономически эффективная справедливость).

6) Идея «мягкой силы», целеустремленного ненасильственного развития, движения вперед в опоре на стойкость, трудолюбие, уверенность в своей правоте, не включаясь в борьбу за внешние атрибуты лидерства, геополитического доминирования.

7) Идея ключевой роли интеллекта, образованности и науки как важнейшей (наряду с трудолюбием) предпосылки национального процветания и др.

Следует подчеркнуть, что в современном поликультурном и тесно интегрированном мире нельзя ожидать, что какой-то один образ, девиз, понятие сможет зафиксировать содержание национальной идеи в равно приемлемой для всех граждан форме. Поэтому работа по определению национальной идеи Беларуси предусматривает вариативность ее блоков, как понятийного, так и образно-символического.

Вышеизложенное говорит о том, что национальная идея не может быть выявлена одномоментно, выведена решением государственного органа, научного коллектива или учреждения культуры, каким бы высоким потенциалом они не обладали. Для определения оптимальных понятийных и образно-символических составляющих национальной идеи Беларуси необходима исследовательская программа, отвечающая таким критериям, как:

- 1) междисциплинарный подход, сотрудничество представителей разных дисциплин социально-гуманитарного знания;
- 2) изучение на историко-этнологическом материале и, где необходимо, креативное реконструирование ключевых аспектов национальной мифологии в ее историческом и современном срезе;
- 3) опора на результаты специально организованных социологических исследований как методом опроса (для оценки базовых ценностных ориентаций граждан), так и методом глубокого интервью (для выявления глубинных понятийных и символических коннотаций национальной идеи), а также в фокус-группах (для отработки гипотез о конкретном содержании национальной идеи, проверки приемлемости конкретных выразительных форм).

Важную роль в числе названных критериев играет историко-философский нарратив интерпретации и формирования структурно-содержательных компонентов национальной идеи и идеологии. Общественное сознание, идеология может основываться только на фундаментальных ценностях национальной жизни, закрепленных на протяжении столетий в определенных традициях. Обращение к своим духовным истокам, объективное воссоздание достижений прошлого, как и осознание своего индивидуального исторического пути, означает прежде всего обращение к испытанным временем естественным и жизнеспособным основам и принципам духовно-культурного и социального опыта белорусского народа, неотделимого от всего богатства общечеловеческой культуры.

Поэтому в контексте разработки нарратива национальной идеи и соответствующих идеологических основ национально-государственного развития резко возрастает значимость исследований в области отечественной истории философской и общественно-политической мысли. Для любой нации ее интеллектуальное наследие должно служить объединяющей силой и основой поисков ответов на фундамен-

тальные жизненно значимые вопросы: Кто мы? Почему мы живем здесь? Какие мы и каковы наши исторические корни и цивилизационные перспективы?

Белорусское философское наследие в этом смысле является одним из краеугольных камней понимания и формирования национальной идеи и национально-государственной идеологии, а его всесторонняя разработка представляет собой важнейшую предпосылку и фундамент самосознания и мировоззрения современной белорусской нации.

За последние годы накоплен немалый позитивный опыт в изучении историко-философского и историко-культурного процесса в Беларуси. Результаты проведенных в Институте философии НАН Беларуси исследований отдельных исторических этапов становления и развития отечественной философской мысли, а также наследия отдельных ее представителей отражены в многочисленных научных статьях и монографиях [3–5]. Эти разработки в совокупности представляют, как общие тенденции развития философской и общественно-политической мысли Беларуси, так и дают исторически конкретное, дифференцированное освещение сущности и идейного содержания важнейших периодов становления белорусской нации. Они в итоге подтверждают, что в процессе духовного развития Беларуси, как наиболее значимые, обосновывались идеи интеллектуального и нравственного совершенствования человека в контексте его принадлежности к христианской культуре, конкретной родине, народу; гражданского и религиозного мира и согласия; синтеза идеалов Востока и Запада; ценности природы родного края, национальной духовной культуры и языка. Все это имеет непреходящее значение для формирования национальной идеи, мировоззренческих основ и идеологии современного белорусского общества и государства.

Литература

1. Написано кровью: Интервью Александра Солженицына журналу «Шпигель» (24 июля 2007 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Solzhenitsyn_A.I._Napisano_krovju.pdf . – (Дата доступа: 20.03.2023).

2. Лазаревич А.А. Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 478–494.

3. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. У 6 т. / рэд. кал.: В. Б. Евароўскі [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск: Беларуская навука, 2008–2017.

4. Трошкі бліжэй да Сонца, трошкі далей ад Месяца: беларуская народная філасофія / Т.В. Валодзіна [і інш.]; уклад. і агул. рэд.: І.М. Дубянецкая, С.І. Санько; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – 3-е выд. – Мінск: Беларуская навука, 2023. – 481 с.

5. Традыцыйны светалад беларусаў. У 5 кн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі; уклад. і агул. рэд.: І.М. Дубянецкая, С.І. Санько; аўт. тэкстаў: Т.В. Валодзіна [і інш.]; маст. М.С. Храпавіцкі; каардынатар праекта А.А. Лазарэвіч. – Мінск: Беларуская навука, 2023. – Кн.1. Касмалогія. – 87 с.: іл.

6. Актуальныя напраўленія ідеалагічнай работы в Республіке Беларусь / С. В. Решетников [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2017. – 331 с.

7. Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск: Амалфея, 2008. – 481 с.: ил.

8. Бабосов, Е. У истоков белорусской национальной идеи / Е. Бабосов // Беларуская думка. – 2016. – № 10. – С. 77–82.

9. Национальная идея: Страны, народы, социумы: сб. ст. / отв. ред. Оганисян Ю.С. – М.: Наука, 2007. – 421 с.

УДК 32:316.75

Ценностное содержание концептуальных идеологий

Билалов Мустафа Исаевич

доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанский государственный университет, ведущий научный сотрудник РЦЭИ ДФИЦ Махачкала mibil@mail.ru

Аннотация. Статья подготовлена на основе доклада на международной конференции «Ценности познавательных культур в концептуальных идеологиях (14–17 сентября 2023 года, г. Махачкала). В ней пояснены цели конференции: выработать цивилизационные идеологические ориентиры и векторы перспектив России и Дагестана в контексте философски аргументированных научных представлений. Даны ориентировочные для конференции смыслы понятий идеология, глобализационные идеологообразующие ценности, авторские трактовки познавательных культур, их исторических типов и национальных

форм, половозрастных и религиозных разновидностей, других видов и форм. В статье предлагается авторское видение совершенствования практической функции философии в реалиях России и Дагестана.

Ключевые слова: ценности, идеология, познавательная культура, евразийская цивилизация, истина, методология, практическая философия.

Value content of conceptual ideologies

Bilalov Mustafa Isaevich

Doctor of philosophical science,

Professor at the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, Specificity of Culture and Interreligious Dialogue In the North Caucasus

Professor, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

Dagestan State University

Leading Researcher

Makhachkala mibil@mail.ru

Annotation. The article was prepared based on a report at the international conference "Values of cognitive cultures in conceptual ideologies" (September 14–17, 2023, Makhachkala). It explains the goals of the conference: to develop civilizational ideological guidelines and vectors of prospects for Russia and Dagestan in the context of philosophically reasoned scientific ideas. Indicative for the conference meanings of the concepts of ideology, globalization ideological values, author's interpretations of cognitive cultures, their historical types and national forms, sex and age and religious varieties, other types and forms are given. The article proposes the author's vision of improving the practical function of philosophy in the realities of Russia and Dagestan.

Keywords: values, ideology, cognitive culture, Eurasian civilization, truth, methodology, practical philosophy.

Что означает ценностное содержание концептуальных идеологий, выведенное в заголовок настоящей конференции. Нам представляется, что ключевыми словами здесь являются ценности, истина и идеология. Первые два понятия достаточно устоялись в науке, их особо рассматривать не будем. Мы исходим из того, что «социальная идеология является социально-философской категорией, обозначающей уровень социального сознания и представляющей собой систему политических, культурных, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, в которых осознается и оцени-

вается отношение людей к социальной действительности» [5 С.122]. За небольшими коррекциями, данное определение участвующего в конференции профессора Н. Денисова, может быть принято для работы нашего форума за исходное.

Разумеется, идеология как теоретическая система может быть разной степени общности – узконациональной, государственной, религиозной. Под концептуальной идеологией нами понимается философски состоятельный духовный феномен, предстоящий как продукт культурной деятельности социально-политических и исторических общностей, отличающихся своей мировоззренческой и методологической спецификой. Концептуальная идеология субстанциальна и фундаментальна, обладает определенной незыблемостью и предстает стержневой основой по отношению многообразным сторонам историчности субъектов и акторов идеологии. Идеология основывается на фундаментальных ценностях духа народов – образа их бытия, мышления, морали, культуры, политики...; эти идеологообразующие признаки и ценности могут лечь в основу национальной идеологии, но, если они общи нескольким народам – образовать систему государственной или цивилизационной идеологии. При всей неоднородности составляющих культурных ценностей можно говорить о европейской идеологии, мусульманской, евразийской идеологии

Число важнейших ценностей, придающих цивилизационную определенность этим идеологиям, невелико, их, как правило, десятка два-три. Их составляют устойчивые в эпоху глобализации по несколько ценностей из политических, культурных, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских разновидностей; их можно было бы назвать глобализационными цивилизационными ценностями. Наша концепция основана на том, что детерминирующую и упорядочивающую роль в них играют ценности познавательной культуры. Культура мышления, логика, разум, чувства, их составляющие приемы, подходы, средства выстраивают всю систему идеологообразующих ценностей – как мы думаем, так и живем. Виды и типы познавательных культур порождают соответствующее многообразие идеологий. Таким образом, система гносеологических и эпистемологических ценностей оказываются базовыми и конкретизируют идеологию как методологию и стратегию цивилизационной политики, в частности, России, Беларуси, Узбекистана, Дагестана...

Для этносов и народов этих стран и регионов, по нашему мнению, по мнению и других политологов, и философов, наиболее адекватной представляется евразийская идеология. Ментальные, этнические и религиозные традиции этих исторических общностей тяготеют к таким ценностям и характеристикам познавательной культуры, как иррациональность, мистика, интуиция, чувственность и др. Они лежат

в русле иррационализации культуры как тенденции глобализации [4–5]. В то время как та же европейская цивилизация основывается на противоположных ценностях – целевой рациональности, теоретизме, общественном и государственном сциентизме, с вытекающими отсюда индивидуализме, эгоизме, атеизме, либерализме, децентрализации... [3, с. 129]. Однако, евразийство не культивирует крайние формы своих ценностей, тот же его иррационализм противостоит целевому рационализму по существу, как ценностный рационализм, который мог бы принят европейским мышлением для ослабления агрессии разума и его разбавления добротой сердца. Есть и другие достоинства евразийской культуры для посредничества и установления диалога ценностей Запада и Востока, Севера и Юга, христианства и мусульманства.

Сближение культур и идеологий предстает как диалог и полилог познавательных культур, их исторических типов и национальных форм, половозрастных и религиозных разновидностей, других видов и форм. Поиск приемлемой разновидности познавательной культуры предстает не только как стремление к своеобразному критерию ценностной идентичности цивилизации, но и как участие субъекта научного творчества в нахождении оптимальной основы формирования истины. Современный субъект познания становится подлинно человеко-размерным и коллективным, предельно обогащенным субъектными конкретно-историческими параметрами. Субъектные уровни познавательной культуры позволяют осмысливать множество половозрастных (мужская, женская, детская, молодежная, познавательные культуры), цивилизационных (восточная, западная, христианская, буддийская, евразийская и т. п.), этноконфессиональных (немецкая, русская, дагестанская, мусульманская), научных и вненаучных, рациональных и иррациональных и т. п. познавательных культур.

Всесторонний анализ познавательной культуры вместе с субъектными уровнями, операционными механизмами и производимыми ими творческими продуктами позволяет выявить их комплексное влияние на разнообразные интерпретации истины. Речь идет, по существу, о методологической функции той или иной разновидности познавательной культуры в отношении определенной концепции истины. И общее философско-понятийное осмысление истины предстало как методология полилога познавательных культур. Иначе говоря, полилог познавательных культур оказывается достаточно эффективной методологией философии истины. Так же, как «консенсуальный подход к решению проблемы научной истины» «полностью совместим с концепцией многофакторной детерминации процесса научного познания: объектной, социальной, культурной, исторической, мировоззренческой, личностной» [7, с. 63].

Сам факт рассмотрения истины в коммуникативном пространстве познавательных культур свидетельство состоятельности стыка идеология и истина. Речь идет о значительной детерминированности философского осмысления истины этническими, национальными, религиозными и цивилизационными ценностями. Органическая социальная связь истины и идеологии эффективизирует практически-политические функции философии, поскольку такая философия презентует идеологию как методологию социальной политики. Такой подход качественно отличается от западноевропейской и североамериканской традиции, сделавшей акцент политической философии либертарианства как на современном государственном менеджменте.

Одной из задач настоящей конференции является совершенствование практической функции философии в не лучшие времена ее развития в России и на Северном Кавказе. Одна из фундаментальных монографий по практической философии в отечественной философии написана докладчиком данной конференции, уважаемым Львом Евдокимовичем Балашовым. На странице пятой читаем, «практическая философия – это философия, имеющая целью воздействовать на людей *силой мысли* через посредство слова, убеждения – в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации) [2, с. 5]. Можно согласиться с автором, когда он включает в предмет практической философии проблемы жизни, смерти и бессмертия, человеческого счастья, любви, свободы, социальной и цивилизационной ориентации, гуманизма. Но общий вектор осмысления практической философии направлен на лежащий в ее основе характер познавательной культуры, на ее ценности в уме, разуме и рассудке.

Но можно согласиться, что «внимание к практической философии значительно возросло» в связи с высокой сложностью, комплексностью и междисциплинарностью возникающих в последнее время проблем. Новые феномены, включающие природные, социальные, антропологические, этические и ценностные аспекты, требуют многоуровневого подхода со стороны философского дискурса [1, с. 133].

Мы также ожидаем от докладчиков конференции научно-аргументированных рекомендаций по социокультурной и национальной стратегии Дагестана, в основных направлениях его развития, средствах и сроках реализации управленческих решений руководством республики.

Литература

1. Баева Л.В., Федюлина Е.В. Концептуализация электронной культуры и практическая философии: от классики до информационного социума: сборник материалов всероссийской конференции (Астра-

хань, Астраханский государственный университет, 27-28 сентября 2018 г.) / под научной ред. Л.В. Басовой и К.А. Маркелова. – Астрахань: издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 550 с. С. 133.

2. *Балашов Л.Е.* Практическая философия.-М.: МЗ-Пресс, 2001, – 320 с.

3. *Билалов М.И.* Евразийская цивилизационная идентичность Юга России // Цивилизационные исследования на Юге России: монография / Г.В. Драч, Т.С. Паниотова, В.Н. Бадмаев и др.; Южный федеральный университет; отв. ред. Г.В. Драч. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018. – 304 с. С. 108–145.

4. *Билалов М.И.* Проблемы истины и рациональности в познавательной культуре постмодерна // Научная мысль Кавказа. № 3, 2016. С. 25–30.

5. *Билалов М.И.* Иррационализация познавательной культуры и ценность истины // Истина как ценность и проблема истинных ценностей в современной российской культуре. СПб., 2011. С. 112–123.

6. *Денисов Н.Г.* Политика культуры – культура политики – культурная политика: монография. Краснодар, КГИК.-2020. – 269 с.

7. *Лебедев С.А.* Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 53–64.

УДК 323

Сохранение и развитие национальной идентичности как важный фактор формирования нового Узбекистана

Саифназаров Исмаил Саифназарович,
доктор философских наук, профессор

Эрназаров Дилмурод Зухриддинович

доктор политических наук, доцент кафедры
социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный

экономический университет

Ташкент; dilm79@inbox.ru; profis48_48@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются процессы сохранения и развития национальной идентичности, которые неразрывно связаны с формированием Нового Узбекистана. В работе проводится анализ взглядов многих известных ученых о понятии «национальной идентичности». Также подвергается философскому анализу процессы формирования национального самосознания на основе национального языка, культуры, истории, традиций и национальных ценностей, а

также протекание процессов ассимиляции и диссимиляции на разных этапах развития общества.

Ключевые слова. Государство, нация, национальная идентичность, язык, история, культура, Новый Узбекистан, национальные ценности.

Preservation and development of national identity as an important factor in the formation of new Uzbekistan

Saifnazarov Ismail Saifnazarovich

Doctor of philosophical science

Professor of the Department of

Social and Humanitarian Sciences

profis48_48@mail.ru

Ernazarov Dilmurod Zukhriddinovich

Associate Professor of the Department of

Social and Humanitarian Sciences

Doctor of Political Science (PhD)

Tashkent State University of Economics

dilm79@inbox.ru

Annotation. This article analyzes the processes of preserving and developing national identity, which are inextricably linked with the formation of New Uzbekistan. The paper analyzes the views of many famous scientists on the concept of "national identity". Also subjected to philosophical analysis are the processes of formation of national identity on the basis of the national language, culture, history, traditions and national values, as well as the processes of assimilation and dissimilation at different stages of the development of society.

Keywords. State, nation, national identity, language, history, culture, New Uzbekistan, national values.

Осознание национальной идентичности означает гордость за Родину, на которой живет народ, почитание его языка, территории, религии, культуры, духовности, национальных традиций и ценностей, наследия, осуществление практической деятельности по его развитию. Известно, что национальный язык, территория, обычаи, традиции, национальное наследие, ценности и духовность являются основными предпосылками существования нации, а понимание национальной идентичности также является главной предпосылкой. Это один из основных факторов обеспечения национальной безопасности в условиях глобализации.

На наш взгляд, реализацию духовной идентичности в условиях глобализации невозможно представить без таких человеческих качеств, как нравственность, порядочность, человечность, религиозная вера, благость, доброта. Основными характеристиками и задачами духовности являются формирование в человеке нравственности и человечности. Нравственность и гуманизм были главными критериями в восточной науке и философии, в управлении обществом и государством.

Известный ученый и философ В. Алимасов пишет: «В конфуцианстве выдвигается гуманистическая идея и подход, что управление обществом и государством зависит от нравственно-духовного воспитания и совершенствования человека (царя, правителя, чиновника). В центр исследований ставится проблема совершенствования людей, а не социальных и политических институтов. [1] Теоретически это верно, потому что общество и государство развиваются и совершенствуются благодаря развитию человека.

Осмысление национальной идентичности в «Авесте» и в древних философских произведениях, особенно Фараби, аль-Бухари, ат-Тирмизи, Ибн Сины, Беруни, Юсуфа Хос Хаджиба, Ахмеда Яссави, Хусейна Ваиза Кошифи, Алишера Наваи, Бабура, Суфи Оллояра, ценные идеи представлены в работах Машраба и Абдуллы Авлони. Их научная и теоретическая ценность изучается исследователями и высоко оценивается. [2]

Существуют разные мнения о понятии национальной идентичности, ее структуре, функциях и месте в государственной политике. В частности, по мнению известного ученого, профессора С.Отамуратова, «Каждая нация и народ считают себя реальным существом, определенным материальным, а осознание принадлежности к этническому единству, языка, обычаев, традиций, ценностей и общих интересов, и потребностей государства, представляющих их духовное богатство, называется реализацией национальной идентичности». [3].

«Сознание национальной идентичности развивается и совершенствуется на каждом этапе исторического развития». [4]

Поддерживая мнение профессора С.Отамуратова, можно сказать, что для того, чтобы каждая нация и народ имели реальное существование, ему необходимо в полной мере понимать свой язык, обычаи, прошлое, исторические традиции, ценности, принадлежность к конкретной стране, это реализация национальной идентичности, необходимая часть.

«Анализ многих проблем в обществе возвращает на повестку дня вопрос национальной идентичности. Определенный прогресс в этом отношении был достигнут за годы независимости. Наши традиции, ценности и религиозные убеждения были восстановлены, святые

места, мечети и медресе, исторические памятники отреставрированы и возвращены нашему народу. В духовном и духовном мире наших граждан появилось чувство обновления, очищения и гордости за страну. В учебных заведениях сознанию молодежи разъясняют, что невозможно понять нашу идентичность, не зная нашего древнего наследия. Ведь понимание национальной идентичности – это духовный мост, соединяющий прошлое и будущее. [5]

Поддерживая мнение исследователя Б. Омонова, можно сказать, что развитие невозможно в любом обществе без понимания национальной идентичности. Осознание национальной идентичности – это духовный мост, соединяющий прошлое и будущее, и именно через этот мост возникает духовная связь и преемственность между поколениями.

Понятия «народная душа» и «народное сердце» играют важную роль в понимании духовной идентичности. Вот почему специалисты, изучающие проблемы духовности, обращаются к категориям «душа» и «сердце». Например, профессор М.Имомназаров пишет, что «духовность необычна, потому что она появляется в человеческом сердце по милости Божией» [6].

Духовность есть самостоятельное явление. Духовность, прежде всего, проявляет свое самостоятельное существование через культуру. Профессор Т.Махмудов считает, что человек не может быть без духовности, но духовность человека может быть низкой или высокой. «Духовность, – пишет ученый, – будучи общим понятием, выступает в образе опытной души, свойства разумной души, проявляющего «деятельность» в конкретных жизненных условиях и выражающего конкретное поведение конкретных индивидов.

Так, в концепции национального самосознания отмечается, что духовность – это явление, связанное с духом и душой. Иными словами, духовное самосознание есть восприятие своей души и сердца. На уровне этноса он выражает уникальное духовно-духовное единство народа. Как явление, связанное с реализацией национальной идентичности, общность ценностей, представлений, традиций, психических и духовных состояний, близких сердцу и душе представителей определенной нации, объединяются как народ, нация, придают им типологические символы. Эти признаки представляются в сравнении с другими типологическими признаками, национальными группами. [7]

«Главным признаком понимания духовной личности является знание и восприятие ее типологических признаков. К типологическим признакам народа, нации относятся общий язык, образ жизни, культура, религия, нравственные ценности, психология «народного духа» или «народного сердца». Среди них важнее всего знать, что люди принадлежат к общему этногенезу, то есть происходят из одного источни-

ка. Специальные исследования показывают, что осознание общего этногенеза ускоряет представителей нации, побуждает их к совместным действиям, быстрому осознанию национальных интересов и их защите. [8]

Обобщая мнения вышеперечисленных авторов, можно сказать, что иногда осознание национальной идентичности приходит в форме ощущения и понимания «народного духа», «народного сердца». Типологические признаки народа и нации отражаются в их общем духе и сердце, и именно через них человек осознает, что он духовно связан с тем или иным народом. Человек может распознавать типологические признаки своего народа, но его мысли, мысли, стремления и даже его душа могут быть сосредоточены на других типологических признаках.

В свою очередь реализация духовной идентичности реализуется через идентификацию с народом, нацией. В то же время отождествление не должно мешать другим народам, нациям и всему человечеству приобретать духовное богатство. Глобальные интеграционные процессы в мире требуют от людей жить в тесном контакте с другими народами и культурами. Поэтому феномен осознания своего социального бытия и национальной идентичности не может формироваться без влияния этих процессов. Духовное самосознание отражается в том, как граждане следуют прогрессивным, творческим идеям. Осознание духовной идентичности есть не только результат сравнения нации с другими нациями, но и принципы развития новых идей. Граждане всегда объединялись вокруг определенных идей и становились крупной общественной силой и движением. Феномен национальной идентичности не является исключением. Граждане давно осознали, что могут проявить себя как духовная и социальная сила, объединившись вокруг определенных взглядов и идей.

По мнению исследователя Н. Назарова, «Понимание национальной идентичности – это осознание влияния историко-культурных факторов на формирование и развитие национального менталитета каждого этноса и в процессе развития этноса, понимание самобытности и уважение истории, культуры, обычаев и традиций представителей других этносов. [9] Если проанализировать мнение Н. Назарова, то представление о том, что каждый человек осознает свой национальный менталитет, понимает влияние культурных факторов, осознает свою идентичность, толерантно относится к истории, культуре, обычаям и традициям представителей других этнических групп. Мы определенно согласны с этим.

По мнению известного ученого В. Кочкарова, «Самосознание есть правильное восприятие задач, стоящих перед обществом, необходимость использования общественного опыта, знание законов», тре-

бует правильного понимания задач, необходимости использования социального опыта и знания законов. [10].

Профессор И.Эргашев о факторах, непосредственно влияющих на процессы самореализации каждой нации: «Самореализация – это не состояние освобождения от духовности, нравственности, просвещения, истории, национального культурного наследия. «Это также имеет особое значение для построения современного общества»». Конечно, самосознание нации может произойти только тогда, когда она понимает духовность, этику, просвещение, историю, религию, национальные культурные ценности и наследие. Именно понимая эти факторы, нация может правильно понять устройство государства и общества сегодня и осуществить устойчивые реформы.

Соглашаясь с вышеизложенными пунктами, можно сказать, что национальная идентичность – это этническое единство, общий язык, обычаи, традиции, религиозные ценности, национальный дух, национальная духовность, культура, образ жизни, представляющие собой материальное и духовное богатство конкретного народа, нации, чтобы узнать свою идентичность через территорию.

А.Б.Багдасаров анализирует понятие национальной идентичности с точки зрения всего мира: национальная идентичность отражает социальные, политические, экологические, воспитательные, эстетические, философские, религиозные взгляды и отражает религиозное развитие у разных народов. Национальное мышление отражает национальное образование наряду с социально-экономическими, политическими, жизненными процессами наций. [11]

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы подчеркнуть, что развитие общества в развитии национального самосознания неразрывно связано с возникновением многих функций системы национальной идеи, а также справедливой политики государства, эволюционного исторического развития и национальные реформы.

Поэтому необходимо учитывать материальное, духовное, культурное наследие, историческую память, общий язык, национальную культуру, межкультурную дружбу, братство, общую историю, которые являются ее важными элементами в структуре национального самосознания. Реализация национальной идентичности проявляется в политической, духовной, культурной и общественной жизни человека, прежде всего, в его историческом самосознании и определении своего дальнейшего пути.

Литература

1. Алимасов В. Конфуцианство и восточная государственность. -Т.: Институт философии и права, 2006. – Б. 53.

2. Антология узбекской педагогики (в двух томах). Том I. – Т.: «Учитель», 1995; Джумабоев Ю.
3. Отамуратов С. Глобализация и нация. – Т.: Новое поколение, 2008. – С.114.
4. Отамуратов С. Философия национального развития – Т.: «Академия», 2005. – Б. 20
5. Омонов Б.А. Концептуальные основы модернизации общества. – Т.: "Алокачи", 2019. Б – 169
6. Имамназаров И. Очерки теории нашей национальной духовности. -Т.: "Духовность", 1998. -Б.11
7. Эркаев А. Духовность – это символ нации. – Т.: "Духовность", 1999. -Б.18
8. Хабибуллин К.Н., Скворцов Н.Г. Испытания национального самопознания. -СПб., 1993. -С.10-11;
9. Назаров Н. Этносоциальные процессы в условиях независимости. – Т.: Центр изучения общественного мнения «Общественное мнение» Республики Узбекистан, 2005. – С.64.
10. Кучкаров В. Осознание национальной идентичности и общественно-политических процессов. – Т.: Академия, 2007.-С.61.
11. Багдасарова А.Б. Механизм перерастания национального сознания в националистическое. // Журнал "Этнические проблемы современности". Вып. 4. – Ставрополь: изд-во СГУ, 1996. -С. 79.

УДК 172.

О полиэтнической идентичности человека: постановка проблемы

Кафаров Тельман Эмиралиевич

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и истории
Дагестанский государственный медицинский университет
г. Махачкала 89387984800

Аннотация. В статье анализируются основные модели этнической идентификации человека, а также обсуждается вопрос о возможности и пределах реализации его права на биэтничность и полиэтничность. Показывается, что официальная и законодательная реализация такого права позволит устранить деформации в действии идентификационных механизмов, начиная от крайностей этнического нигилизма и космополитизма и завершая установками этноцентризма и этноэгоизма.

Ключевые слова: этническая идентичность, биэтничность, полиэтничность, этнонигилизм и космополитизм, этноцентризм

Kafarov Telman Emiralieovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy and History
Dagestan State medical University
Makhachkala 89387984800

The report analyzes the main models of ethnic identification of person, and also discusses the possibility and limits of the realization of his right to biethnicity and polyethnicity. It is shown that the official and legislative implementation of such a right will eliminate deformations in the operation of identification mechanisms, starting from the extremes of ethnic nihilism and cosmopolitanism and ending with the attitudes of ethnocentrism and ethnoegoism.

Keywords: ethnic identity, biethnicity, polyethnicity, ethnonigilism and cosmopolitanism, ethnocentrism.

В нашем изложении этническая и национальная идентичность выступают как тождественные понятия, хотя многие известные аналитики, такие как Ю. Хабермас, В.М. Межуев и другие их содержательно разводят. Соглашаясь в целом с ними, полагаем, что в данном контексте эти различия не столь существенны и не влияют на методологию самой проблемы, к которой мы обращались и раньше. [4].

Важно подчеркнуть, когда мы говорим о полиэтнической идентичности, имеем в виду не столько совпадение черт многих народов, что естественно в условиях совместного их проживания в едином социальном и культурном пространстве, а *реальную полиэтничность* человека, когда он одновременно ощущает себя носителем нескольких национальных менталитетов, что должно быть признано официально и на законодательном уровне. Такого статуса у полиэтнической идентичности пока у нас еще нет.

Что же касается *культурно-символической полиэтничности*, то она всегда признавалась в отечественной науке и культуре. Так, например, Расул Гамзатов, чье столетие со дня рождения мы отмечаем в этом году, как-то гениально заметил, что изменение векторов этнической идентификации происходит в зависимости от пространственной метрики и масштабов обобщений: у себя в Дагестане я аварец; в России я уже выступаю как дагестанец, а на международном же уровне я буду представлен как россиянин.

Именно о такой же символической полиэтничности говорил В.В. Путин, когда подчеркивал: у меня в роду кругом Ивановы да Марьи, но

когда я вижу примеры такого героизма, как подвиг молодого парня Нурмагомеда Гаджимагомедова, уроженца Дагестана, лакца по национальности, мне хочется сказать: «Я лакец, я дагестанец, я чеченец, я ингуш, русский, татарин, еврей, мордвин, осетин... Всех из более чем трехсот национальных групп России невозможно перечислит, но я горжусь тем, что я часть могучего, сильного многонационального народа России» [5].

Далее, признавалась всегда также *национально-культурная множественность* человека, в которой дифференцируется этнический и культурный векторы его идентификации. Это естественно, когда этнически субъект может представлять одну идентичность, а культурно, образно-символически – несколько иную. За примерами не нужно ходить далеко, это почти каждый второй гений нашей литературы: А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.И. Куинджи, С.Я. Маршак, Б.Л. Пастернак и многие другие.

Заметим: в нашем дискурсе речь также не идет о тех метаморфозах, связанных с процессами цифровизации, в частности с рождением соответствующего «цифрового субъекта», сосуществующего в множестве параллельных идентичностей, в том числе этнических. Это интересная проблема, но выходящая за пределы данной статьи.

Мы говорим, лишь о реальной полинациональности человека, когда он одновременно сосуществует в пространстве двух или нескольких этнических менталитетов, и о праве на официальное признание подобного социального статуса.

О необходимости официального и даже законодательного признания полиэтничности человека в научном дискурсе говорилось достаточно давно, особенно при обобщении теории и практики организации воспитания в смешанных семьях, в которых имеет место двойственная и даже множественная этничность родителей и прародителей. Не секрет, что напряженная и даже конфликтная ситуация в семьях возникает часто, в том числе, по причине отсутствия законодательных норм, допускающих полиэтничность человека.

Процессы демократизация и гуманизации, затрагивающие все без исключения сферы жизнедеятельности общества, должны коснуться и вопросов национальной идентификации человека. Не случайно, аналитики часто обсуждают, так называемый, «синдром навязанной этничности», когда национально-культурная принадлежность человека определяется против его собственной воли и желания. При этом такая навязанная этническая парадигма становится слишком значимой характеристикой его бытия и сознания, начинает определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходит на одно из первых мест [3, с. 106].

Не секрет, что национальная принадлежность ребенка часто определяется автоматически, чисто формальными, закрепленными культурно-историческими традициями и соображениями. Для «маскулинных» культур, например, для мусульманских народов, как правило, национальная принадлежность определяется по отцу; для «феминных» же культур, скажем иудеев, такая идентификация осуществляется по матери. Для других же сообществ имеют место более сложные, гибкие, смешанные практики национальной идентификации человека, определяемых конкретными факторами воспитания и реальными условиями жизнедеятельности.

Такая «навязанная этничность» имеет множество иных форм. Так, в послевоенной истории Дагестана всем памятни процессы перекройки этнической карты республики в направлении укрупнения некоторых этносов, имевшие определенные политические, идеологические и культурные цели. В результате чего «исчезли» целые народы и этносы.

В традиционном обществе проблемы полиэтничности человека не было, поскольку однозначная модель национальной идентификации задавалась самим обществом, господствующей культурой, религией, всей системой социализации и воспитания человека. Особенно ее не было в условиях тоталитарного общества, когда господствующая идеология формировала унитарную модель человека и траекторию его формирования, о чем говорится в известной работе Г. Маркузе в «Одномерный человек».

Таким образом, обществом уже давно осознана потребность в наведении порядка в вопросах национального самоопределения человека и его многополярности, о котором часто говорят в науке и политике в последнее время.

Первый шаг уже был сделан в новой российской истории, когда отменили пресловутую пятую графу «национальность» в паспорте, что являет собой важнейший шаг в направлении демократизации общества и утверждению справедливой этнической идентичности.

Второй шаг в направлении справедливой этнической идентификации также был осуществлен, когда отменили такую же графу в метрике – свидетельстве о рождении. Хотя, следует отметить, что многие, озабоченные сохранением своей этнической и культурной самобытности, особенно в многонациональных регионах России, требуют вернуть эту традицию строгой этнической идентификации человека в документах, удостоверяющих личность.

Теперь наступило время сделать третий, самый трудный шаг. Начало этому процессу формирования реальной полиэтничности че-

ловека уже положено. Речь, прежде всего, идет об анкете переписи населения в октябре-ноябре 2021 г., проводившейся в цифровом формате, где наряду с указанием на конституционную статью 26 про национальное самоопределение имеется важная информация следующего содержания: «Если у Вас не одна национальная принадлежность, напишите каждую через запятую. Национальную принадлежность детей до 14 лет, а также недееспособных людей указывают родители, опекуны, попечители или иные лица, осуществляющие уход».

Нам представляется, настоящая формулировка бесспорно имеет определенное методологическое значения, поскольку, пожалуй, впервые в официальном документе отмечена возможность наличия у человека двух и более национальностей. Мне кажется, это разумное нововведение, позволяющее снять многие противоречия и трудности национальной идентификации человека.

Остается продолжить и углублять эту идею о полиэтничности человека, распространив ее на федеральные и региональные законы. В связи с этим, считаю, что требует некоторой редакции формулировки статьи 26 Конституции РФ, где наряду со свободой национального самоопределения прямо следует указать право на биэтничность или полиэтничность. В современной же редакции Конституции такой нормы нет, и идентичность формулируется в единственном числе. За этим должны последовать изменения во всех остальных законах, касающихся идентичности человека и его воспитания, что приведет к существенным изменениям статистических показателей, методики делопроизводства, образовательной и воспитательной деятельности, теории и практики анкетирования. Это потребует даже изменения в традиционной моноэтнической методологии отнесения того или иного выдающегося деятеля строго к одному из народов (что практикуется во всем мире, как, например, Мартин Бубер считается выдающимся иерусалимским и австрийским философом, или тот же А.И. Куинджи, которого русские, белорусы и французы считают своим).

При этом, необходимо обратить внимание на недопущение никакого механизма навязывания какого бы то ни было этнического менталитета, что часто проявляется в самой категорической матрице этнической идентичности, рассчитываемой по формуле: «ваша национальность или национальная принадлежность». В такой формулировке уже имеет место элемент навязывания, поскольку настраивает опрашиваемого на монистическую модель этнической идентификации. Психологически и методологически правильной должна быть формула: «какой вы считаете себя по национальной принадлежности», в которой уже

имеется установка на добровольность, внутреннюю мотивацию и самоидентификацию человека.

К сожалению, ни в переписных анкетах, ни в других документах, нет такой формулировки общей установки на самоидентификацию.

В заключение отметим, что в приведенных выше аргументах в защиту права человека на полиэтническую идентичность речь не идет о переходе на позиции космополитизма, тем более, об отказе от своей национальной идентичности. Если традиционная, однозначная модель этнической идентификации удовлетворяет человека, и если он комфортно существует в ней, поскольку генетические, этнические и культурные детерминанты совпадают, то тут нет никаких проблем. Живи, радуйся и гордись своим народом. Речь идет лишь *о праве на полиэтничность* для людей, воспитанных в смешанных семьях, а также правах тех, кто не в одном поколении живут в составе диаспор по всему миру, органически впитывая в себя менталитет титульного народа. Да и для тех, кто этнически представляют один народ, а этнокультурно – другой, что бывает достаточно часто в современном мобильном и цифровом мире.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Зиновьев А.А. Запад. – М.: Алгоритм: Эксмо, 2007. – 512 с.
3. Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология: Учебник для высших учебных заведений. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 342 с.
4. Кафаров Т.Э. Основные векторы этнической идентификации в условиях глобализма.
5. Путин В.В. Заявление на совещании Совета безопасности РФ 3 марта 2022 г. – URL: [https:// ru.m.wikipedia.org](https://ru.m.wikipedia.org) (дата обр: 07.03.2023).

2-е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
Познавательная культура и ее цивилизационные
параметры

Религиозные ценности в структуре евразийской
идеологии

УДК 124.5

Базовые ценности российской идеологии: от либерализма
к имперскому мышлению

Вартумян Арушан Арушанович
Доктор политических наук, профессор
зам.директора по научной работе и инновационной
деятельности
Пятигорского института Северо-Кавказского федерального
университета
г. Пятигорск pragpu@mail.ru

Аннотация: в статье раскрывается эволюция базовых ценностей идеологических трактовок в российском общественном сознании. Утверждается тезис о том, что российская идеология носила ситуационный характер. Анализируются социально-политические причины поиска либеральной идеологии, отказа от либеральной концепции. Возрождение имперской идеологии в ее новом геополитическом прочтении. События на Украине показали возврат к своему естественному состоянию. Рассматривается имперский проект современной России.

Ключевые слова: элиты, либерализм, геополитика, имперский проект, «анархический либерализм».

The Basic Values of Russian Ideology: from Liberalism to Imperial
Thinking

Vartumyan Arushan Arushanovich
Doctor of Political Sciences, Professor
Dep. Director for Research and Innovation of the Pyatigorsk Institute
(Branch) of the North Caucasus Federal University
Pyatigorsk pragpu@mail.ru

Abstract: the article reveals the evolution of the basic values of ideological interpretations in Russian social science. The thesis is argued

that the Russian ideology was situational in nature. The socio-political reasons for the search for a liberal ideology and rejection of the liberal concept are analyzed. The revival of imperial ideology in its new geopolitical interpretation. The events in Ukraine have shown a return to their natural state. The imperial project of modern Russia is considered.

Keywords: elites, liberalism, geopolitics, imperial project, «anarchic liberalism».

После крушения Советского Союза российской политической элите пришлось пройти тяжелый путь идеологической ломки – отказа от идеологии марксизма-коммунизма в пользу либеральной демократии, а затем и снос идеологии либеральной демократии в пользу умеренного консерватизма. Была ли при этом политическая элита сам идейной? Скорее «нет», чем «да». Идеология нужна ей была для оправдания своей власти, и она находила ей оправдания по мере надобности, т.е. действовала по ситуации. Поэтому и идеология носила ситуационный характер. Идеология это было то меньшее, ради чего российской элите следовало бы переживать. И она не переживала по поводу того, что у России вообще нет никакой идеологии.

Новейшая политическая история России показала, что ее элиты вновь оказались заняты миновыми заимствованиями старых идей. Отрекаясь от идеологии воинствующего коммунизма, политические элиты 1990-х гг. свято уверовали в неограниченную силу воинствующего либерализма. Но и на этот раз их вера оказалась сложной. Запад в очередной раз обманул доверчивых российских элитариев и ввел в заблуждение их наивную элиту.

В этой ситуации повышенной неопределенности (в хаосе запутавшихся бифуркаций), писк национальной идеи стал одним из любимых занятий российской политической и интеллектуальной элит этого времени. Российская политическая оппозиция очень рано осознала важность своей роли в выработке геополитической единой концепции. С 1993 г. В.В. Жириновский, Г.А. Зюганов, С.Н. Бабурин и их соратники публиковали свои геополитические проекты, содержащи различные предложения и подходы к выработке единой идеологии и геополитической стратегии России [1].

В.Ю. Сурков по этому поводу замечает: «Перенятые у Запада многоуровневые политические учреждения у нас иногда считаются отчасти ритуальными, заведенными больше для того, чтобы было, «как у всех», чтобы отличия нашей политической культуры не так сильно бросались соседям в глаза, не раздражали и не пугали их. Они как выходная одежда, в которой идут к чужим, а у себя мы по домашнему, каждый про себя знает, в чем». [2]

С распадом СССР, «Открылись пути свободного государствен-

ного строительства, направляемого не импортированными химерами, а логикой исторических процессов, тем самым «искусством возможного». Невозможный, противоестественный иконтристорический распад России был, пусть и запоздало, но твердо остановлен. Обрушившись с уровня СССР до уровня РФ, Россия рушиться, прекратила, начала восстанавливаться и вернулась к своему естественному и единственно возможному состоянию великой, увеличивающейся и собирающей земли общности народов. Нескромная роль, отведенная нашей стране в мировой истории, не позволяет уйти со сцены или от молчаться в массовке, не сулит покоя и предопределяет не простой характер здешней государственности». [2]

В 1990-е гг. слово «патриот» было, чуть ли не ругательским. Слово же «либерал» было признаком антикоммунизма и демократии. «Суть либерализма как идеологии и, соответственно, демократии как политического режима состоит в том, что оба они делают акцент на постоянном процессе расширения пространства свободы». [3] Свободы в то время было действительно очень много, но вся она была какой-то неухоженной, т. е. за свободу тогда приняли просто хаос. Сформировавшийся на этой почве «анархический либерализм», напоминал собой очередную вылупившуюся политическую химеру – весьма крикливую и агрессивную, но как всегда пустую и бесплодную.

Еще в середине 1994 г. бывший премьер России Е.Т. Гайдар признался, что неправильное понимание основ демократического общественного устройства таит в себе серьезную опасность. Он отмечал, что развитие капитализма в России практически уже нельзя. «Дилемма в следующем: бюрократический (номенклатурный, государственный) капитализм или демократический (гражданский, открытый) [4, С.10]. Одной из фундаментальных причин провала либеральных реформ в России следует признать стратегическую недооценку реформаторами роли труда и, прежде всего, его интеллектуальной составляющей [5, С.4-10].

Главным модернизационным тезисом российских либералов начала 1990-х гг. стала идея о необходимости быстрой раздачи собственности, «чтобы сделать необратимыми политические изменения... Однако способ, которым это было осуществлено, привел к сохранению власти старой номенклатуры – тем самым было сохранено старое общественное устройство, и страна пошла по явно демодернизационному пути» [6, с. 6]. Именно из-за этого либеральный проект российских демократов потерпел политическую неудачу.

Как было верно замечено, проявление соблазна демократии совпал с началом процесса строительства независимых государств. «Как представляется, применительно к южно-кавказским государствам правомернее говорить не столько о переходе на рельсы политической

демократии, сколько о создании новой независимой государственности. Здесь в силу национально-культурной ментальности народов, отдаленности от «зон традиционной демократии», национальных устоев, кланового состава обществ и т. д. о демократизации можно говорить в сугубо формальном смысле и даже о подмене истинной демократии прямым или завуалированным авторитаризмом». [7] Во многих случаях само требование демократизации звучало как некая «пустая формула», как обязательный ритуал местной политической культуры. Демократия формируется постепенно, и не столько в виде политических институтов, сколько в виде мировоззренческих убеждений и политических ценностей.

Для нас вполне очевидно, что демократизация как процесс по укоренению демократических идеалов и ценностей имеет начало, но не имеет конца. Суть этого процесса в утверждении свободы творчества личности, а не гражданских прав человека. Последние есть лишь условие развития первого. Ответственный редактор научно-исследовательского сборника «Наследие империи будущее России» историк А.И. Миллер, отмечал: «Очевидна тенденция к конструированию “славного прошлого”... Но кого мы воспитываем с помощью исторического нарратива – солдата или гражданина?... Нация как гражданское сообщество, формируется не только на нарративе славных деяний, но и на осознании ошибок и преступлений прошлого». [8, с. 57]

В политической идеологии современной России борются две точки зрения в оценке исторической судьбы российского государства: существует «имперский» подход «антиимперский». Сторонники первого подхода указывают на то, что «история России от языческих времен – это история нескольких империй. Они достигали расцвета, решились и чудесным образом восстанавливались – под новыми именами, с новой идеологией. Каждый раз, когда Российская империя превращалась в рыхлый союз областей, это приводило к неисчислимым бедствиям, деградации и хаосу» [9, С.11].

Россия сама добилась право быть империей. И она на протяжении нескольких столетий это право подтверждала и своим существованием ограничивала имперские амбиции других, в первую очередь англосаксов. При этом она полагалась только на свои внутренние ресурсы, тогда как англосаксонский империализм существовал только за счет ограбления своих колоний. Российские элиты воспитаны в духе имперской идеологии и культуры. Культура России XVI–XXI вв. – это имперская культура, в том смысле, что это не только и не столько русская культура (которая является ее базовым ядром), а суммарная культура всех ее народов. Имперская культура России – великая культура мирового уровня. Пушкин, Чайковский Достоевский – это гении мирового и общечеловеческого значения. Отсюда и статус

русского языка, и культурно-историческое пространство русского мира. Украинский национализм отказывает Украине быть частью имперской культуры. Он и хочет быть самостоятельным, понимая, что для этого ему надо перестать быть Россией.

Согласно А. Проханову, «сущность империи – в симфонии пространства, народов, культур и религий. Империя создаёт из них единое целое, управляемое из одного центра, но разными способами. Можно управлять с помощью легионов, как Древний Рим, или с помощью НКВД, как Советский Союз. Америка управляет своей империей с помощью сложнейшей финансовой кабалы и навязывания собственной культуры» [10, с. 11].

Противоположная точка зрения указывает на ограниченность ресурсов современной России, в силу чего её попытки стать «пятой империей» могут привести к очередной национальной катастрофе. По мнению декана факультета прикладной политологии Высшей школы экономики профессора М. Урнова, «сотни лет Россия ощущала себя великой державой, влияющей на ход мировой истории. Это ощущение стало одной из основ нашего самосознания. Но верить в империю сегодня – значит оторваться от реальности и поверить в миф». [11, с. 10]

Идеологи правящей в России партии («Единая Россия») утверждают: «Мы называем себя либералами по духу, но консерваторами по методам. Мы – за развитие демократии в России, рынок, зато, чтобы права человека не нарушались, законы исполнялись. Но мы против революционных методов, против того, чтобы ломать хребет политической системе» [12, с. 6]. Идеологи считают, что их идеология есть идеология «суверенной демократии» стала обоснованием признания многими странами (в том числе и США) «многополярного мира и особенностей демократии для каждой страны» [13].

В 2000-е гг. было предпринята попытка сформулировать идею политического возрождения России в качестве ведущей мировой державы. Вначале речь шла о России как мировой энергетической державе. [14] «В будущем Россия будет активным и уважаемым участником всемирного содружества свободных наций. Достаточно сильной для того, чтобы оказывать существенное влияние на выработку решений, имеющих глобальные последствия. Чтобы не допускать чьих-либо односторонних действий, которые могли бы нанести ущерб национальным интересам и негативно сказаться на наших внутренних делах. Снизить уровень доходов россиян, повредить их безопасности». [14]

В 2013 г. широкую известность получила заочная дискуссия В.В. Путина с президентом США Б. Обамой по вопросу «американской исключительности». В своей программной (ответной) статье в «New York Times» П. замечает: «Президент США предпринял в своей речи попытку обосновать исключительность американской нации.

Проводимая США политика "отличает Америку от других. Вот что делает нас исключительными", – прямо заявил Президент США. Считаю очень опасным закладывать в головы людей идею об их исключительности, чем бы это ни мотивировалось. Есть государства большие и малые, богатые и бедные, с давними демократическими традициями и, которые только ищут свой путь к демократии. И они проводят, конечно, разную политику. *Мы разные, но, когда мы просим Господа благословить нас, мы не должны забывать, что Бог создал нас равными».*

Имперский проект современной России предусматривает восстановление экономической мощи и геополитического значения Большой России, каковым в свое время был СССР. СССР (как Большая Россия) утверждал русский мир в качестве мирового проекта.

Литература

1. Жириновский В.В. О судьбах России. М., 1993. Ч. 2. Последний бросок на юг; Жириновский В.В. Очерки по геополитике. М., 1997; Зюганов Г.А. Держава. М., 1994; Зюганов Г.А. За горизонтом (о новейшей российской геополитике) М., 1995.

2. Владислав Сурков: Долгое государство Путина. О том, что здесь вообще происходит // независимая газета. 11.02.2019.

3. Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Природа политических режимов стран Южно-кавказских государств // Мир и политика. – 2012. – № 5 (68).

4. Гайдар Е. Фашизм и бюрократия // Сегодня. 1994. № 110. С. 10.

5. Львов Д. О стратегии развития России // Экономист 2007. № 2. С. 4–10.

6. Пономарев И. Модернизация или инновация? // Российские вести. 23–29. 11. 2009. С. 6.

7. Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Природа политических режимов стран Южно-кавказских государств // Мир и политика. – 2012. – № 5 (68).

8. Миллер А.И. История империй и политика памяти / Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2008. С. 57.

9. Проханов А. Расте, иначе сожрут // Аргументы и факты. 29.10–4. 11. 2008. С. 11.

10. Урнов М. Выбор прост: пушки или масло // Аргументы и факты. 29. 10–4. 11. 2008. С. 10.

11. Крыштановская О. Четвёртый элемент // Известия. 7.04.2010. С. 6.

12. Горячев С. Суверенная демократия Барака Обамы // Известия. 15.10.2009.

13. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государ-

ства в международных отношениях. – СПб. 2006.

14. Медведев Д.А. Россия вперед! 10.09.2009 [Электронный-ресурс]. – Режимдоступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> Загл. С экрана. Яз. рус.

УДК 130.3 (063)

Ценностные ориентиры российской цивилизации в условиях формирования многополярного мира

Абдулкадыров Юсуп Нурмагомедович

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии Дагестанского государственного
технического университета, ведущий научный сотрудник РЦЭПИ
ДФИЦ
г. Махачкала filosofdgtu@mail.ru

Аннотация: определены ценностные ориентации российской цивилизации, составляющие суть российского бытия на протяжении многих столетий. Выявлены роль и значимость базовых ценностных константов российской цивилизации в сохранении и развитии могущества, целостности и суверенитета России.

Предложена система ценностных ориентиров, позволяющая как на уровне закона, государственной доктрины, государственной политики, так и в горизонте процесса становления многополярного мира формировать идеологию стратегического развития с четко обозначенными национальными целями и как уникального многонационального сообщества, способного вобрать достижения иных цивилизаций, сохраняя свою самобытность

Ключевые слова: ценностные ориентиры, система ценностей, российская цивилизация.

Value orientations of the russian civilization in the conditions of the formation of a multipolar world

Abdulkadyrov Yusup Nurmagomedovich,

Ph.D., Professor, Head of the Department of Philosophy
Dagestan State Technical University
Leading Researcher of the RCEPS DFIC
Makhachkala filosofdgtu@mail.ru

Abstract: the value orientations of the Russian civilization, which constitute the essence of Russian existence for many centuries, are deter-

mined. The role and significance of the basic value constants of the Russian civilization in the preservation and development of the power, integrity and sovereignty of Russia are revealed.

A system of value orientations is proposed that allows both at the level of law, state doctrine, state policy, and in the horizon of the process of formation of a multipolar world to form an ideology of strategic development with clearly defined national goals and as a unique multinational community capable of absorbing the achievements of other civilizations while preserving its identity.

Keywords: value orientations, value system, Russian civilization.

В России на протяжении своей тысячелетней истории сложилась целая система базовых ценностей, на основе которых и сформировалось бытие и образ жизни российской цивилизации. К ним, прежде всего, относятся: народовластие, многообразие форм собственности, система местного самоуправления, солидарная приверженность к общности, соборности и коллективизму, патриотизм, созидание, суверенитет, социальная справедливость, государственность, историческое единство народов. Именно эти ценностные ориентации позволили России обрести, защитить и сохранить свое уникальность, независимость, могущество и суверенитет.

Ситуацию в этом плане начал меняться в постсоветской истории России, когда неолиберальные идеи фактически начали играть роль определяющей силы. В формировании ценностной политике российского государства. Культивируемые ценностные идеалы неолиберализма постепенно начали разрушать исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как основы российской цивилизации.

Неолиберальная стратегия в своей основе вела Россию к своему разрушению и уничтожению своей уникальной самоидентификации и культурно-исторических ценностей. По этому поводу очень ярко и убедительно высказался профессор Дагестанского государственного университета Мустафа Исаевич Билалов. «В эти дни идет спецоперация российских войск на Украине по ее демилитаризации и денацификации. Но глубинной причиной военного конфликта представляется глобальное столкновение цивилизационных систем ценностей. Россия вместе с подавляющей частью населения земного шара решительно заявила – нам чужды и враждебны изжившие себя европейские и североамериканские идеалы, ставшие избыточными либеральными ценностями, господствующими в политике США и их ближайших союзников по НАТО. Вред, нанесенный либеральной политикой нашей культуре огромен. Как и миллионы россиян, я очень надеюсь: спецоперация –

начало прозрению и нравственному очищению России, наше образование освободится от интернет-пошлости, дети и молодежь – от Тик-Токов и начнет читать книги, наше образование освободится от оков Болонской системы и пресловутого ЕГЭ, научное сообщество – от рейтингов WOS и Скопуса... Они представляют угрозу существованию человечества, сохранению суверенитета России, национальной идентичности ее народов» [3; С. 7–8]. События на Украине, позиция и реальные действия коллективного Запада во главе с США, убедительно продемонстрируют необходимость принципиального изменения вектора стратегического планирования всей государственной и культурной политики России. При этом базовые фундаментальные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, как уникальные неотъемлемые ценности российской цивилизации, должны быть закреплены во всех важнейших документах, определяющих основу, особость и самоценность российской цивилизации. Многие документы стратегического планирования Российской Федерации в целом отражают исторически сложившаяся система единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, в том числе и самобытные этно-культурные ценности многонациональной и многоконфессиональной России. В стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года, в частности обозначен перечень ряда базовых ценностей российской цивилизации. Это: «приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины».

Но с учетом того, что Россия сегодня находится под прямой угрозой разрушения, гибели великого суперэтноса, разрушения русского мира, его самоидентификации необходимо основательно закрепить в определяющих документах и те ценности, которые являются вечными и определяющими для всех народов Российской Федерации. Кроме того, в реальной политической практике также, необходимо учитывать и такой факт как наличие в составе единой российской цивилизации ряда общностей (кавказская, угро-финская, алтайская), которые в определенной степени претендуют на свою особую цивилизационность. Ситуация здесь осложняется и тем обстоятельством, что эти малые цивилизации территориально выходят за пределы современной России. Кроме того, российское общество в целом очень неоднородно и в силу того, что целый ряд его секторов являются частями таких цивилизационных общностей, как христианская, исламская, буддийская, иудейская и т. д. В этих условиях возникает необходи-

мость наладить процесс такого взаимосвязанного развития этих цивилизационных общностей, который должен приобрести способность через своих носителей глубоко влиять на характер развития коммуникативной связи друг с другом и непрерывно порождать единую российскую цивилизацию, в том числе и ментальное единство. В этом контексте государственная политика должна стать в определяющей мере национально-региональной, учитывающей специфику регионов и религиозных конфессий. Именно стратегия укрепления регионов со своими ценностными ориентирами активно сотрудничающих с центром может обеспечить приоритет наднациональных ценностей и обеспечить реализации общенациональной цели – возродить великую могущественную державу и новый центр силы формирующегося многополярного мира.

Отсутствие государственной идеологии – это слабое место в цивилизационном развитии России. Но наметившийся процесс перехода от духовных к политическим ценностям как важного основания цивилизационного развития позволяет выдвинуть патриотизм в качестве национальной идеи России (В.В. Путин). Это позволило существенно по-новому обозначить и направить происходящие сегодня в России ценностные сдвиги. Именно патриотизм как особая ценность, духовная основа единения и формирования гражданской нации и способна сегодня гармонизировать российское общество и обеспечить его целостность и суверенитет»[1]. Сегодня уже четко обозначились тенденции выстраивания новой идентификационной стратегии, ведущей к консолидации российского общества «разорванного между националистическим экстремизмом, прозападным пораженчеством и постсоветской ностальгией»[4; С. 275]. Другая проблема, на которую необходимо обратить особое внимание — это наличие фактора господства плутократии, консолидирующей значительную часть ресурсов страны».

Здесь государство и общество должны найти такое решение, которое должно вывести страну на новый уровень своего единства, где в системе социальных ценностей должны быть включены такие ценности, как социальная справедливость, свобода, ценность человеческой личности и ценность труда.

Формируя ценностные ориентиры развития России важно иметь в виду и то, что Россия сегодня неразрывно включена в сложную, многослойную мировую сверхсистему, состоящую из множества взаимосвязанных, взаимозависимых, сотрудничающих, конкурирующих и даже конфликтующих между собой подсистем в лице национальных государств, межгосударственных, негосударственных и многонациональных корпораций, каждая из которых имеет свои особенности,

ценностные основания, логику функционирования и развития. В этих условиях процесс интеграции, вхождение России в международное сообщество должен быть детерминирован исключительно тем пределом в рамках, которой и возможно воссоздание самобытного, уникального многонационального и многоконфессионального сообщества, демократического государства, способного вобрать в себя, не подменяя свою самобытность, достижения всех мировых цивилизаций. Именно в этом контексте Россия может и должна стать той культурной и цивилизационной жизненной силой, которая может не только ускорить крах западной гегемонии, но и обозначить свою собственную уникальность как нового мирообразующего центра многополярного мира. Потенциал российской цивилизации огромен, и он должен быть задействован в полном объеме по продвижению российского видения гуманитарного, государственного и мирового развития. Уже «налицо», что мир исчерпал потенциал своего «реактивного» способа существования, крайней формой выражения которого является индивидуализм, возведенный в степень эгоцентризма. Наступила эпоха новой стратегии развития мира. И это необратимый процесс.

Литература

1. Абдулкадыров Ю.Н. Патриотизм как идейная основа формирования российской гражданской нации // Манускрипт.-2021. Том 14. Вып. 8. – С. 1632-1636.
2. Абдулкадыров Ю.Н. Патриотизм как ценностная основа современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки /Всероссийский научный журнал.-2022. Вып. 11.-С. 15-20.
3. Билалов М.И. Евразийская концепция как модель межцивилизационного диалога России в эпоху глобализации // Межцивилизационный диалог как фактор сохранения этнокультурного многообразия России в условиях глобализации / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Махачкала, 22 марта 2022 г. - Махачкала: АЛЕФ, 2022.-С7-12
4. Самсонов В.В. Идентичность современных россиян: социальные преобразования и ценностные трансформации // Проблемы российского самосознания: историческая память народа/Материалы 12-й Всероссийской научной конференции. Москва-Махачкала, апрель 2015.-М., Махачкала: Дельта-пресс, 2015.-С. 273-279.

**ПОИСК ИСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ПЕРЕМЕН (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФА
МУСТАФЫ ИСАЕВИЧА БИЛАЛОВА)**

Акаев Вахит Хумидович

Доктор философских наук, профессор
главный научный сотрудник Комплексного НИИ
им. Х.И. Ибрагимова РАН академик АН ЧР
профессор кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследовани-
ям духовных традиций, специфики культур
и межрелигиозного диалога
по Северному Кавказу.
г. Грозный a.akaiev@mai.ru

Аннотация. В статье осуществляется анализа научного творчества российского философа М.И. Билалова, заведующего кафедрой онтологии и теории познания, профессора ДГУ, который в течение пяти десятков лет осуществляет исследования в области гносеологии, такой ее ключевой проблемы как истина, раскрывает особенности ее проявления в различных формах познавательной культуры. Рассмотрены основные его научные результаты, охарактеризованы написанные монографии, статьи, названы проведенные конференции, подготовленные научные кадры.

Ключевые слова: М.И. Билалов, философия, диалектика, гносеология, истина, культура.

**THE SEARCH FOR TRUTH IN THE CONTEXT
OF CIVILIZATIONAL CHANGES (ON THE 75TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PHILOSOPHER MUSTAFA ISAEVICH
BILALOV)**

Akaev Vakhit Humidovich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor
chief researcher of the Integrated Research Institute named after H.I.
Ibragimova RAS Academician of the Academy of Sciences of the ChR
Professor at the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritu-
al Traditions, Specificity of Cultures and Interreligious Dialogue
in the North Caucasus. Grozny a.akaiev@mai.ru

Annotation. The article analyzes the scientific creativity of the Russian philosopher M.I. Bilalov, head of the Department of Ontology and

Theory of Cognition, professor of DSU, who has been conducting research in the field of epistemology for five decades, such its key problem as truth, reveals the features of its manifestation in various forms of cognitive culture. Its main scientific results are considered, monographs and articles written are characterized, conferences held and scientific personnel trained are named.

Творческое становление философа, ученого всегда сопряжено с личностно-семейными, коллективными, социально-государственными, цивилизационными факторами, придающими определенные импульсы разным этапам их интеллектуального и культурного развития. В контексте сказанного хочу остановиться на творчестве доктора философских наук, профессора М.И. Билалова, которого я знаю 45 лет, и все эти годы нахожусь с ним в творческих контактах, горжусь нашей дружбой и многому у него учусь.

В конце 70-х годов XX столетия мы поступили в аспирантуру на кафедру философии МГПИ им. В.И. Ленина, а заведующим этой представительной профессорско-преподавательской структуры данного вуза, именуемой среди советской интеллигенций, академией был доктор философских наук, профессор Готт В.С. Он был участником Великой Отечественной войны, имел огромный научный и партийно-политический опыт, являлся заслуженным деятелем науки СССР, экспертом ВАК СССР. Мы высоко ценили таких наших профессоров кафедры как Л.Е. Серебряков, М.В. Лашина, А.Н. Кочетов, А.Д. Гетманова, Л.А. Микешена, А.Д. Урсул, Д.И. Дубровский и др., оставившие неизгладимый след в нашем научном становлении. Они ориентировали нас на изучение диалектического и исторического материализма, освоение материалистической диалектики, учили противодействовать теории и практике антисоветизма, формировали нас как патриотически ориентированных личностей.

Ветры перемен, бушевавшие в стране, безусловно, коснулись каждого из нас. Была разрушена не только Берлинская стена, но и наша великая страна, были разбиты наши мечты о лучшем будущем, совершенном обществе. Однако скажу, что в нас не угасло желание творить, достигать научных вершин, непрерывно находиться в поиске истины. Исследование истины стала тема научного поиска М.И. Билалова, который в те годы выбрал путь профессионального философа, а в течение нескольких десятков лет он сформировался как мыслитель не только регионального уровня, но и российского масштаба. Его научные результаты в исследовании истины в стране являются наиболее продвинутыми, значимыми.

Для многих отечественных философов, сложившихся 70-90-х годах, научная, профессиональная деятельность представляла со-

бой напряженный интеллектуальный труд, требующий теоретико-методологического анализа достижений науки, ценностей социальной практики, совершенствования системы социализма, в котором мы жили.

Важнейшая тема советских философов, которая разрабатывалась в 60-80-х годах XX века была сопряжена с изучением диалектического и исторического материализма, установлением объективной истины, диалектики объективного и абсолютного, практики как критерия. При этом в теоретическом плане предполагался учет ленинского положения о единстве, тождестве диалектики, логики и теории познания [1, с. 10]. Проблемы гносеологии, эпистемологии, философские проблемы естествознания, логики и диалектики научного познания, теории социальных отношений, идеологической борьбы с антикоммунизмом на основе марксистско-ленинской методологии классового подхода – базовые темы, которые разрабатывались на кафедре философии МГПИ им. В.И. Ленина. Значительная работа в данном направлении осуществлялась и на философском факультете МГУ, в Институте философии АН СССР.

Главными авторитетами для нас, молодых аспирантов, избравших в те года специальность диалектический и исторический материализм, были выдающиеся отечественные философы П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Э.В. Ильенков, С.Т. Мелюхин, М.Н. Алексеев и др. Мы стремились глубже понять теоретико-методологическую основу философской мысли в СССР, которая опиралась на принципы, законы материалистической диалектики, требующая углубленное развитие и систематизацию марксистско-ленинской философии.

В связи с этим хочется отметить, что в СССР велась системная разработка материалистической диалектики. Так, начиная с 1981 года в издательстве «Мысль» были изданы 5 томов «Материалистической диалектики», которые были впервые опубликованы в СССР. А с 1983 года в МГУ стали издавать восьмитомное издание «Марксистско-ленинская диалектика», главным редактором которой был академик М.Б. Митин, членами редколлегии являлись такие известные советские философы, наши «философские кумиры» как М.Н. Алексеев, А.М. Коршунов, С.Т. Мелюхин, А.Д. Косичев, З.М. Оруджев, А.П. Шептулин и др. Были опубликованы пять книг этого издания: Книга 1. Материалистическая диалектика как научная система. Книга 2. Диалектическая логика. Книга 3. Диалектика процесса познания. Книга 4. Критика немарксистских концепций диалектики XX века. Диалектика и проблема иррационального. Книга 5. Диалектика живой природы. *Две книги из этой серии* (вторая и третья) мне удалось приобрести, и сегодня я их с удовольствием читаю, анализирую, приме-

ню их содержание к современной реальности, размышляю над их теоретико-методологическим потенциалом.

Издание таких многотомных коллективных трудов для советских философов в 80-х годах XX столетия было знаменательным событием, отслеживая эти издания, мы, молодые философы, получившие подготовку в МГУ, МГПИ, ИФ АН СССР, сообщали друг другу то новое, что для себя находили. В этой связи хотел бы коснуться проблемы освоения философских знаний нынешними молодыми учеными. Сегодня книга заменяется виртуальным объектом, освоение которого формирует клиповое мышление, формируя у молодого человека, поверхностно связанные фрагментарные знания. Сегодня некоторые специалисты считают, что клиповое мышление не является недостатком, деградацией, наоборот, считают его адаптацией. По их мнению, нужно научиться пользоваться множеством свойств информации, умением быстро ее находить, обрабатывать и использовать для своих задач. Но с нашей точки зрения, такая позиция далека от объективности, корректности.

В 1988 году, выходит свет коллективная монография «Диалектика познания» ленинградских философов под редакцией проф. А.С. Кармина [2]. Отмеченные выше фундаментальные труды советских философов для М.И. Билалова и для меня были базовыми, они формировали у нас научно-теоретическое мышление, которое нами и сегодня широко применяется в исследовательской деятельности, в обобщении социокультурных фактов, поиске новых знаний.

М.И. Билалов, поступив в аспирантуру на кафедру философии им. В.И. Ленина, в 1979 году защищает кандидатскую диссертацию на тему «Проблема определения категории «истина». Молодой советский философ на основе историко-философского анализа, идей марксистско-ленинской философии, материалистической диалектики и теории познания успешно осуществил анализ дефиниции истины, начиная от античной философии, завершая марксистско-ленинской ее интерпретаций. Выбрав анализ истины в качестве цели всей своей творческой жизни, М.И. Билалов достигал плодотворные результаты.

В стране, где мы родились, выросли и сформировались как личности, ученые, наконец-то как бойцы идеологического фронта, проникают либерально-демократические идеи, направленные на замену социализма капитализмом с «человеческими» лицом, сопровождавшимися бесчеловечными «цивилизационными» переменами. М.С. Горбачев постепенно стал отказываться от принципа пролетарского (социалистического) интернационализма, отдавая предпочтение общечеловеческим ценностям над классовыми, национальными и идеологическими ценностями. Им заявлялось о необходимости ускорения социализма, перестройки его базовых и надстрочных параметров, широкой

гласности, открытости и сближении с Западом. Но такая позиция лидера государства в конечном итоге привели к развали великой страны, уничтожения ее экономики, культуры, науки, национальной политики.

На пути поиска истины М.И. Билалов достиг значимые интеллектуальные результаты: опубликована монография «Истина, знание, убеждение» в 1991 году в Ростове-на-Дону, в том же году на кафедре философии МГПИ им. В.И. Ленина защищена докторская диссертация на тему «Многообразие форм существования истины в совокупном познании», в 1992-1993 годах в Махачкале опубликованы две монографии «Проблема истины в познавательной культуре», «Культура постижения истины». В 2008 году в Москве издана его монография «Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры», в которой анализируются особенности теории познания и ее фундаментальная характеристика – познавательная культура, в которой сегодня «набирает силу тенденция к потере познанием интереса к реальной действительности, к отказу от универсального научного знания, к превращению истины в разновидность мнения, к ее фрагментаризации и плюрализации и тому подобному признается в новомрационализме отказом от постижения сущности, субъективизацией, релятивизацией познания» [3, с. 122].

Его организаторские способности проявляются в проведении целого ряда международных и всероссийских научных конференций в ДГУ, в их числе «Что есть истина?» (Махачкала, 2013 г.), «Философия и практика этнического многообразия и единства России» (Махачкала, 2017 г.) и др.

В 2017 году М.И. Билалов издает свое фундаментальное исследование, посвященное проблеме истины, являющейся его многолетними исследованиями этой области [4, с. 3], в 2021 году в Махачкале выходит в свет его книга «Философия смысла жизни в ценностных установках современников». Она написана в популярном жанре, чтобы более широкий охват читателей смогли вместе с ним размышлять о смысле жизни и является своего рода итогом его размышлений, нацеленных на выявление смысла жизни посредством улавливания, познания истины.

В свое время Мишель Фуко, отмечал, что все его исследования были нацелены на борьбе с идеей универсальной необходимости существования человека, и такая необходимость, по его мнению, должна быть отмечена как груз прошлого. С его точки зрения, «бесполезно говорить в защиту или против идей Разума, Истины и Знания». Таким образом, с моей точки зрения, отказ от разума, истины и знаний, демонстрируемые постмодернистами – это процесс деконструирование идеи соответствия мышления и реальности, которая обосновывалось еще древнегреческим мыслителем Аристотелем. Отмеченная позиция

постмодернистов, означает, что нашим чувствам, мыслям отказывается в реальном *содержании*, и тем самым устанавливается произвол, анархия, как говорит М. Фуко, наступает «предельный язык безумия» [5, с. 15]. Такая позиция постмодернистов направлена против коалиции разума и власти, они не стремятся найти *основания и условия истины*, но при этом стремятся использовать, но причем достаточно успешно власть для социальных преобразований [там же, с. 16].

Тем самым, хочу отметить, что известные представители постмодернизма все делают, чтобы лишить современного человека ясного понимания реальности, ее адекватного отражения, чтобы наш способ философствования соответствовал бы тому, каковы вещи на самом деле. Такой философский реализм в нынешних условиях, когда мир не стабилен, хаотичен обостряются противоречия, возникают конфликты между государствами, местами меняются плюс и минус, женское и мужское, мертвое и живое, возникают новые смыслы и интенции, приводит изменению глубинного смысла познания бытия, его понимание [6, с. 136].

Принимая активное участие в организации и проведении российских философских конгрессов в России Мустафа Исаевич, на которых всегда выступал с оригинальными идеями, развивал, уточнял, конкретизировал различные аспекты проблемы истины. В этой связи важно отметить, что на седьмом Российском философском конгрессе, проходившем в Республике Башкортостан в 2016 году, М.И. Билалов сделал на пленарном заседании содержательный и оригинальный доклад на тему «Философия истины в полилоге познавательных культур». Докладчик предложил новый подход в осмыслении понятия истины на основе коммуникативного пространства познавательных культур. По его мнению, результат диалога и должен вылиться в трансформацию обслуживающих глобализованные сферы человеческого общежития ценностей, в первую очередь таких фундаментальных идеалов, как свобода, права индивида и социума, ценности рациональности и демократии [7].

С нашей точки зрения, научная позиция М.И. Билалова в интерпретации истины в контексте современности, широких познавательных культур различных народов расширяет горизонт ее бытования, проявления и воздействие на социальное устройство [8, с. 72].

Сегодня проф. М.И. Билалов находится в полном расцвете своих творческих сил. Он давно состоялся как личность, гражданин, профессионал своего дела, патриот Дагестана и всей России. А в современных далеко не простых условиях активно самореализовывается, выполняет не только колоссальную творческую работу, достигает сотворчество с коллегами, социумом, готовит научные кадры, воспитывает подрастающие поколения. Он представляет собой яркий пример

мыслителя-творца, гражданина преданного науке, республике, государству, умеющего находить адекватные, истинные решения философских и социально-значимых проблем.

Литература

1. Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. – М.: Изд-во «Наука», 1973.
2. Диалектика познания. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.
3. Билалов М.И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. – М.: Akafemia. 2008.
4. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. – Махачкала, 2017.
5. Хикс Стивен. Объясняя постмодернизм. – М.: РИПОЛ классик, 2021.
6. Акаев В.Х. Личностный гимн философии профессора Мустафы Исаевича Билалова // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2018. Том 33. Вып. 3.
7. Чумаков А.Н., Королев А.Д. VII Российский философский конгресс в Уфе // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». – 2016. – № 4.
8. Акаев В.Х. Истина в философии и науке: взаимосвязь общего и особенного // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. – 2022. Том 37. Вып. 3.

УДК 1:316+821.09«04/16»

Ценностный потенциал творчества Юсуфа Баласагунского в диалоге культур народов Евразии

Салихов Гафур Губаевич

доктор философских наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ)
г. Уфа gafur_salih@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется краткое содержание поэмы Восточного ученого XI века Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билик» («Благодатное знание») как не утратившую до сих пор свою ценностную основу в рамках культурного и исторического развития тюркского мира. Сочинение относится к памятникам литературы средних веков, составленных на тюркском языке. В книге раскрываются культурные,

этические, социальные проблемы времени, свидетелем которых являлся сам автор. Данные проблемы не потеряли своей актуальности и в последующие века, в постоянном своем изменении в форме и содержании они дошли и до современной эпохи.

Ключевые слова: глобализация, человек, смысл жизни, культура, духовность, знание, счастье.

The value potential of Yusuf Balasagunsky's creativity in the dialogue of cultures of the peoples of Eurasia

Salikhov Gafur Gubaevich

Doctor of philosophical science,
Professor Ufa University of Science and Technology
(Lunit), Ufa gafur_salih@mail.ru

Abstract: The article analyzes the summary of the poem of the XI century Oriental scholar Yusuf Balasagunsky "Kutadgu bilik" ("Blessed knowledge") as it has not yet lost its value basis within the framework of the cultural and historical development of the Turkic world. The work refers to the monuments of literature of the Middle Ages, compiled in the Turkic language. The book reveals the cultural, ethical, and social problems of the time, which the author himself witnessed. These problems have not lost their relevance in the following centuries, in their constant change in form and content, they have reached the modern era.

Keywords: globalization, man, meaning of life, culture, spirituality, knowledge, happiness.

*Жизнь не щадил я, лик её чернил!
Цены не знал я юности и силе.
Всю жизнь лишь страсти мной руководили...
Копил богатство, но зачем оно?..
Зачем спешил я по тюкам совать, ...
Зачем бессильного сбивал я с ног?
Не совершал добра я сколько мог.
Юсуф Баласагунский,
отрывок из поэмы «Кутадгу билик».*

Проходят столетия и тысячелетия в истории цивилизаций, все уходит в вечность, но многие вопросы, связанные с жизненными ценностями людей и целыми народами, поднимаются вновь и рассматри-

ваются с позиций обновленного времени. В XXI веке одно из направлений научных исследований составляет проблема изучения культуры и цивилизации народов Евразии прошлых эпох с целью укрепления сложившихся основ современной культуры и гармонизации формы постоянно меняющегося диалога культур. Ведутся научные дискуссии, касающиеся методологии исследования различных культур и их роли в формировании цивилизаций. Ставятся вопросы относительно ряда направлений межъязыковой и межкультурной коммуникации, сохранения культурных традиций в условиях глобализации.

Целью статьи является краткое раскрытие проблемы человека и его этико-культурных, ценностных ориентаций, прописываемых известным ученым XI века Юсуфом Баласагунским в сочинении «Наука быть счастливым» (известного на тюркском языке «*Кутадгу билик*») [1.]. Задача ориентирована на анализ диалога этико-культурологических факторов, связанных с человеческим поведением в прошлые времена, пояснение их в понятиях сегодняшнего дня, связав со смыслом жизни людей в современном мире.

Все более расширяющиеся процессы глобализации влияют на сегодняшние реалии и принуждают к осмыслению бытия людей в историческом прошлом, прикладывая их на научные парадигмы XXI века. В этом заметную роль играет философия, она ищет пути решения возникающих проблем, разрабатывает научные рекомендации для их преодоления. Известный фактор, что в современной мировой философской науке утвердились такие определения, как «глобализация» «глобальная экономика» и др. Глобалистика, являясь одним из направлений в научных исследованиях в планетарном масштабе, выделилась в отдельный круг обсуждаемых вопросов учеными как Восточного, так и Западного мира. Рассматриваемыми вопросами исследователей являются проблемы глобализации, жизни людей, национальной идентичности, роль человека в разрешении мировых проблем. Проблемными становятся многие вопросы, связанные с человеческими ценностями, знанием, наукой, культурой, этикой, мировоззрением.

Современный мир, это исторически сложившееся мировое пространство, разделенное между различными народами и государственными устройствами, объединенных в рамках нередко противостоящих международных союзов и организаций. Продолжается присутствие неравномерности развития стран в рамках мировых регионов и континентов, Востока и Запада, Азии и Европы, Севера и Юга, которые столкнулись с неизвестными до сих пор глобальными проблемами. В расширяющийся процесс глобализации суверенные государства стремятся войти или противостоять ему сохраняя в достаточной степени

свою независимость, территорию, язык, культуру, ценностные установки, национальную идентичность, народные традиции, менталитет.

В условиях все более развивающегося мира тюркские народы Евразии, наряду с мировым сообществом, пребывают на пути поиска совместного развития в рамках современных планетарных процессов. На волне своих стремлений к возрождению они с позиций науки и современных методологий, на основе исторических материалов проявляют интерес к прошлому, к исторической территории расселения своих предков, былой их культуре, духовным ценностям.

Одним из направлений философских исследований в XXI веке в тюркском мире Евразии является духовное наследие таких средневековых мыслителей и ученых как Авиценна, Аль Фараби, Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагунский, Омар Хаям, Фирдоуси. Некоторых из них исследователи относят к представителям Восточной перипатетики, изучавших наследие Аристотеля. Есть ряд отдельных трудов, посвященных философскому анализу миропонимания Юсуфа Баласагунского и интерпретации его взглядов на суть человека, на бытие людей. Следует отметить, что мировоззрение поэта сформировалось под влиянием культурных традиций Востока и Запада.

Ценность поэмы в том, что она составлена на древнетюркском (*уйгурском*) языке. Современные исследователи признают, что поэма Юсуфа Баласагуни «*Кутадгу билик*» («Наука быть счастливым», или «Благодатное знание») как этико-дидактическое произведение занимает одно из достойных мест в группе крупнейших тюркоязычных памятников светской литературы восточного средневековья. Она написана для правителей и власть имущих. В ней раскрываются социальные, политические, этические и философские проблемы, присущие народным сообществам эпохи средних веков. Стремление к раскрытию этих и других вопросов являлось одним из наиболее характерных желаний для мыслителей средневековья в их вечных духовных исканиях [2].

«Кутадгу билик» известен ученым западного мира с XVIII-XIX вв. Впервые поэма переведена на немецкий язык Г. Вамбери. Полный перевод на немецком языке сделан в 1891-1900 гг. В.В. Радловым. Перевод на русский язык осуществлен С.Е. Маловым, И. Гребневым, С.Н. Ивановым. В последующем поэма была издана на узбекском, казахском, азербайджанском, татарском языках (Казань, 2022 г.) [3].

В научном мире изначально закреплено мнение, что по исследованию наследия Юсуфа Баласагунского существуют три центра – западноевропейский, турецкий и русский. Однако ученые тюркского мира утверждают, что в современном пространстве Евразии сформирова-

ровался в Центральной Азии также и четвертый центр по изучению наследий Баласагунского. В последние десятилетия в Центральной Азии складывается традиция научного исследования духовного наследия не только Ю. Баласагуни, но и других ученых Востока. В утверждение этого заявления приводятся монографии ученых, как А. Бекбоев, Ж. Бокошов, К. Исаков, О. Козубаев, Ы. Мукасов, А.И. Нарынбаев, Н. К. Саралаев, Г. Токоева. [2].

Юбилейные мероприятия, приуроченные к 1000-летию со дня рождения Ю. Баласагуни, были проведены в тюркском мире в 2016 г. совместно с международной культурной организацией ТЮРКСОЙ. Международный симпозиум, посвященный ученому, прошел в городе Шеки (Азербайджан) – Культурной столице тюркского мира – 2 ноября 2016. Он был организован совместно с министерством культуры и туризма Азербайджанской Республики, ТЮРКСОЙ, университетом имени Ахмеда Ясави, администрацией Шеки и национальной библиотекой Азербайджана. В симпозиуме приняли участие представители научной общественности из Азербайджана, Казахстана, Македонии, Турции. Опубликован сборник международной конференции, результаты отдельных исследований размещены во многих интернет-ресурсах. Изучению наследия Ю. Баласагуни посвящена была также в этот период книга «Улуттук идея кыргыз тарыхында», изданная в 2017г. [4].

Люди всегда стремились к познанию самого себя, к изучению народов, знанию истории, жаждали осознать свое предназначение, утвердиться в рамках сообщества, цивилизации и культуры. Человек постоянно задает себе те или иные вопросы, ищет ответы на них. Юсуф Баласагунский в своей поэме ставит аналогичные вопросы и раскрывает их с философских позиций. Труд Баласагунского следует отнести к философским сочинениям, в нем мыслитель анализирует смысл и значение человека в социуме, его предназначение в мире.

В сочинении поэта предназначение человека рассматривается в рамках социальных реалий, во взаимосвязи с культурой, общественными нормами бытия. Внимание уделяется таким этическим ценностям как справедливость, добро, сопереживание. Добро торжествует тогда, когда человек сам стремится к нему, ведет работу над совершенствованием себя как положительная личность, разумен, обладает достаточным основанием знания. Благодаря роли культуры, общества, труду и полученным знаниям, опыту, человек становится духовно развитым, служащим добру. Один из смыслов жизни благородного человека заключается в приобретении знания.

Важным достоянием человека является разум, силой разума он приобретает знания, опыт, совершенствуется. Баласагунский считал,

что разум представляет большую ценность, ибо человек отличается от животного благодаря именно своему разуму. Благородство человека можно измерить его знаниями, разумный человек может быть оценен как благородный, если он достаточно образован. Человек, будучи разумным существом, с помощью знаний и полученного образования может открывать тайны природы и расширять, насколько это возможно, свои познавательные способности. Почести человеку следует воздавать по его делам, воспитанности и знаниям. Разум и знание индивида ставятся в ряд высоких добродетелей человека.

Человеческая сущность раскрывается им в этическом аспекте, индивид находится в центре системы нравственных ценностей. Смысл жизни человека выражается в его духовности, нравственном совершенстве. Личность формируется в процессе воспитания и образования, обучения к труду, проявлению заботы о других людях. Конечной целью в жизни личности становится служение людям, творение добра.

В заключительной части следует отметить, что с философскими идеями Юсуфа Баласагунского (1018-1080) можно сравнительно сопоставить взгляды его современника уйгурского мыслителя Махмуда Кашгари (1029-1101) [5]. Они получили в истории науки Востока известность как выдающиеся ученые тюркского происхождения [6, с. 68-69].

Литература

1. Баласагунский Ю. «Наука быть счастливым» («Кутадгу биллик»). https://vk.com/doc265974427_437546588?hash=5ea7c256defcd62fcc&dl=0b8b4e874de29b7616. – https://www.youtube.com/watch?v=V0_yNdxTpCM
2. Мурзакметов Т.Т. Феномен человека в философии Юсуфа Баласагуни // *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2022. 1(80). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/12948>
3. Мубаракшина З. Татарский мир. 31 января 2023г. <https://www.tatar-inform.ru/news/vpervye-na-tatarskom-izdan-krupneisii-pamyatnik-tyrkskoi-literatury-kutadgu-bilik-5895029>
4. Эпоха Юсуфа Баласагуни: история, литература, материальная культура / Редколлегия: Асанов Т.И. (гл. ред.), Аманбаева Б.Э., Асанканова А.А. и др...- Бишкек, 2017. – 263 с. <https://www.academia.edu/40608319/2017>
5. Ильдар Мухамеджанов. Подробнее: <https://islam-today.ru/istoria/licnosti/dva-znamenitih-ujgura-v-istorii-islama/>
6. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. / Пер., предис. и коммент. З.-М. Ауэзовой. – Алматы, 2005. – 1279 с.

Карнавальная политическая культура и современные элиты: поиски смыслов и новых форм

Карабущенко Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. г. Астрахань pavel_karabushenko@mail.ru

Наблюдаемая повсеместно (особенно в странах т.н. «западной демократии») карнавализация политического класса, указывает на то, что мы живем в эпоху господства карнавальской политической культуры. Сам факт доминирования этого типа политической культуры указывает на глубокий системный кризис западной политической системы в целом и профессиональной деградации отдельных политиков в частности. Под воздействием карнавализации искажаются многие классические политические смыслы и формы. Политика становится кривым зеркалом, в котором в причудливой форме отражаются все пороки политического класса и в особенности правящей элитной группировки. Но самое главное такие карнавальские элиты создают новые смыслы с отрицательной ценностью. Это саморазрушающиеся антисистемы. Анализ этих политических девиаций и посвящена настоящая работа.

Ключевые слова: политический карнавал; карнавальная политическая культура; элиты; системный кризис; смыслы.

Carnival political culture and modern elites: search for meanings and new forms

Karabushenko Pavel Leonidovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Political Science
International Relations Astrakhan State University named
V.N. Tatishchev
Astrakhan pavel_karabushenko@mail.ru

Observed everywhere (especially in the countries of the so-called "Western democracy") carnivalization of the political class, indicates that we live in an era of dominance of the carnival political culture. The very fact of the dominance of this type of political culture indicates a deep sys-

temic crisis of the Western political system in general and the professional degradation of individual politicians in particular. Under the influence of carnivalization, many classical political meanings and forms are distorted. Politics becomes a crooked mirror, in which all the vices of the political class and especially the ruling elite group are reflected in a bizarre form. But most importantly, such carnival elites are aware of new meanings with a negative value. They are self-destructive antisystems. The present work is devoted to the analysis of these political deviations.

Keywords: political carnival; carnival political culture; elites; systemic crisis; meanings

Родовым признаком политического карнавала является его способность исказить и извращать всё, к чему он только прикасается в сфере политики. По своей сути карнавальная политическая культура это антикультура, это извращение политической действительности, подгон реальности под какие-то мифические иллюзорные представления деклассированных политиков; это культура политического декадентства; культ отмены самой политической культуры как таковой. [См.: 2-3]

Рост карнавальности в политике является признаком углубления мирового системного кризиса. В политических элитах – это кризис элитности личности, занимающей высокий пост, но не имеющей соответствующих ей профессиональных компетенций. Кризис элит – есть кризис их профессионализма. Только этим можно объяснить то, что постоянно происходит с правящими элитами, особенно с элитами западных демократий. Политический карнавал – это утверждаемая и навязываемая всем благоглупость.

Дух разрушения торжествует над этим цивилизационном суицидом. Уродство злобы, некомпетентность и коррупции торжествует в западном мире. Это мир победившей бесовщины. Этот системный сбой они возвели в ранг всеобщего ликования. Политический карнавал стал модой. Но жизнь оказывается богаче их жалких фантазий. Эта категория людей – сценические кривляки, мартышки, марионетки. Их зачаточное образования не позволяет им быть полноценными политиками, но достаточно для того чтобы стать полноценными политиканами.

Внутри правящих элитных групп участились весьма неприятные скандалы, связанные как с их умственными, так и моральными отклонениями. Именно политическая карнавальность определяется как основной маркер современной девиантной политической культуры. [6] Действия таких политиканов часто напоминают дешевые комиксы, которые служат живой карикатурой на саму профессию политика.

Для справедливости отметим, что западная общественность чувствует, что с их элитами происходит что-то неладное. Публика еще сохранила способность высмеивать своих нерадивых политиканов. Но дальше этого высмеяния никто пока не идет. [4] Ожидать социальной революции в данный момент от них не приходится, хотя некоторые западные страны (такие как Франция, ФРГ, Великобритания, США) сотрясают достаточно сильные социально-политические волнения.

Карнавальная политическая культура подразумевает появление нового смысла переживаемого ныне исторического момента – это отсутствие каких-либо смыслов; это совершенно бессмысленное существование политических элит. Единственный смысл, который обнаруживается в их поведении – как можно эффективней симитировать профессиональную деятельность. Политика превращается в китч, политическая речь – в спич. Клише вытесняет оригинальность и новацию. Политика китча (*Kitsch* — халтурка, безвкусица, «дешёвка») диктует своим участникам весьма банальные и упрощенные модели поведения. Политики ведут себя так, словно находятся на бесконечно длящимся банкете. Отсюда и все их речи напоминают краткие и ничего не значащие заявления (*speech*). Политики не замечают, как превращаются в политиканов, а из политиканов становятся откровенными трикстерами. [1] Политический карнавал и является традицией бесконечно го китча и спитча, вышедших на авансцену большой политики.

Политический театр абсурда не перестает нас удивлять. Западные политические лидеры давно уже заслужили прозвище «шутов» и «клоунов» большой политики. Причем сами западные СМИ в открытую именуют так своих нерадивых политиканов, которые занимаются дискредитацией политики своих стран. [См.: 5; 9]

Наблюдаемая в высших кругах власти самая настоящая политическая истерика, выдает их карнавальным характер. Вся жизнь таких политиканов становится самым настоящим политическим анекдотом. Рост насмешек над политиками – признак их шутовства. [8] В этой связи всерьез рассматривается проблема того, что миру угрожает политический идиотизм. Именно этот политический кретинизм и создает благоприятные условия для процветания политического карнавала. Это люди с ослабленными когнитивными функциями. Именно в 2010-е гг. во многих странах к власти пришло поколение «хиппи» (1969-1970-х гг.). Это не только проблема употребления наркотиков, но и проблема кризиса критического мышления, проблема памяти, морали, деменции и т. д. Проблема в том, что в 2020 г. эти политики начали выходить на пенсию и в своих «мемуарах» выдавать свои профессиональные секреты. Утечка секретной информации стала самым настоящим национальным бедствием для США. Происходит деградация мозга. «Эпидемия идиотизма» в государственных службах США –

стала проблемой сегодняшнего дня. Люди не понимают, какие решения они принимают. То, что говорят сейчас западные политики, без психического перевода понять нельзя. Создаваемые ими речи-тексты порой напоминают генерированный случайный набор слов. Уровень идиотизма просто фантастичен. Причем даже сами западные аналитики открыто это признают. Западному миру реально угрожает эпидемия идиотизма их политических элит [10]

Политический карнавал означает конец доверия к власти, разрушение самого смысла «общественного договора». Вместо такого «договора» предлагается сговор элитных групп. [7] Паразитизм «золотого миллиарда» уже привел этот мир к разбитому корыту имя которому политический карнавал. И судя по всему, эта тенденция в ближайшее время будет только возрастать – «корыто» ветшать, «дыры» в нем углубляться...

Литература

1. Ильин А.А. Политическое трикстерство в контексте коммуникативной политики. // Вопросы элитологии. Т.3. №4. 2022. С.26-36. doi: 10.46539/elit.v3i4.12

2. Карабущенко П.Л. Карнавальная политическая культура : монография / П.Л. Карабущенко. — Москва : ИНФРА-М, 2022. — 596 с. ISBN 978-5-16-110230-5 <https://znanium.com/catalog/document?id=395290>

3. Карабущенко П.Л., Ильин А.А. **Шуты и клоуны большой политики: политические элиты в свете карнавальная политической культуры** : монография, [электронное издание сетевого распространения] / П.Л. Карабущенко, А.А. Ильин. – Москва: «КДУ», «Добросвет», 2022. – 222 с. – URL: <https://bookonline.ru/node/47976> – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1254-9-2022-222. ISBN 978-5-7913-1254-9

4. Лебедева И. В. Немецкий карнавал – политическая элита без цензуры // Вопросы элитологии. Т. 2. № 4. 2021. С. 85-97.

5. Лисянский И.Н. Карнавальная политическая культура США: элиты и лидеры в гротескном свете общественной критики // Вопросы элитологии. Т. 3. № 4. 2022. С. 52-64. doi: 10.46539/elit.v3i4.12

6. Оськина О.И. Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры // Вопросы элитологии. Т.3. №2. 2022. С.114- 128. doi: 10.46539/elit.v3i2.10

7. Оськина О.И. Проблема доверия в политической культуре: от общественной поддержки до карнавальности // Вопросы элитологии. Т. 3. № 4. 2022. С. 38-51. doi: 10.46539/elit.v3i4.12

8. Шебзухова Т.А. Политический исторический анекдот в системе карнавальной политической культуры // Вопросы элитологии. Т.3. №4. 2022. С.13-25. doi: 10.46539/elit.v3i4.12

9. Шишкина Д.А. Карнавальный характер современной американской администрации времен Д. Трампа и Д. Байдена // Вопросы элитологии. Т.3. № 4. 2022. С. 65-79. doi: 10.46539/elit.v3i4.129

10. Could Dementia in the National Security Workforce Create a Security Threat? By Kristie L. Gore, Samantha Cherney, Regina A. Shih, Richard S. Girven. – 28 p. April 2023. – URL:<https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1779-1.html>

УДК 130.2

По философским стоянкам смысла жизни в интерпретации М.И. Билалова

Бетильмерзаева Марет Мусламовна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой философии, политологии и социологии
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный maret_fil@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема смысла жизни в интерпретации известного отечественного мыслителя Мустафы Исаевича Билалова в монографическом исследовании «Путешествия «СМЫСЛА ЖИЗНИ» по стоянкам философии» (2020). Выделена палитра интерпретаций смысла жизни М.И. Билаловым. Отмечено то, что Мустафа Исаевич в своем путешествии смысла жизни по стоянкам философии сконцентрировал известную историю человеческой культурной, философской и религиозной мысли в одном тексте, выделив те или иные макамы, стоянки, лады интерпретации смысла жизни. Подчеркнуто, что картирование макамов смысла жизни, предложенное Мустафой Исаевичем, призывает читателя к размышлениям над вечными проблемами, решая которые каждый выбирает свою стоянку мировоззренческого измерения ценностей культуры.

Ключевые слова: Мустафа Исаевич Билалов, смысл жизни, стоянки философии, проблема истины.

Betilmerzaeva Maret Muslamovna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of
Philosophy, Political Science and Sociology,
Chechen State Pedagogical University
Grozny maret_fil@mail.ru

Annotation. The problem of the meaning of life is considered in the interpretation of the famous Russian thinker Mustafa Isaevich Bilalov in the monographic study “Journey of the “MEANING OF LIFE” through the stops of philosophy” (2020). A palette of interpretations of the meaning of life by M.I. Bilalov. It is noted that Mustafa Isaevich, in his journey of the meaning of life through the stops of philosophy, concentrated the well-known history of human cultural, philosophical and religious thought in one text, highlighting certain maqams, stops, ways of interpreting the meaning of life. It is emphasized that the mapping of maqams of the meaning of life, proposed by Mustafa Isaevich, encourages the reader to reflect on eternal problems, solving which everyone chooses their own station of worldview measurement of cultural values.

Keywords: Mustafa Isaevich Bilalov, meaning of life, stations of philosophy, the problem of truth.

Философия – одна из попыток рационального осмысления человеком этого мира, возникнув несколько тысяч лет назад, инициировала трансгрессию культуры познания, способствовала расширению границ опытного и рассудочного знания, ввела человека в область чистого разума, пусть и ограниченного в своих возможностях, но постоянно преодолевающего демаркационную линию между незнанием и знанием, постоянно соседствующими и не сразу и не для каждого раскрывающими свою локацию. Определенно, человечество движется от незнания к знанию, обнаруживаемому в процессе мышления.

Вспомним известные размышления философов, согласно которым предметом познания является данность чувственного восприятия. И. Кант пишет о двух подходах к трактовке значений (*Bedeutung*) предмета (*Object*) рефлексии: *Erscheinung* (явление, «вещь-для-нас») и *Dingansichselbst* («вещь-в-себе», или точнее, рассматриваемая сама по себе) [2, с. 41; 3, S. 35], вещь, существующая независимо от нашего восприятия ее, и мы не можем полностью познать ее свойства и качества, так как они остаются за пределами нашего чувственного опыта. «*Erscheinung für uns*», то есть то, что является нам в качестве определенного факта представления, позволяет И. Канту подчеркнуть, что наш опыт мира зависит от организации нашего субъективного восприятия. Вероятность соответствия чувственно воспринимаемой вещи

или явления тому, чем вещь или явленное априори представлены, обусловлена рядом факторов: опытом, знаниями и технологией познания.

В нашей цифровой повседневности ничего нового взамен философии не предложено, она продолжает играть важную роль в жизни человека, приближая к пониманию смысла существования и ориентируя в сложных познавательных, теоретических и практических вопросах. Многие известные философы современности вносят достойный вклад в сохранение и развитие философской культуры, как особой формы человеческого ума. В этом контексте, жизнь и деятельность Мустафы Исаевича Билалова является ярким примером преданности избранному пути.

Мустафа Исаевич – один из ярких представителей современной философии в собственном смысле этого слова, философ с большой буквы, человек пифагорейского толка – любознатель, стремящийся к истине.

В трудах М.И. Билалова находит отражение широкий спектр тем, от метафизических и гносеологических проблем до современных проблем религии, общества и политики. Мустафа Исаевич также активный участник общественной жизни Республики Дагестан и занимается просветительской деятельностью.

Одной из актуальных проблем, рассматриваемой Мустафой Исаевичем, является проблема смысла жизни. В своей статье я предлагаю рефлексию над смыслом жизни в философских поисках махачкалинца в контексте кантовского учения об *Erscheinung*, явление, и *Ding an sich selbst*, вещь, рассматриваемая сама по себе.

Проблема смысла жизни – одна из актуальных и распространенных проблем человеческого бытия, к которой обращаются люди разных культурных, возрастных, социальных пластов. Как в свое время написал французский философ Мишель Фуко, история понятий не всегда является историей уточнения смысла, но это история различных полей, инициированных средой употребления [4, с. 38]. Каждый раз обсуждение того или иного понятия или феномена, исторического или повседневного факта раскручивает смыслы, провоцируемые опытом автора. Рекуррентные перераспределения, отмечает М. Фуко, «дают несколько вариантов прошлого, несколько форм соединения, иерархий степеней важности, сетей детерминаций, несколько телеологий», что убеждает в том, что «исторические описания неизбежно подчиняются современному состоянию знания» [4]. Рекуррентность, повторяющееся возвращение, порождая вариативность смыслов, обуславливает умножение целеполаганий, что демонстрирует исследование М.И. Билалова. Смысловое поле жизни предстает в качестве дискуссионного феномена, именно феномена, явленного читателю в папире интерпретаций:

- как антропологическая потребность человека;
- аксиологический феномен, находящий выражение в счастье, справедливости, свободе, истине и т. д.;
- экзистенциальная сущность человека, проявляющая в пограничных ситуациях смерти, болезни, войны;
- социальный факт, характерный переломным периодам истории [1, с. 4].

Размышления в контексте здравого смысла позволяют человеку созидать новые смыслы, обретение которых «переводят вопрос о смысле жизни из сферы здравого смысла в проблему философии» [1, с. 5]. Закономерен вопрос о том, что обуславливает философскую проблематизацию понимания смысла жизни и его выход из-под юрисдикции здравого смысла? Что есть сфера здравого смысла, и насколько правомочно говорить о его трансформации в проблему философии?

Мустафа Исаевич прослеживает сущность философизации проблемы смысла жизни, во-первых, соглашаясь с М. Келиговым, в том, что «смыслообретение происходит лишь через включение отдельного субъекта в более широкую линию жизни – родовую, национальную, общечеловеческую, космопланетарную» [цит. по 1, с. 4-5], во-вторых «отталкивается и от метафизации человеческого присутствия в этом неограниченном во времени и пространстве мире» [1, с. 5].

В путешествиях «смысла жизни» по стоянкам философии рассматриваются оптимистические, пессимистические и взвешенно-диалектические взгляды автора на интерпретацию проблемного поля смысла жизни. Оптимизм сопряжен с культом жизни, пессимизм обусловлен пониманием смерти. Диалектический подход позволяет находить баланс между культурами жизни и смерти, вследствие чего осмысливается человеческое назначение.

Традиционно в сознании читателя возникает структура историко-философского контекста, согласно которому о смысле жизни уместно бы говорить в логике известной периодизации. Но автором монографии за образец взят «мистический путь возведения адепта суфизма посредством холистической интеллектуально-психической активности к определенному духовному состоянию» [1, с. 6], что достигается продвижением по стоянкам, макам, «продвижение от которых осуществляется Божественным озарением в состоянии «хал» / «хьал», преходящим духовным уровнем, гносеологический статус которого заключается в очищении от чувственного мира и эгоистических вожелений двигаться к высшим духовным состояниям – фана и бака. Такая духовная практика стремится к формированию некоего фокуса, точки слияния интеллектуального и эмоционального, ума и сердца. Если хал порождается только Божественным светом, то макам – результат собственных усилий суфия. <...> на этой стоянке интел-

лектуально-психической активности открывается «сердечное знание», которое выше «ильм» – рационального знания и познания» [1, с. 6].

Понятия «макам» / «макъам» / «букв.: положение, место, стоянка; лад в музыке», «хал» / «хъал» / «чувство радости и тоски, покоя и стеснения» (в суфизме); «состояние предмета в определенный момент времени» (у мутазилитов), «фана» / «дар аль-фана» / земной мир, «бака» / «дар аль-бака» / «вечный мир», озвученные Мустафой Исаевичем в введении задают определенный лейтмотив всему тексту, оставляют читателю свободу самому обнаружить свой лад или стоянку, согласно философу, в осмыслении жизни от истоков зарождения ее осознанности до филигранной трактовки метафизической заданности аксиологической сущности смысла жизни как гаранта человеческому существованию. Мустафа Исаевич подходит к раскрытию смысла жизни с различных точек зрения: натуралистический подход, этический рационализм, религиозный подход, экзистенциальная оценка и т. д.

Этический рационализм погружает человека в ценности познания [1, с. 27-28], сократическое, знание – благо, закладывает начало философии смысла жизни. В качестве персонифицированной стоянки философии смысла жизни выступает фигура Сократа [1, с. 30]. Исходя из многоликости смысложизненных ценностей культуры, Мустафа Исаевич подчеркивает логичность тезиса, что смысл жизни в стремлении к истине [1, с. 32]. Смысл бытия предстает как онтологизированная истина в религии, в особенности в исламе, который придает человеку вектор стремления к истине как цели человеческого бытия. Истина выступает в качестве одного из объективных атрибутов Всевышнего. Такая онтологизация истины в том же исламе принимает форму истины как одного из ликов Аллаха: «Аллах есть высшая Истина...» [Коран. Сура 6, аят 73]. Автора волнует поворот от мира истины к миру смысла бытия, реализуемый в творчестве К. Ясперса, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера и других. Наблюдается переход гносеологической истины к истине онтологической [1, с. 42].

М.И. Билалов критически отмечает метаморфозы начала текущего века, «новую точку отсчета» стоянки смысла жизни, в эпоху господства солипсизма и индивидуализма, истина заменяется мнением, новый статус получает ложь, в том смысле, что «сегодня врать не стыдно» [1, с. 43].

Новое осмысление получает смысл жизни сквозь призму соотношения правды и истины. Во многих культурах, отмечает Мустафа Исаевич, распространено понимание и принятие правды как итога и результата общения человека с Богом, правда соотносится с божественным началом, в противопоставлении истине как соответствия действительности, как результата человеческого размышления [1,

с. 44]. Например, в Псалтыре: истина «от земли восходит», правда же «с небес принимается». Но философ видит современную инверсию правды, ее десакрализацию, когда в современном мире под правдой понимают «некое социально-значимое утверждение», в то время как истина претендует на объективность [1, 45].

М.И. Билалов выдвигает антитезу «подальше от власти – вот смысл жизни» против утверждения многих, что «властвовать – вот смысл жизни» [1, с. 47]. Очередной аспект смысла жизни находит выражение в свободе, которая есть важнейшая смысложизненная ценность.

Не менее интересна концепция «смысл жизни – вне жизни человека», «когда в качестве источника жизненных ценностей и мотивов выступают творческая абсолютная идея или всемогущий Бог. Данный тезис задан социальной дисгармонией между человеком и обществом [1, с. 61]. Вера приобретает статус смысла жизни, что находит отражение как в Священных Писаниях, так и в учениях различных мыслителей.

Автор «Путешествия «СМЫСЛА ЖИЗНИ» по стоянкам философии» уделяет большое внимание феноменальности смысла жизни в исламе. Трактовка смысла жизни в исламе не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд, например, как в известном комментарии смысл жизни в том, чтобы «после смерти попасть в рай» [1, с. 68]. Интерпретация смысла жизни в исламе тесно связана с проблемой истины, которая заключается в вере [1, с. 69]. Вера – один из фундаментальных факторов, обуславливающих становление и развитие культуры. Но истина, согласно целому ряду авторитетных ученых-мусульман, не ограничивается только верой. Как заявляет Мустафа Исаевич, подлинная религия должна быть связана со знанием [1, с. 69]. В современных мусульманских регионах пытаются выхолостить знаниевую сущность ислама, модифицируя его в невежественный ислам [1, с. 72]. Трудно не согласиться с комментарием того, что, если выбирать между знанием и верой, конечно же, при отсутствии возможности сочетать, лучше выбрать веру, но истинный мусульманин, истинно верующий в Бога человек, должен видеть приоритет в исламе знания, сосуществующего с верой.

Интерес вызывает стоянка с современным французским и бельгийским писателем со степенью доктора философии Э.-Э. Шмиттом, заявляющего «то, что я знаю, не есть то, во что я верю. А то, во что я верю, никогда не станет тем, что я знаю» [1, с. 73]. Не могу быть столь категорична, как Эрик Эмманюэль Шмитт, но искренний ответ честного человека, чья рефлексия четко дифференцирует сущность и ответственность смыслов понятий «вера» и «знание», заставляет четче уви-

деть демаркационную линию между фразами «я знаю» и «я верю» и понять, что, по сути, они не противоречат друг другу, они могут быть истинными в одно и то же время, в одном и том же отношении.

Глубокое осмысление сущности веры и знания позволяет избежать одно из распространенных заблуждений человечества, согласно которому мы градируем позиции людей, не вдаваясь особо в суть того, что мы читаем или слышим. Знание и вера предполагают наличие не просто двух параллельно существующих или противоречащих истин. Знание и вера – два разных измерения истины, существующей в разных пространствах, но ошибки или заблуждения, провоцируемые смешением пространств, физически или ментально, деструктурируют сознание субъекта познания. В итоге мы получаем или атеиста, или радикала, или невежду, или...

Важной стоянкой поиска смысла жизни служит принцип самосовершенствования в суфизме [1, с. 78], но, к сожалению, чаще сужаются его смыслы, ограничиваемые однобокой трактовкой, скашивающей суть идеи. Самосовершенствование – это ориентация человека на духовную, философскую и научную познавательную практикоориентированную деятельность, в контексте которой он, возвышаясь над своей животной природой, используя весь свой природный потенциал, обновляет свои изначальные настройки до востребованных временем. Мусульманин обязан использовать все опции, заданные природой, в числе которых помимо физиологических способностей, характерных всему живому, есть способности мышления и различения, наличие которых свидетельствует о том, что мы обязаны познавать и преобразовывать мир природы и мир культуры. На основе мышления – формируется пространство чистого разума, различение – закладывает фундамент этики и морали, должного и запретного. Практикоориентированность, сегодня популярный тренд в сфере образования, является одним из важных принципов ислама еще с VII века, ибо все, что ни делает мусульманин, должно быть направлено на конструирование здоровой социальной среды, достижения благополучия не только духовного, но и материального.

Смысл жизни в религии заключен в праведной жизни, устремленной к истине и благу [1, с. 80], подчеркивает Мустафа Исаевич, «значимым тезисом для смысложизненного вектора человека становится служение высшему существу», «в механизм его (смысла жизни – БММ) духовного освоения подключает веру, которую порождают трансцендентные смыслы. Как стоянка философии эта духовная практика предстает точкой слияния разума и сердца. Смысл жизни трансформируется в смысл бытия человека, выводящий проблему за пределы физиологически ограниченной жизни» [1, с. 84].

Очередной стоянкой смысла жизни в философии становится экзистенциализм, начиная с предтеч Серена Кьеркегора, Федора Достоевского, для которых реперными точками смысла жизни являются самосовершенствование, творчество, свобода и Бог [1, с. 87]. В атеистическом экзистенциализме «жизнь, в которой Бога нет, превращается в абсурд, потому смысл бытия или в сосредоточенности на будущем, или жизнь бессмысленна» [1, с. 99], символом такой жизни становится Сизифов труд. Важное место в осмыслении жизни, согласно М.И. Билалову, вносит принцип «Человек живет, чтобы действовать!», в рамках которого «активность людей значительно больше проявляется в практической сфере, нежели в духовной» [1, с. 114].

Мустафа Исаевич в своем путешествии смысла жизни по стоянкам философии сконцентрировал известную историю человеческой культурной, философской и религиозной мысли, выделив те или иные макамы, стоянки, лады интерпретации смысла жизни. Это труд, требующий возвращения к себе, приглающий остановиться на той или иной стоянке, труд, чья истина должна войти в образовательное пространство подрастающего поколения. Естественно, что как в значимом философском тексте есть макамы, в границах которых хочется дискутировать с автором, какие-то макамы требуют дополнительных авторских комментариев. Картирование макамов смысла жизни, предложенное Мустафой Исаевичем, призывает читателя к размышлениям над вечной проблемой, решая которую каждый выбирает свою стоянку.

Мустафе Исаевичу, описывая движение мысли по стоянкам от явления, *Erscheinung* («вещь-для-нас») к явлению, на мой взгляд, удалось приблизиться к *Dingansichselbst*, к осмыслению сущности того, что существует в самом себе. Мир как музыка раскрывает свою сущность на особых частотах совпадения волн. Тональность ноумена, вещи-в-себе, раскрывается в частотах гармонии разума и сердца.

Таким образом, отмечая, что монография Мустафы Исаевича – кладезь ценных идей, мне думается, что основная для автора мысль заключается в словах выдающегося теолога Абу Хамида аль-Газали из трактата «Воскрешение наук о вере», «разум – это дар, которым Аллах «осчастливил людей» для достижения истины» [1, с. 142]. И пусть Всевышний позволит своему творению уразуметь глубину этой мысли, ибо говорят, что Он открывает к себе Путь только тем, над кем Он смилоствивился.

Литература

1. Билалов М.И. Путешествия «СМЫСЛА ЖИЗНИ» по стоянкам философии / М. И. Билалов. – Москва: Добросвет, 2020. – 157 с. – DOI 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1158-0-2020-157.

2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. – М.: Наука, 1999. – 655 с.
3. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. – Leipzig, 1919.
4. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2012.

УДК 159.923.2

Ценностно-смысловой компонент самосознания этноса в условиях глобализации

Нанаева Барет Балаудиновна,
профессор, доктор философских наук
Гадаев Ваха Юнусович кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, политологии и социологии
Чеченский госпедагогический университет
г. Грозный bara_aldi@mail.ru

Аннотация: в статье делается попытка установить важнейшие ценностно-смысловые компоненты самосознания этноса, позволяющих ему в условиях тотальной глобализации сохранить свою культурную идентичность. Сделан вывод о том, что ценностно-смысловой компонент самосознания этноса относится к рациональной составляющей этнокультурной идентичности, и потому наиболее устойчив в условиях всеобщей глобализации.

Ключевые слова: этнос, идентичность, самосознание, глобализация, ценности, культура.

The value-semantic component of the self-consciousness of an ethnic group in the context of globalization

Nanaeva B.B. Professor, doctor of philosophical science,
Gadaev V.Yu PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Political Science and Sociology
Chechen State Pedagogical University
Grozny bara_aldi@mail.ru

Abstract: The article attempts to establish the most important value-semantic components of the self-consciousness of an ethnic group, allowing it to preserve its cultural identity in the conditions of total globalization.

The conclusion is made that the value-semantic component of the self-consciousness of an ethnic group belongs to the rational component of the ethno-cultural identity, and therefore is most stable in the conditions of universal globalization.

Keywords: ethnicity, identity, self-awareness, globalization, values, culture.

Актуальность осмысления проблем, сопряженных с глобализацией и сопряженных с ней унификацией культур, несомненна. Глобальные проблемы – это неизменный спутник прогресса, полный неразрешимых противоречий: с одной стороны, объединяя народы в рамках единой массовой культуры, с другой, обостряя противостояние цивилизаций, отстаивающих свое право на самобытную культуру и образ жизни.

Диапазон изучения заявленной нами проблемы по выявлению ценностно-смыслового компонента самосознания этноса и его цивилизационные параметры, проявляющиеся в условиях глобализации, достаточно широк. Он охватывает проблемы самосознания, идентичности, глобализации, культурных ценностей.

Комплексный характер исследования обусловил обращение к целому ряду познавательных парадигм и научных подходов. Прежде всего, это диалектический метод, который позволил выявить универсальный объективный характер взаимосвязи общественных явлений через систему принципов и связей общего и единичного, в которой в качестве общего выступают процессы всемирной глобализации, а единичным – ценностно-смысловой компонент самосознания этноса.

Трактовка ценностно-смыслового компонента самосознания этноса во многом зависит от содержания, которое он вкладывают в это понятие. Культурно-исторический метод дает возможность сопоставления культурного и исторического контекстов современной и традиционной эпох. Культурно-аксиологический метод помогает определить иерархию принятых в обществе ценностей, необходимых для развития этноса в эпоху глобальных перемен.

Степень ее научной разработанности нами выявляется на основе анализа ключевого понятия исследования – самосознания этноса и его ценностно-смысловых компонентов, рассматриваемых в контексте проблем глобализации. Ведь многообразие и непредсказуемость социально-политических процессов глобализирующегося мира свидетельствуют, что без проникновения в глубинные пласты общественного сознания этносов невозможно дать объективную оценку этим процессам.

Исходя из этого, известные обществоведы XX века А.П. Бутенко [2, с. 92-102], Б.В. Марков [7, с. 72-84], А.С. Панарин [9, с. 33-34],

В.А. Тишков [10, 46-76] и др. обращают внимание на то, что социокультурные и политические процессы современного мира обусловлены не только политической ситуацией, но и ценностными ориентациями человека и общества. Ряд аспектов самосознания чеченцев нашли освещение в работах М. Ахмадова, [1] В.Ю. Гадаева, [3] С.А. Дауева, [4] Д.Д. Межидова, [8] Э.А., Исаева, [5].

Исследовательская гипотеза автора состоит в осмыслении ценностно-смысловых компонентов самосознания этноса, как его рациональной основы. При этом нами выделены наиболее устойчивые из них, необходимые для сохранения идентичности этноса в условиях всеобщей глобализации.

Этническое самосознание несомненно является эмоционально-психологической потребностью человека, способствуя приобщению индивида к этнокультурному пространству, обогащая его культурной, религиозной, политической, и т. д., символикой. Но, все же, Рациональную основу самосознания этноса составляют его ценностно-смысловые компоненты, которые проявляются:

- в контексте общественного устройства этноса;
- в системе социально-правового и социокультурного регулирования;
- в различных формах общественной практики, мифологии, устном народном творчестве.

Прежде всего, этническое самосознание неразрывно связано с ценностно-смысловым отношением народа к своей истории, с его исторической памятью. Так, специфическая идентификация чеченского общества складывалась на протяжении веков. В ходе длительного исторического пути развития у народа складывался неповторимый внутренний мир, менталитет. Глубина исторической памяти, зафиксированная в исторических преданиях, мифологемах, эпосе обусловили формирование ярких ментальных качеств народа, его самобытность и узнаваемость. Веками вращаясь в общественное сознание, исторический опыт и память народа определяли его отношение к окружающему миру.

Однако, историческая память содержит в себе не только положительный потенциал, но и негативный фон для дальнейшего развития, когда воспоминания старых обид и исторических ситуаций мобилизуют этнос на активные и исторически неоправданные действия.

Этнос обнаруживает себя и в таком неотъемлемом компоненте самосознания, как ценностно-смысловое восприятие территории обитания, которую он исторически занимает. Территория – это необходимое условие идентификации этноса, сохранения специфических черт культуры, традиций, обычаев, этики и этикета, так как для этого люди

должны систематически общаться друг с другом. А это возможно лишь при условии их расселения в пределах целостной территории.

Но не только этим определяется ценностно-смысловое восприятие этносом территории своего обитания. Глубоко веря, что у этноса должно быть определенное место проживания, народ воспринимает ее как пространство, освоенное им, и что вне этого пространства бытие этноса невозможно. Ощущая чувство эмоциональной сопричастности к своей Земле, человек воспринимает все, что связано с ней, как родное, и готов жертвовать за нее жизнью.

К тому же, постоянная оборона своей территории от вторжений со стороны иных племен и народов вырабатывала у этноса способность к объединению. Поэтому мысль об абсолютной ценности своей Земли выступала объединяющей и вдохновляющей силой, превратившись в постоянный элемент этнической памяти народа, оформившись в традиционные представления, образы и символы, которые со временем перешли на уровень коллективного бессознательного. Вот потому импульсы, вызываемые ими, всегда бывали чрезвычайно сильными.

Ключевое место в самосознании этноса занимает философское восприятия мира. Так, ценностно-смысловым отражением этнического самосознания чеченцев стала «философия ненасилия», распространившаяся здесь в конце XIX века благодаря религиозному идеологу Чечни суфию, шейху, Кунта-хаджи Кишиеву. Именно эта высокогуманная философия, а не идеология воинствующего мюридизма, периодически навязываемая чеченскому народу извне, нашла отклик на всех уровнях этнического самосознания и сегодня является неотъемлемым компонентом его идентичности.

Показателем уровня развития этнического самосознания является также способность этноса к рационально взвешенным межэтническим отношениям и стратегическим дипломатическим действиям. В целом характерной чертой самосознания этноса является терпеливое и бережное отношение к чести и достоинству иных народов и уважение тех же качеств, проявленных к себе. Свидетельство тому – принципы и нормы поведения, ориентированные на добрососедство, оказание помощи, которые складывались в межэтнических отношениях с народами Северного Кавказа и с русским народом.

Так, несмотря на то, что самосознанию народа не было чуждо закономерное в тех условиях этническое недоверие, укрепление этнокультурных и социально-политических российско-чеченских связей было необратимым. Тесное взаимодействие этих народов в историческом прошлом и настоящем обусловлено взаимной заинтересованностью, общностью исторических судеб и необходимостью социокультурного развития народов России.

Таким образом, при всех трансформациях, которые претерпевает под воздействием глобализации многослойная система самосознания этноса, ядро этой системы сохраняет свою этническую ценностно-смысловую природу. И «до тех пор, пока это ядро не разрушено, этнос сохранит свою идентичность, меняя лишь формы ее выражения». [6, с. 88]

Литература

1. Ахмадов М. Чеченская традиционная культура и этика. – Грозный: 2006. – 205 с.
2. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования, 1996, № 5.
3. Гадаев В.Ю. Современная чеченская молодежь: поиск духовных ориентиров. – Грозный, 2005. – 72 с.
4. Дауев С. Чечня: коварные тайнства истории. – М.: «Русь», 1999. – 240 с.
5. Исаев Э.А. Этические воззрения в системе традиционной культуры вайнахов. – Ростов-на-Дону, 2007. – 253 с.
6. Ляужева С.А. Традиция и механизмы культурной адаптации / Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: Южнороссийское обозрение, № 23, 2004. – С. 88.
7. Марков Б.В. Разум и сердце. История и теория менталитета. – СПб: 1993. – С. 77-84.
8. Межидов Д. Д., Алироев И.Ю. Обычай, традиции, нравы (Социально-философский аспект). – Грозный: 1992. – 207с.
9. Панарин А.С. Национализмы в СНГ: мировоззренческие истоки // Свободная мысль, 1994, № 5. – С.33-34.
10. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М.: 1997. – С.46-76.

УДК 165:241:16

Ценностный и целевой рационализмы в исламском сознании дагестанцев

Абдулагатов Заид Магомедович

Кандидат философских наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела социологии Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН
г. Махачкала azaid48@mail.ru

Аннотация. Автор подчеркивает актуальность понятий «рациональное, рационализм в исследованиях общественных наук. Использо-

зую определения ценностной и целевой рациональностей в тексте, на основе социологических опросов показаны типичные характеристики социального поведения мусульман Республики Дагестан.

Ключевые слова: рационализм, ценностный рационализм, целевой рационализм, модернисты, фундаменталисты.

Value and purpose rationalism in the islamic consciousness of dagestanian people

Abdulagatov Zaid Magomedovich

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Leading Researcher, Department of Sociology Institute of History,
Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center RAS
Makhachkala zaid48@mail.ru

Annotation. The author emphasizes the relevance of the concepts of “rational” and “rationalism” in the studies of social sciences. Using the definitions of value and goal rationality in the text, on the basis of sociological surveys, typical characteristics of the social behavior of Muslims in the Republic of Dagestan are shown.

Keywords: rationalism, value rationalism, goal rationalism, modernists, fundamentalists

Рациональное, рационализм являются важными научными понятиями, которые широко используются как в анализе проблем естественных наук, так и гуманитарных и общественных [1, 2, 3, 4, 6, 8]. Современные исследования по проблемам рационализма охватывают широкий круг вопросов. Это вопросы социальной рациональности и демократического общества [9], рациональность и вопросы справедливости [7], рациональность как свойство деятельности, рациональность социальных институтов [5, с. 68-123], рациональность и проблемы войны, рациональность как содержание модернизации общества [10] и другие. Рациональность в отличие от рационализма понимается, не только как основанность на разуме, на доказательности. Она есть устойчивая совокупность правил, норм, стандартов, эталонов духовной и материальной деятельности, а также ценностей, общепринятых и однозначно понимаемых всеми членами данного сообщества (социальной, профессиональной, этнической, класса, сословия) [6]. В современной философии признаются как общие формы и элементы, так и различные, порой противоположные проявления рационального. Рациональные составляющие имеют место и в системе иррациональных ценностей отдельных социальных групп, в том числе и религиоз-

ных. Абсолютно рациональными они могут быть лишь с точки зрения оценок внутри группы [5, с. 103].

В богословии рационализм понимается как направление, которое считает приемлемой только те догматы, какие ум считает согласными с логикой и с доводами ума [1]. Процесс рационализации зависит от того, насколько важно для данного сообщества рациональное осмысление догм, данных в религиозных символах, образах, иносказаниях. В данном случае рационально только то, что не противоречит исходным религиозным принципам, ценностям. Наивысшие истины, сообщенные миру один раз на все времена, не могут, согласно религиозному сознанию, осознаны все сразу теми, кому они доверены. Для их полного уяснения потребуется лишь большее количество времени и более глубокое мышление. В вопросах, касающихся оснований религии, рациональность имеет локальный характер.

Выдающимся немецким социологом М. Вебером были определены концепции ценностной рациональности и целерациональности [2]. Целерациональное действие М. Вебером рассматривается как использующее средства для достижения рациональной цели. Она стала основой протестантской этики, особым мировоззрением, которое способствует большему «экономическому рационализму» протестантов. Это есть рациональность капиталистического общества, общества либеральных ценностей, считающий достижение экономического успеха главной, богоугодной основой социального действия;

Рациональность в религии показывает себя как подобие веберовской «ценностной рациональности». Ценностная рациональность характеризует деятельность в ее совокупном отношении к обществу и означает соответствие деятельности принятым в обществе ценностям. Оно определяется как основанное на вере в ценность определенного поведения независимо от его последствий. В данном случае важна не цель отдельно взятого человека – субъекта деятельности, а то, насколько его деятельность выражает ценности времени, соответствие социально значимым канонам, социальному статусу. В данном случае человек рационален не потому, что поставил перед собой особую цель и достиг её, а потому, что своим религиозным поведением выразил общезначимые ценности религиозного поведения.

Целерациональные и ценностнорациональные поведения являются идеальными типами, т. е., категория идеальный тип объединяет широкую группу отвлеченных научных понятий, обозначающих конституированные и сконструированные исследователями сущности, которые, тем не менее, имеют в реальности множество чувственно репрезентируемых и легко выявляемых референтов. Референты ценностной рациональности как правило характерны для феодального общества. Этот тип рациональности имеет место и в социальных группах веру-

ющих современных обществах, хотя в чистом виде он себя не проявляет. Целерациональность как тип присущ капиталистическому образу жизни, точнее, капиталистическому экономическому, финансовому поведению.

Вопрос, заданный при опросе в Республике Дагестан, должен был помочь выявлению того, к какому из двух типов деятельности можно отнести социальное поведение респондента: (а) тип целерациональности; б) тип ценностной рациональности). В первом случае имеет место больший адаптационный потенциал к либерально-демократическим ценностям в сфере экономики, большему содействию общественному экономическому развитию. Во втором случае имеет место деятельность характерная для религиозного поведения, которая стремится соответствовать религиозным ценностям, а не достижению личных целей, которые могут не соответствовать религиозной нормативности.

Вопрос был задан в следующем виде: «Как Вы считаете...?»

а) Каждый человек должен ставить перед собой свои личные цели и добиваться их, не нарушая законов государства;

б) Чем бы человек ни занимался, у него должна быть одна цель: в своем поведении соответствовать, прежде всего, требованиям веры;

в) Затрудняюсь ответить».

Ответ а) интерпретировался как склонность респондента к целерациональности, ответ б) – как склонность к ценностной рациональности.

По опросу 2007 года, к целерациональности оказались склонны 50,1 % опрошенных, к ценностной рациональности – 40,4 %. Остальные (9,5 %) затруднились с ответом. Причем, консервативно настроенные представители рядовых мусульман («фундаменталисты») больше выражают точку зрения ценностной рациональности (соответственно 40,9 %; 50,6 %; 6 % ответов). У мусульман «модернистов» имеет место более прочная позиция целерациональности (соответственно 65,2 %; 22,0 %; 10,6 % ответов).

Тот же самый вопрос был задан респондентам в 2021 году.

Опрос показал, что за последние 14 лет позиция ценностной рациональности в массовом сознании дагестанцев укрепилась. Так, в общей выборке ценностная рациональность оказалась поддержанной 58,3 %, т. е. на 17,9 % больше, чем в 2007 году. Наибольший показатель по этой позиции у «фундаменталистов» – 70,5 %. У «модернистов» он также повысился и стал равен 51,5 %. Сторонников целерациональности стало 29,4 %, т. е. меньше на 20,7 %. Тем не менее, «модернисты» значительно больше, чем «фундаменталисты» – 42,4 % против 19,5 %, поддержали целерациональную деятельность.

Тем не менее, делать далеко идущие выводы о том, что в реальном поведении дагестанцев доминирует целерациональность, нет оснований. Например, по данным опроса 2021 г. о том, с какого имущества необходимо платить обязательный (фарз) налог для мусульманина знают всего 6,8 % опрошенных. Заявили, что платят закят только 12,3 % выборки.

Литература

1. Асмус В.Ф. Рационализм // Философский словарь/ Под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. 719 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. – Перевод с немецкого и общая редакция: Ю. Н. Давыдов. – М., «Прогресс», 1990. С. 44–271.
3. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. – М., 1991. 368 с.
4. Грязнов Б.С. Рационализм // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
5. Касавин Н.Т. Лекторский В.А. Швырев В.С. Старый и новый рационализм // Диалог культур в глобализирующемся мире.– М., 2005г. 68-123 с.
6. Ракитов А.И. Рациональность // Философский словарь/ Под ред. И.Т.Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. 719 с.;
7. Роулз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995 г.
8. Соколова Г.Н. Рационализация. // Социология: Энциклопедия. – Минск. 2003. 1312 с.
9. Федотов В.Т. Социальная рациональность и демократическое общество // Рациональность на перепутье. Кн. 1. – М., 1999.
10. Федотова В.Г. Рациональность как предпосылка и содержание модернизации общества // Исторические типы рациональности Т. 1. – М., 1995.

3-е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Идеология, ценности и истина. Идеология как методология и философия

УДК 122

К вопросу об актуализации идейно-философских основаниях отечественной истории в контексте идеологии русской государственности

Денисов Николай Григорьевич
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории, культурологии и музееведения
Краснодарского государственного института культуры
г. Краснодар ngdtnisov@mail.com

Аннотация: Война Запада с Россией, противостояние с мировой англо-саксонской гегемонией во главе с США приближают эсхатологическую точку бифуркации самоопределения России в роли самодостаточной цивилизации с конкретно-историческим решением проблем этнополитического общегосударственного строительства, вытекающих из идеологических ориентиров взыскующих незамедлительного отражения в государственной политике. О философско-историческом развитии национальной идеи и русской идеологии говорится в настоящей статье.

Делается вывод об опережающем формировании архитектуры евразийского пространства с опорой на философско-исторические основания совместного многовекового развития народов единого Отечества, являющихся по существу фундаментом общенационального единства.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, государство, философия истории, идеология, национальная идея.

On the question of updating of ideal and philosophical foundations of russian history in the context ideologies of the russian statehood

Denisov Nikolai Grigorievich

Doctor of Philosophy, Professor,

Head of the Department of History, Cultural Studies and Museum Studies

Krasnodar State Institute of Culture

Krasnodar ngdtnisov@mail.com

Abstract. The war between the West and Russia, the confrontation with the world Anglo-Saxon hegemony led by the United States bring closer the eschatological point of bifurcation of Russia's self-determination as a self-sufficient civilization with a concrete historical solution to the problems of ethno-political nation-building, arising from ideological guidelines that require immediate reflection in state policy. The philosophical and historical development of the national idea and Russian ideology is discussed in this article.

The conclusion is made about the advanced formation of the architecture of the Eurasian space based on the philosophical and historical foundations of the joint centuries-old development of the peoples of the united Fatherland, which are essentially the foundation of national unity.

Keywords: Russia, civilization, state, philosophy of history, ideology, national idea.

Интегральная суть истории, ее философия и идеология прослеживается в поступательном развитии всего пути Руси и России – имперской, советской и современной. Начала этих мировоззренческих взглядов и картины мира прослеживается с древнейших времен в сказаниях, преданиях, былинах, языческой культуре, обычаях, традициях и получают дальнейшее развитие в артефактах времени и пространства российской государственности, понимаемых в концентрированном выражении «идеологией», определяющей смысловую сферу движения народов.

В кратком изложении универсальный смысл идеологии позиционируется как динамическая, пластичная и трансформирующая форма общественного сознания, отражающая интересы индивида, общества и государства на конкретном культурно-историческом этапе их развития, представленная определенным ему историко-философским уровнем осмысления реальной действительности [1].

В целом в отечественной философии истории определились два подхода в развитии России – историософский и эмпирический, которые в историко-культурной последовательности представляют собой различные способы движения русского пути. Более ранним в хронологическом порядке, по мнению большинства ученых, считается историософский подход. Основной его характеристикой является признание христианской религии в качестве ведущей доминанты исторического процесса. Отличительными особенностями этого процесса становится определение его смысла, а также допущение возможности эсхатологического завершения. Причем, сам смысл и цель истории определены заранее, однако ее ход в конечном итоге предрешен извне.

Эмпирический подход отвергает представление об истории как единой и универсальной для всех народов. Исторический процесс постигается исходя из множества исторических факторов и явлений. Значения этих фактов, их смыслы и причинно-следственные отношения определяются историей как научной и учебной дисциплиной. Принципиальным отличием от историософии, эмпирический подход устанавливает субъекта – историка – ученого – исследователя, которому делегируются полномочия интерпретатора исторических фактов.

Таким образом ставится под сомнение универсальность исторического процесса, что в целом приводит к относительности способов и форм освещения событий. При таком положении история как таковая остается самой по себе, а субъективный фактор, роль интерпретатора становится инструментом преобразователя социальной действительности в историческую реальность. В этой связи при эмпирическом подходе на первый план выдвигается проблема исторического сознания, понимаемого в российском менталитете как моральное сознание, что свидетельствует о его идейно-философском контексте, тесно связанного с культурно-идеологическими смыслами самобытного бытия.

Исследование генезиса русского национального самосознания, исторических этапов и идеологических форм в контексте развития российской государственности показало, что их объективный анализ возможен только на основе современного философско-исторического осмысления духовного бытия русского пространства, воплощающего себя в контексте общемирового процесса, в котором духовная эволюция русского народа исходит из него самого.

Этот философско-методологический императив в отечественных научных кругах является отпавшим. Еще автор концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевский утверждал о том, что в обретении народу своего пути, своей идеи предстоит идти не обязательно в одном направлении, а «исходить все поле» для определения своего места в мировом процессе [2].

Философско-историческая концепция Е.С. Линькова свидетельствует об эволюции духа России и народов, ее населяющих через «особость» бытия истины в ее выражениях.

Действительно, место особости (мессии) русского народа и России по их историческому вкладу в европейскую и мировую культуру, в идею «всеединства» и «всемирного спасения» очевиден. Генезис русского национального сознания изложен уже в первых строках «Повести временных лет»: ... откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть» [3]. Русский путь «исходил свое поле» в феодальной раздробленности, испытал на себе двухвековую монгольскую Орду, шведское, литовское, польское, французское и немецкое нашествия, а всего за 1000-летнюю историю половину из 700 европейских войн приходилось на русско-российское пространство. Неоспорим вклад русской мысли, признанный ЮНЕСКО, в мировую сокровищницу культуры, науки, философии, литературы, богословия и искусства. Наивысший их расцвет пришелся на имперский период XVIII-XIX вв. и начало XX века.

Таким образом, поступательные этапы движения России (русской идеи) в мировоззренческом и идеологическом контексте ее исторического развития объективно входят в целостную структуру всемирно-исторического процесса: княжеско-боярский, сословно-представительский, имперско-конституционный. Данные культурно-исторические этапы, отражающие особенные моменты русского национального самосознания изложены профессором Бойко П.Е. с точки зрения философии истории в системной последовательности [4].

На первом княжеско-боярском этапе (X-XIII вв.) определяющую роль играла религиозно-эстетическая, «софийная» культура Киево-Новгородской Руси, когда русский дух возникает из недр этнического сознания восточнославянских племен, объединенных в государство варяжскими дружинами («Русью»). Таким образом русский народ утверждает себя в духовном пространстве мировой истории.

Второй, сословно-представительный этап российской истории (XIV-XVI вв.) определяется религиозно-мессианской культурой и теократической идеологией Владимирской и Московской Руси. Этот этап считается началом формирования общерусского государственного самосознания и укрепления централизованного государства, в котором новый институт земских соборов дополняет власть царя, а сословия духовенства, дворянства и воинства становятся опорными социальными субъектами. Крестьянство, как самое многочисленное сословие попадает в крепостную зависимость.

На третьем, имперско-конституционном этапе (XVIII-XX вв.)

формируются гражданско-правовые институты, проводятся либеральные реформы, отменяется крепостное право, активизируются общественно-политические организации в части получения гражданских свобод. Отечественная культура, литература и русская философия осознают свое всемирно-историческое значение и самобытность. Нарастают демократические и революционные процессы, приведшие в годы Первой мировой войны к краху династической империи Романовых.

Согласно спиралеобразному характеру развития истории и философско-культурологической логике на смену масштабным катаклизмам взыскуются ожидания социально-политических перемен. Этим ожиданием реально явилась Октябрьская социалистическая революция 1917 г. и ее духовное производное – культурная революция, – ознаменовавшие новое мироустройство в политических, социальных и экономических отношениях. По своей силе культурная революция превышала все доселе известные реформы, потому что её объектом становился каждый человек. Идеология состояла в основании нового коммунистического мировоззрения (общества равных), отношении к себе и миру в контексте общечеловеческого интернационала.

Современная мировая эсхатологическая ситуация в дискурсе философии истории свидетельствует о тотальном мировоззренческом кризисе, когда интересы народов расходятся с интересами многих правителей государств.

Методологические аспекты исследования обусловлены расхождениями между очевидными уроками истории и фатальным динамизмом текущих событий, исход которых в немалой степени зависит от мировоззренческого оздоровления противостоящих друг другу политиков. Оно не может состояться само по себе, поскольку скорости дегуманизации мирового сообщества опережают их осмысление в режиме реального времени. Таким образом объективируется актуальность философии истории, судьбоносные обобщения которой, вброшенные в мировое общественное сознание и поддержанные широкими гражданскими действиями, способны повлиять на миротворческий поворот многих государственных деятелей.

В целях повышения субъектной роли гуманитарной науки предстоит, на наш взгляд, преодолеть сам методологический кризис, приведший к множественности исследовательских подходов к изучению истории (синтетического, просветительского, формационного, цивилизационного, универсального, синергетического, этнологического, герменевтического, эпистемологического, цифрового и других), что породило, в свою очередь, дробление предметного поля самой истории. Имеется ввиду

появление таких новых исследовательских «жанров» как феноменологическая, интеллектуальная, антропогенная, генеалогическая, микроистория, event-история, исторической памяти, а также бурное развитие «отраслевого» подхода, реализуемого через политическую, экономическую, научную, социальную, военную, культурную, религиозную, медицинскую, экологическую и других разновидностей историй. То есть то, как познается история и ее фрагментарность стали более популярны среди ученых, чем сама история.

В настоящее время данная проблема гиперболизируется тем, что информационное общество накопило бесчисленный массив эмпирического и фактического материала, увеличивающегося в геометрической прогрессии и взыскующего обработки, адекватной гуманистическому движению человечества в исторической перспективе, однако скатывающемуся ныне в пучину неопределенности, мировоззренческого тупика и конца истории, протекающей сегодня не по прогнозу Фукуямы.

Отмечая в качестве вывода сегодняшнее внимание российского государства, гражданского общества и научно-образовательного актива к историческим знаниям, нельзя не заметить его недостаточность к философскому осмыслению современных задач по переустройству мира, прогностической роли философско-исторического синтеза, поиску интегральных методологических модулей, расширяющих когнитивный потенциал национального самосознания, российской государственности, цивилизации и русского мира в преемственной связи с культурно-исторической аксиомой русской идеи, соединяющей в себе особенное и универсальное, индивидуальное и коллективное, этнонациональное и общечеловеческое.

Как утверждает Муравьев А.Н., современной российской идеологии остро востребованы подлинно научно-философские основания, исключающие любые попытки фальсификации истории и идейно-политических спекуляций вокруг нашего Отечества [5]. В условиях нынешнего военно-политического противостояния актуализируется умозаключение Н.М. Карамзина: «Россия основывалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спасалась мудрым самодержавием» [6].

Данное интегральное методологическое движение, обращенное в будущее, предполагает преимущество метаисторического подхода, макромодели и «метаязыка» исторического развития, выходящих за пределы прежних жизнеописаний, что объективно обуславливает реконструкцию философской картины мира, органически соединяющей на научной основе прошлое, настоящее и будущее. В

такой философско-исторической архитектонике, отражающей корневую самобытно-почвенную основу и технологические достижения, представляется идеологическое провидение построения нового справедливого и гуманного многополярного мира в образе русского, российского чуда.

Литература

1. *Денисов Н.Г.* Идеология и культура: противоречие единство прошлого, настоящего и будущего // Культурная жизнь Юга России. 2017. №4, С.11

2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – СПб.: Глаголь: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1955. – С.92

3. *Нестор Летописец.* «Повесть временных лет». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://svtluka.prihod.ru/users/69/1101269/editor_files/file/letopisec_nestor_povest_vremennyh_let.pdf свободный. – Загл. с экрана.

4. *Бойко П.Е.* Этапы эволюции русской идеи в отечественной историософской мысли. URL: <http://korfo.kubgu.Ru/totom.html>.

5. *Муравьев А.Н.* Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: Материалы Всероссийской научной конференции. – Краснодар – В. 2017. – С.46-54

6. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. URL: http://www.gummev.info/hidliotek_BUKS/History/Artikle/kavamz_ZapRuss.ph.

Ахмедова Ума Садыковна

кандидат филологических наук, доцент,
Заслуженный работник высшей школы РФ
г. Махачкала

ТВОРЧЕСТВО ПО ЗАКОНУ АРИСТОСА

Аннотация. В статье изложены некоторые штрихи из творческой и общественно-политической жизни профессора М.И. Билалова. Автор характеризует деятельность ученого в соответствии с законом аристоса – осознать и принять ограниченность своей свободы в ситуациях жизни, принять собственную изоляцию, принять ответственность и изучить свои личные способности, а затем с их помощью сделать целое человечнее.

Ключевые слова: Билалов, аристос, стремление к истине, смысл жизни, духовный аристократизм, благородство.

CREATIVITY ACCORDING TO THE LAW OF ARISTOS

Akhmedova Uma Sadykovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
Honored Worker of Higher Education
Russian Federation. Makhachkala

Annotation. The article outlines some strokes from the creative and socio-political life of Professor M.I. Bilalova. The author characterizes the activity of a scientist in accordance with the law of aristos – to realize and accept the limitations of his freedom in situations of life, to accept his own isolation, to accept responsibility and to study his personal abilities, and then with their help to make the whole more humane.

Keywords: Bilalov, aristos, striving for truth, meaning of life, spiritual aristocracy, nobility.

Давно наблюдаю за творчеством и знаю дела и достижения М. Билалова, и не могу не выразить свое мнение в канун его юбилея. Можно по-разному «быть или не быть» в этом мире, в нашем почти вековом, большом университетском коллективе. Рефлексия это – естественное состояние доктора философских наук, академика Российской академии естествознания, заведующего кафедрой онтологии теории познания Дагестанского государственного университета, Билалова Мустафы Исаевича. Гамлетовский вопрос «быть или не быть» – это и его вопрос, вопрос человека, который не покоряется «пращам и стрелам яростной судьбы», оказывает им сопротивление, сражает их противоборством. В статье «Почему исчезли аристократы духа» он с грустью отмечает, что сокращается число интеллигентов. У студентов интерес к получению знаний не высок. Процветает дилетантизм... «Раскованная учительская и вузовская интеллигенция смело перешагнула зыбкую грань морали, права и ныне широко культивирует должностные преступления – плодит неграмотных выпускников, необразованных кандидатов и докторов наук, которые с одобрения «новой этики» беспардонно теснят заслуженных в науке и педагогике людей в руководстве кафедрами, факультетами и вузами».

Это, действительно, так. Но и в данной ситуации есть те, которые не сдаются. И таких людей немало в Дагестане, в университете. Я называю их «аристос». И Мустафа Исаевич – это аристос. Аристос (древнегреч.) – это наилучший в данной ситуации. Он знает, что всё относительно и нет ничего абсолютного. Поэтому закон аристоса – «принять ограниченность своей свободы, принять собственную изо-

ляцию, принять эту ответственность и изучить свои личные способности, а затем с их помощью сделать целое человечнее – вот наилучшее для данной ситуации» [1. С. 410-412].

Путь Мустафы Исаевича – это труженичество философа, стремящегося объять необъятное. Культ учёбы, размышления об *alma mater*, о ДГУ, о МПГИ им. Ленина, где на кафедре философии прошел аспирантуру и докторантуру, созвездие имён, с кого следует делать жизнь – Мераб Мамардашвили, А.Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи и так далее – уроки жизни, встающие со страниц замечательных монографий и статей учёного. Понимание смысла жизни как стремление к истине начинается у Мустафы Исаевича с погружения в античный мир. Первый диалектик Гераклит с его концепцией духовного аристократизма, аристоса, что есть «независимость суждений и поиск внутренней системы и внутреннего знания...», стоит 10 000 других». Сократ с его призывом «Познай самого себя» и убеждённостью, что «Прекрасная трудно». Аристотель, считающий, что человек, постигая истину, приближается к совершенному бытию. Мустафа Исаевич вспоминает гениев – людей, обладающих высшей степенью одарённости. Духи – покровители сопровождали человека в течение всей жизни и руководили его помыслами и действиями.

Совершив путешествие в Италию, сопровождаемый духами-покровителями, Мустафа Исаевич посещает множество городов – Венеция, Верона, Милан, Флоренция... Базилики, замки, фрески. В Милане – в церкви Санта-Мария делле Грация – «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи. Во Флоренции – великолепный музей Барджелло с работами Микеланджело. В Вероне, в городе Ромео и Джульетты, любуешься балкончиком, на который девушка тайком выходила на свидание. С волнением и восторгом автор рассказывает о меценатстве семейства Медичи, об их вкладе в итальянское Возрождение, о формировании ими культурной элиты, представители которой для горожан подобны богам. Это гении. Гении Возрождение и всех времён Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонаротти, Рафаэль Санти. И великолепный город – гений Рим. Италия вызывает восхищение Мустафы Исаевича и как всегда следом идёт трезвая оценка картины мира, параллель с Россией, с Дагестаном: «В Италии нет и не было и такого масштабного антагонизма между наукой и религией атеизмом и верованиями...», а мыслитель раннего Возрождения Пико делла Мирандола выдвинул идею о человеке как кузнеце своего счастья и будущего: «Мы рождены с тем условием, что мы становимся тем, чем мы желаем быть» [2. С. 41].

В монографии 2021 года «Философия смысла жизни в ценностных установках современников» Мустафа Исаевич отмечает важность проблемы («смысл жизни – потребность каждого человека») и как ме-

нялись на протяжении всей истории человечества представление о ней. Остроту проблеме придает и религиозный вопрос. Л.Н. Толстой в свое время говорил о плотском и духовном в человеке, так как «жизнь есть стремление к благу». У Ф.М. Достоевского вопрос о смысле жизни превращается в вопрос о Боге. Он говорит о трёх стадиях существования человека. На первой – эстетической – идёт поиск удовольствий. На второй – этической – человек в поисках самого себя. На третьей – религиозной – человек в поисках Бога или веры. Замечательный французский писатель нашего времени Эрих Шмитт в романе «Ночь огня» тоже рассказывает о встрече с Богом. Его герой, погребённый в песках пустыни обретает веру. Ночь в пустыне подарила ему свет. А свет – это Бог.

Размышляя о религиозном экзистенциализме (К. Ясперс, Г. Марсель, Н. Бердяев, Л. Шестов), Мустафа Исаевич допускает возможность возведения его к идеям русских мыслителей. К. Ясперс смысл жизни видит в достижении свободы и возможности быть самим собой. «Но свобода может быть достигнута в выборе между Богом и своеволием» [3. С. 121]. К. Ясперс «отрицает возможность земного идеала смысла жизни: в мире нет идеального устройства, нет «совершенного человека» [3. С. 121]. Атеистическая ветвь экзистенциализма (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, А. Камю) дает другую трактовку смысла жизни. Ж.-П. Сартр говорит, что не Бог, а человек в свободном выборе делает себя сам и несёт ответственность за выбор идеала подражания. А. Камю настаивает на бессмысленности жизни, так как жизнь, в которой Бога нет, превращается в абсурд.

Множество лиц встает со страниц замечательных книг Мустафы Исаевича. Философы, писатели, художники с их пониманием смысла жизни и тех задач, которые они должны решить в этом загадочном и тревожном мире. И одно из прекрасных лиц – лицо автора, духовный аристократизм и широта души которого, проявляющаяся во внимании и к своим современникам – учителям, друзьям, коллегам по работе – свидетельство благородства. А благородство, по словам Б. Окуджава, «... это не звание, не золото, не положение в свете, а свет в крови». А это уже черта избранников. Тех, кто способен преобразовать хаос в космос, оставляя в душах людей свой отпечаток. Свет в крови – это сила духа, это то, что освещает путь людям и дарит надежду.

Философ, в орбите внимания которого и «национальный ум греков» в эпоху античности, и гении европейского Возрождения с их верой в возможности человека как кузнеца своего счастья, и «загадка славянской души», и «национальный ум дагестанцев», завершает свой труд – по закону жанра – гимном философии.

Философия учит жить долго и счастливо, помогает выработать ироничное мышление, воспитать благородство в жизни, не быть ко-

рыстным, быть снисходительным, уметь прощать людям их ошибки. Автору близка конфуцианская идея – «благородный муж – есть человек, который способен быть примером для подражания». Но главное: в чем же заключается смысл жизни? Зачем жить? «В современной информационной культуре через СМИ, телевидение, интернет, компьютерные игры происходит отрицание традиционных гуманистических ценностей... На авансцену истории выходят широкие массы радикально настроенных и недостаточно духовно развитых людей. При этом деформируются основополагающие... ориентиры – дружба, любовь, совесть, достоинство... На первый план выходит гордыня и тщеславие. Только ответственность за свои поступки перед Абсолютом, человечеством и самим собой поможет личности «обрести подлинный смысл своей жизни». (З. С. 200). И это тоже кредо Мустафы Билалова. Пожелаем ему жить так, долго и счастливо!

Литература

1. Дж. Фаулз. Аристос. – М.: Эксмо, 2002. – 432 с.
2. Билалов, М. И. Мысли не на каждый день / М. И. Билалов. — Махачкала: Дагестан, 2018. — 352 с.
3. Билалов М.И. Философия смысла жизни в ценностных установках современников. – 2-е изд. – Махачкала: ГАУ РД ИД «Дагестан», 2021. – 232 с.

УДК 316.74

ЦЕННОСТНЫЙ ВЕКТОР ДАГЕСТАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Залибекова Айгуль Залибековна

Кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета
г. Махачкала aigul77-77@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о необходимости коренной перестройки мировоззренческого и идеологического вектора дагестанского образования на основе этнической культуры. Так можно восполнить утерянные в последние десятилетия воспитательные функции школьного и вузовского образования, восстановить единство обучения и воспитания в дагестанском образовании.

Ключевые слова: Дагестанское образование, этническая культура, идеология.

VALUE VECTOR OF DAGESTAN EDUCATION

Zalibekova Aigul Zalibekovna

Candidate of Cultural Studies Senior Lecturer of the Department
ontology and theory of knowledge Dagestan State University
Makhachkala aigul77-77@mail.ru

Annotation. The article substantiates the thesis about the need for a radical restructuring of the worldview and ideological vector of Dagestan education on the basis of ethnic culture. In this way, the educational functions of school and university education, which have been lost in recent decades, can be replenished, and the unity of education and upbringing in Dagestan education can be restored.

Keywords: Dagestan education, ethnic culture, ideology.

На этой конференции социальные процессы рассматриваются в основном с точки зрения ценностных отношений, сохраняя при этом методологию общего философского подхода. Такая методика учета образования как функции социокультурных ценностей не исключает учета экономических и политических факторов. Это лишь подчеркивает доминирование культурных основ, целей и принципов воспитания и их неизменность как целостного стиля действия педагогического сообщества в эту историческую эпоху. Однако для построения культурно-образовательного пространства и учета этнических культурных ценностей в региональной образовательной политике России и ее национальных республик необходима национальная идеология, расширяющая их права – более эффективно использовать права, предоставленные Федеральным законом «Об образовании», включать в свои национальные компоненты регионов и республик национально-региональную составляющую образования. С В конце-концов это делается в целях создания территорий для конструктивной реализации принципа единого культурно-образовательного пространства всей страны [5.С. 38-39].

Необходимость государственной идеологии в образовании стала очевидной с начала российской военной операции на Украине. СВО обнажила очевидность того, что государственная идеология необходима для радикального пересмотра вектора развития всех сфер общественной жизни после распада существовавшего десятилетиями однополярного мирового порядка, перехода к полицентрическому и многополярному миру. Кроме того, как отмечают исследователи, в частности, Н.Г. Денисов, неоднократно обосновывается вывод, что для обеспечения этносоциальной стабильности, сохранения и развития госу-

дарства "целесообразно утвердить государственную идеологию как интегратор систем социальных отношений" [2. С. 54-60.].

Интегративная роль идеологии необходима для единства обучения и воспитания в образовании, для патриотического воспитания учащихся и студентов, осознания ими цивилизационного вектора развития страны и национальных республик. Полномочия регионов по регулированию соотношения специальностей для поступления в вузы региона также тесно связаны с общественной или государственной идеологией. Ее наличие связано со многими проблемами, которые препятствуют целостности единого образовательного пространства в светском образовании, что особенно важно для гуманитарного образования. Такая банальная и набившая оскомину у общественности проблема как несоответствие между большим количеством юристов и экономистов, окончивших местные университеты, и их крайне низким качеством. Поэтому в республике широко используется система филиалов центральных вузов. Я долгое время работала в филиале Ростовского государственного экономического университета РИНХ в Махачкале, большом образовательно-научном комплексе, оснащенном современным техническим оборудованием. Наша цель состояла в том, чтобы обучать предпринимателей и юристов культурному багажу и моральным качествам, необходимым для работы на современном рынке и в бизнесе. Однако эта хорошая цель сопровождалась многими существенными препятствиями и недостатками в условиях безрассудной отечественной образовательной политики последних десятилетий. Не было продуманной на основе идеологии государственной стратегии высшего образования страны.

В Дагестане уже давно очевидно, что необходим радикальный пересмотр пропорций приема в дагестанские вузы, избыток специалистов с одинаковым юридическим и экономическим образованием. Бесконечное множество бухгалтеров и менеджмента при отсутствии реальной экономики, юристов при раздувающейся коррупции и преступности, откровенного нарушения законов и законодательства. Ученые и политики давно заявляют: "необходимо значительно сократить количество традиционных факультетов и областей обучения или радикально изменить их содержание новыми специальностями и специализациями" [1. С. 18.]. Сокращения, по мнению автора, должны касаться профессий, которые в последнее время стали явно коррумпированными-юридических, экономических, в реальном формировании которых гуманистический потенциал недостаточен, а деформации в эгоистических и антиобщественных чувствах студентов, в сложившемся в последние десятилетия искаженном ценностном отношении деловом менталитете как в государственных, так и в хозяйственных структурах

очевидны. Образование отошло от ценностей морали, национальной культуры, исторического прошлого.

Образование должно стать сферой общественной жизни, в которой синтезируются позитивные идеологические, педагогические и другие тенденции, составляющие основу единства народов Дагестана. Школьное и университетское образование в Дагестане должно соответствовать роли образования как основного средства решения проблем, которое заключается в закреплении в сознании людей идеи защиты мира, закреплённой в документах ЮНЕСКО. Педагогическое и гуманитарное сообщество должно заниматься продвижением учебников по культуре мира, правам человека, толерантности и культурному плюрализму [6.С. 65]. Зачатки таких учреждений есть в республике, эти учебные заведения в Дагестане носят инновационный характер. Ещё в 1998 году персоналу Всемирной конференции по образованию был поставлен ряд важных задач по созданию единой системы политического образования, подготовке специальных учебников и координации национальных образовательных программ, а также изучению мировых проблем как специальной академической дисциплины. В Дагестане недостаточны изучение истории, мировоззренческих наук, системных представлений о мире.

Однако вновь и вновь приходится напоминать и добиваться реализации этих задач. В соответствии с целями этой конференции обращаем внимание на принцип формирования "культурного члена общества, который заботится об историческом наследии", закреплённый в Федеральном законе "Об образовании в Российской Федерации". Этот принцип закреплён Указом Президента Российской Федерации как "воспитание гармонично развитого и социально ответственного человека на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, национальных историко-культурных традиций"[7]. Решение подобных задач усложняется тем, что с начала 90-х годов XX века учебные заведения, в том числе университеты, почти полностью отказались от воспитания молодежи и сосредоточились на сфере обучения как основы образования. Были утрачены формы, методы, традиции воспитательной работы с молодежью, разрушена система образовательного пространства. Поэтому важнейшей задачей школьного образования сейчас является возрождение традиций нравственного, интеллектуального и гражданского воспитания молодежи, формирование интеллектуального специалиста, личности с высокими универсальными, эстетическими, профессиональными качествами, широкими коммуникативными и адаптивными навыками. Исследователи считают необходимым включить специальный курс по этнопедагогике в программу подготовки учителей в педагогических учебных заведениях [см. 3].

Однако акцент на обучении в образовании не достиг цели за последние десятилетия. И школьное, и высшее образование некачественно, обучение в школе урезанное, однобокое – те, кто идет в гуманитарные науки, не знают физику и математику, и наоборот. Школьное образование скатилось в репетиторство с его фрагментарными методиками. Вузы в ожидании подготовленных выпускников и абитуриентов. Сегодня высшее образование в Дагестане имеет разнообразную, но достаточно современную инфраструктуру, основанную на прочной научной основе. Они представлены дагестанским научным центром Российской академии наук, в который входят более десяти независимых НИИ, проводящих плодотворные исследования практически во всех основных областях современной науки, 6 высших учебных заведений и их филиалов, а также филиалы российских институтов, филиалов и ведомственных и научно-исследовательских учреждений, лабораторий и станций. Только в государственных вузах республики "в начале 1999-2000 учебного года было зачислено 60,4 тыс. человек, или более чем в 2 раза больше, чем в 1990-1991 учебном году" [4. С. 312]. За последние два десятилетия только в Дагестане к 2020 году число студентов превышает 100 тысяч. Но когда нет школьной базы, когда хромает общеобразовательная школа с ее тестами и другими негативами Болонской системы, радикально изменить и решить проблемы повышения качества профессиональной подготовки специалистов с высшим образованием, задача почти неподъемная. Есть количественная гигантомания в вузах, нет требуемого качества.

На этой конференции, содержание которой частично раскрывается ключевыми словами "ценности, идентичность, идеология", эта статья знакомит участников научного форума с очень важным вектором ценностного содержания образования Дагестана. Мы убеждены, что региональная образовательная структура в Дагестане ненадежна без учета и поддержки этнической культуры и ее основных ценностей. Она не состоятельна без общегосударственной стратегии, основанной на научно-продуманной идеологии, отражающей цивилизационных вектор развития страны.

Литература

1. Билалов М.И. Проблемы подготовки педагогических кадров в Дагестане // Ежегодник. Региональные аспекты социальной политики. Вып.11.-Махачкала: ДГУ,2009. С.17-21.

2. Денисов Н.Г. Государственная идеология как интегратор взаимодействия власти и общества в условиях новых вызовов и угроз // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 2017. С. 54-60.

3. Исафилов Р.С. Духовно-нравственное воспитание учащихся на традициях народов Дагестана. Дис. На соиск. Канд. пед. наук. – Махачкала, 2001. 158 с.

4. Мирзабеков М.Я. Развитие высшего и среднего специального образования в Дагестане в 20-90-е годы XX в. // Социально-экономическое и политическое развитие народов Северного Кавказа (XIX – начало XXI вв.) – Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук, профессора А.И.Хасбулатов (г.Грозный, 19-20 декабря 2017 г.)-Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2017.-512 с. С. 307-314.

5. Никитенко В.Н. Онтологический и педагогический смыслы образования: проблемы взаимопроникновения в теории и практике // Философское осмысление теории и практики современного профессионального образования: сб.ст./редкол.: А.Ж.Жафьяров, В.Н.Наливайко (гл.ред.) В.И.Паршиков [и др.]-Новосибирск: ГЦРО, 2006. –Т. XVIII. –Сер.тр., прил. К журн. «Философия образования».- 270 с. – С. 33-40.

6. Субетто А.И., Селезнева Н.А., Майборода Л.А. Кудрявцев Ю.А. Долгосрочная образовательная политика как ядро внутренней политики российского государства. Российское образование: проблемы реформирования. Выпуск 2. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 1998. – № 12. – С. 65.

7. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (Дата обращения 11 июня 2019 г.).

УДК 101.1

Современная российская философия и её диалог с обществом

Магомедов Мурад Абдулкаримович

Специалист по учебно-методической работе кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета
г. Махачкала murad_magomedov_01@list.ru

Анотации: в данной статье рассматриваются исторические периоды и преобразования современной российской философии, а также влияние на неё западного философского типа мышления. Рассмотрение статуса философии как дисциплины, отличающейся от научных

типов знания. Анализ исследований проблематики цивилизационной ориентации России как Востока-Запада. Влияние современной российской философии на формирование и отстаивание традиционных общественных институтов Российской Федерации.

Ключевые слова: российская философия, наука, общество, политика, цивилизация.

Modern Russian philosophy and its dialogue with society

Magomedov Murad Abdulkarimovich

UMR Specialist Department of Ontology and Theory of Knowledge,
Dagestan State University
Makhachkala murad_magomedov_01@list.ru

Annotation: this article examines the historical changes and transformations of modern Russian philosophy, as well as the influence of the Western philosophical type of thinking on it. Consideration of the status of philosophy as a discipline that differs from scientific types of knowledge. Analysis of research on the problems of the civilizational orientation of Russia as East-West. The influence of modern Russian philosophy on the formation and defense of traditional public institutions of the Russian Federation.

Keywords: russian philosophy, science, society, politics, civilization.

Современной российской философии всего то тридцать лет и за такой небольшой в историческом плане период она претерпела кардинальные изменения. После распада советского союза и свойственной ему марксистско-ленинской идеологии перед философами были открыты все границы. Изучение литературы, ранее закрытой для российского читателя, позволило сформировать новые, отличные от марксистской формы философского мышления.

Однако с появлением нового типа мышления никуда не делся сам статус философии как научной дисциплины. Философ считается деятелем науки, что в сути неправильно, философом может быть не только учёный, подтверждением тому А. Камю, Ж. Сартр, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой. Проблема в том, что сама философия не является целостным систематизированным знанием, а делится на различные учения такие как герменевтика, философия религии, социальная философия и т.д. Одни учения в большей степени подходят под критерии научности другие меньше, но в российской традиции все

они являются научными [2. С. 1101]. Гегель говорил философия – это схваченная мыслью эпоха. Его слова отлично отражают ситуацию, сложившуюся с российской философией, во времена, когда так популярно и уважаемо научное знание и сами учёные, философия всё ближе и ближе к науке.

Среди современных российских «философов» огромное количество людей, пишущих статьи в научные журналы, которые на деле не имеют ничего общего с наукой тем самым понижая уровень качества российской науки. Правда подобная проблематика в России присутствует не только в лоне философии, но и в научных дисциплинах, однако там она имеет иные причины нежели в философии. В Дагестане, в котором я живу, молодые специалисты идут в науку без особо желаний и стремления к знаниям, в основном по каким-либо своим причинам, прячутся ли они от армии или же пытаются просто занять какое-то место в обществе.

Всё же вопрос о статусе философии как научной дисциплины хоть и мало освещён в среде российской философии он тем не менее остаётся открытым. Куда более популярной темой особенно в последние пару лет стала проблема цивилизационной ориентации России, вернувшаяся к нам прямым ходом из XIX века. Об этом пишут все, с разных точек зрения, с позиции географии, культурологии, политологии, даже гносеологии указывающей на отличительные черты «познавательной культуры» [1. С. 37] в том числе и познавательной культуры России, которая в современной постмодернистской трактовке акцентирует внимание не только на рациональном типе познания действительности но и на иррациональном. В сути своей проблема цивилизационной ориентации России носит по большей мере политический характер и, следовательно, больше зависит от убеждений автора.

В таком ключе возможно и должна подаваться философия с практической стороны, именно подобные осмысления и требуются российскому обществу и чем больше споров вокруг подобных проблем, тем возможно лучшие будут найдены решения.

Так например А.Н. Чумаков озаботился исследованием проблематики массовой эмиграции российской интеллигенции, однако, у меня есть некоторые расхождения с мыслями А.Н. Чумакова. Мне кажется не правильным то, что он акцентирует внимание проблемы эмиграции наших соотечественников на недостаточном уровне или же вовсе полном отсутствии цивилизованности. «Не достаёт нам изначально и прежде всего цивилизованности. Да именно так не культурной развитости, а цивилизованной.» [4. С. 4] На мой взгляд, в России живут люди не менее цивилизованные, чем в Европе, а по уровню образованности населения наша страна находится на лидирующих позициях. Проблемы свободы личности и отдельных социальных слоёв су-

ществуют, но не только на просторах нашей родины. Вообще проблема свободы, а именно свободы слова и самовыражения ограничивается интересами определённых элит, будь то идеологических или же экономических. Сепаратистские движения басков в Испании, фронт национального освобождения Корсики во Франции, ирландская революционная армия в Северной Ирландии, движения различных профсоюзов, подобные общества всячески пытаются угасить. Несмотря на это многие особенно среди молодого населения всё равно пытаются переехать жить в страны золотого миллиарда. Им нет дела до политической несправедливости, они ищут экономического достатка и возможности реализовать свой потенциал или же бегут от появившихся на родине самых разных проблем от возможности политических репрессий до угрозы жизни.

«И пока твёрдо не станем на путь цивилизованного развития, где во главу угла будут поставлены в первую очередь определяющие суть действительно правового государства и степень развития гражданского общества: *Человек с его неотъемлемыми правами и достоинством, реальное разделение властей и равенство всех перед законом.*» [4. С. 4]. Мне кажется сомнительным мысль о том, что люди мигрируют из России из-за того, что здесь не ценят или не понимают ценности человеческих прав свобод и жизни как таковой. О каких идеалах гуманизма и общечеловеческих ценностях думали мигранты, уехавшие из СССР с идеями интернационализма в США с расовой сегрегацией. Проблема эмиграции населения, интеллигенции в том числе, заключается в экономическом недостатке, угрозе жизни, в несоответствии политических идеалов мигранта с реальной ситуацией в стране и многих других причинах. Да и о какой не цивилизованности российского общества можно говорить, когда на территории всего постсоветского пространства у людей так сильно развито чувство справедливости.

По мнению Чумакова России не хватает демократических институтов и понимание народом своих собственных прав и свобод для обретения, которых нужно в этом самом народе сформировать гражданское общество. «Для победы демократии, то есть власти народа, необходимо как минимум становление гражданского общества, которое является как бы оборотной стороной медали демократического общества» [4 С. 449]. А на мой взгляд гражданское общество имеет возможность на что-то повлиять только в политически слабом режиме. Мнение, даже крупных, общественных групп в малой степени, а иногда и вовсе не влияют на политические решения сильного государственного аппарата. Вспомним те же протесты против ввода вооружённых сил США в Ирак которые, собственно, никак не повлияли на решение руководства. Волнения по поводу различных экономических и гражданских реформ направленных на снижение свобод даже после

массовых протестов при сильном государственном аппарате не повлияют на решение властвующих элит. А в пользу гражданского общества в России могут привести в пример кровавое воскресенье, которое началась после поражения в русско-японской войне, и последующие за ним протесты, и забастовки. Кстати, люди, которые говорят, что в России нет гражданского общества и вообще, по существу, русский народ – рабский народ, это не камень в огород А.Н. Чумакова, а просто личное наблюдение, часто забывают о массовых крестьянских восстаниях, случавшихся на протяжении всей истории России. Да что там говорить у нас за прошлый век было 4 революции.

Проблема эмиграции населения, в сущности, является очень сложной в понимании и в поиске решения. Формирование одного только гражданского общества не способствует прекращению оттока активной части населения. За желанием человека уехать из родной страны могут стоять какие-то личные проблемы, политическая нестабильность, экономический спад, и множество других причин и, как правило, они редко выступают по одиночке.

Несмотря на то, что российской философии, в том виде в котором она существует сейчас, всего тридцать лет, перспективы её завянут во многом от финансирования государства, а потому остаются довольно туманными.

Литература

1. Билалов М.И. Полилог познавательных культур в методологии философии истины / М.И. Билалов // Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: Сборник научных статей / Под редакцией О.Д. Маслбоевой. Том Вып.4. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018– С. 35-39
2. Драч Г. В. Цивилизационное будущее России: контекстуальность проблемы / Г. В. Драч // Вестник Российского философского общества. – 2020. – № 1-2(91-92). – С. 51-61.
3. Рахматуллин Р.Ю. Является ли философия наукой // Молодой ученый. 2014. № 3 (62). С. 1100-1103.
4. Харисова Л. М. Философия: наука или не наука? / Л. М. Харисова // – 2015. – № 3-1(3). – С. 151-152.
5. Чумаков, А. Н. «Философский пароход»: 100 лет без покаяния / А. Н. Чумаков. – Москва: Проспект, 2022. – 456 с
6. Шевченко В. Н. К современным дискуссиям вокруг "особого пути" развития России/В. Н. Шевченко // Вестник Российского философского общества. – 2020. – № 1-2(91-92). – С. 39-51.

ПЛЕНАРНАЯ ДИСКУССИЯ

УДК – 101

Философия как методология в решении экологических проблем

Алилова Калимат Мухтаровна

Доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета; профессор кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства.
г. Махачкала kalimat2@mail.ru

Стан движущей силой ценностной переориентации общества, философские принципы взаимодействия природы и общества выполняют роль основного фактора самоорганизации системы «человек – природная среда».

Горелов А.А., доктор философских наук, профессор.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы отношения в системе «природа-человек». Говорится о роли философии как методологии для решения экологических проблем. Указывается, что философия может помочь решению этой важнейшей проблемы, выступая в роли проводника идей охраны окружающей среды, потому, что философы рассматривают глобальные проблемы (в том числе, конечно, и экологические) в контексте использования природных ресурсов. Поэтому так необходима сейчас оптимальная разработка оптимальной методологической стратегии по данному вопросу.

Ключевые слова: экология, философия, методология, жизнедеятельность, экологический кризис.

Philosophy as a methodology in solving environmental problems

Alilova Kalimat Mukhtarovna

Doctor of Philological Sciences
Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge,
Dagestan State University;
Professor of the department humanitarian disciplines of the
Dagestan State University of National Economy.

Having become the driving force behind the value reorientation of society, the philosophical principles of the interaction between nature and society play the role of main factor in the self-organization of the "man – natural environment" system.

Gorelov A.A., Doctor of Philosophy, Professor.

Annotation: the article deals with the relationship issues in the "nature-man" system. The role of philosophy as a methodology for solving environmental problems is discussed. It is pointed out that philosophy can help solve this most important problem, acting as a conductor of ideas for environmental protection, because philosophers consider global problems (including, of course, environmental ones) in the context of the use of natural resources. Therefore, the optimal development of an optimal methodological strategy on this issue is so necessary now.

Keywords: ecology, philosophy, methodology, vital activity, ecological crisis.

Вопрос взаимоотношения человека и природы всегда был предметом философского интереса. Этим вопросом занимались великие мудрецы древности и современности, которые стремились найти место приложения сил человечества в природе. Например, о Платоне было сказано: «Он первый дал определение прекрасного: в него входит и похвальное, и разумное, и полезное, и уместное, и пригожее, а объединяет их согласие с природой и следование природе»[4,172]. А Цицерон утверждал, что всякий, желающий жить в согласии с природой, должен брать за исходное все мироздание и его управление [1,497].

Философы древней Греции считали правильным умерять свои запросы. Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть, советовал Сократ. «Чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам» [5,111-112]. Эпикур говорил: «По отношению ко всем живым существам, которые не могут заключать договоры о том, чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда, нет ничего справедливого и несправедливого» [8,603].

Академик В.И. Вернадский, говоря о биосфере писал, что «в биосфере все учитывается и все приспособляется... с тем же подчинением мере и гармонии, какую мы видим в стройных движениях небесных светил и начинаем видеть в системах атомов вещества и атомов энергии»[2,24].

Поэтому сейчас актуален вопрос о философии как методологии в решении экологических вопросов, что необходимо для надлежащей организации решения природоохранной проблемы. Эти исследования

характерны для многих наук, но философия рассматривает мир в целом и синтезирует различные области знания, что позволяет ей методологически участвовать в инвайронментальной деятельности.

Сегодня главное это методологический анализ философии как науки, занимающейся, в том числе и экологическими проблемами, так как сейчас увеличивается массив знаний и, соответственно, меняется методология исследования для их разрешения.

Значение философии очень важно для изучения конструкции «общество-природа», так как она рассматривает проблему с ценностной, преобразовывающей стороны. «В современном познании, обременённом чрезмерной для достигнутого уровня развития специализацией, философия призвана соединить все множество разноплановых подходов в экологической проблеме, всю совокупность ее аспектов и всерваний. Философия осуществляет этот теоретический синтез, решая в то же время традиционную задачу методологического поиска» [3,163].

Постановка философией экологического вопроса должна принести пользу в генерировании общеметодологических воззрений на приобщение к экологическому знанию данных других ключевых наук. Философско-методологическую разработку экологической проблемы нужно связать, прежде всего, с духовностью. Ученые – философы регулярно принимают участие в генерировании экологического мировоззрения и гуманности по отношению к окружающему миру. От распространения экологического гуманизма в обществе в значительной степени зависит формирование отношений человека и общества к природе, а, следовательно, и подходы к решению экологических проблем [6,345].

Философия принесет пользу, решая данную задачу разнонаправлено, активизируя выработку обновленного экологического сознания, которое содействует самоограничению утилитарных интересов и духовно-практических тенденций субъекта во взаимоотношении с окружающей средой.

Насущный вопрос, требующий неотложного внимания – это воспитание молодежи в духе экологической нравственности, так как за молодежью будущее и проблема эта затрагивает их в первую очередь, но и, конечно, людей других возрастов и социальных групп.

В современных условиях закладываются основы единого культурного пространства, где должно основываться экологическое образование в глобальном масштабе. Инвайронментальная культура всегда нравственна. Человечество должно стать «экологически культурным», это его обязанность [7,76].

Нацеленная на экологию культура, соответствующая мораль, воздействует на становление экогуманизма, рассматривая природу как величайшую ценность.

Философское видение экологической проблемы может переломить ситуацию, и сформировать новые тенденции в сохранении природы. Поэтому философия может явиться связующим звеном между социально-гуманитарными знаниями и экологией.

В.И. Вернадский утверждал: «Человечество далее не может стихийно строить свою историю, а должно согласовывать ее с законами биосферы, от которой человек неотделим. Человечество на Земле и окружающая его живая и неживая природа составляют нечто единое, живущее по общим законам природы». Известно, что человек – это часть природы и вне ее не может жить, но, если мы хотим, чтобы наши потомки увидели счастливую жизнь своих внуков и правнуков, нельзя откладывать решение этой важнейшей задачи на потом, ее нужно решать здесь и сейчас.

Литература

1. Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1, с. 497.
2. Вернадский В. И. Избр. соч. Т. 5. М., 1960,
3. Горелов А.А. Философия в решении экологических проблем. В кн.: Взаимодействие общества и природы. М., Наука, 1986.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
5. Диоген Лаэртский. Цит. соч..
6. Кдырбаев К.М. Роль философии в решении экологических проблем. Форум молодых ученых. №7, 2017. с. 345.
7. Лепская Н. Д. Новый образ человека в аспекте доброй воли И. Канта в условиях кризиса современной цивилизации. Экологический вестник. 2015, № 4 (34).С. 76.
8. Лукреций Кар. О природе вещей: В 2 т. Т. 2.

УДК 340

Диалектика ценностей в образовательной системе России

Велиев Омар Велиханович

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Дагестанского государственного факультета

Магаррамов Магаррам Джабраилович

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник РЦЭИ ДФИЦ
г. Махачкала velikhan.veliev@mail.ru

Аннотация. Обеспечение безопасности российского государства и общества невозможно себе представить без эффективного функционирования образовательной системы в консонансном единстве с экономической системой, социальным патернализмом государства институтов образования и воспитания, семьи как социального ин-

ститута. С учётом этих посылок авторы на основе эмпирических данных и теоретических обобщений сформулировали обобщающие выводы и предложения, могущие изменить образовательные, экономические и социальные подходы, в том числе с учётом положений из Послания Президента РФ к Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г.

Ключевые слова. Безопасность общества и государства, воспитание и образование, традиционная система образования, Балонская система, экономические кризисы, единство экономики, образования и воспитания, семьи, безопасности личности, общества и государства.

Dialectical values in the educational system of Russia

Veliyev Omar Velikhanovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Department of Social and Humanitarian Disciplines of the DSPU

Magarramov Magarram Dzhabrailovich

Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher RCEI DFIC
Makhachkala velikhan.veliev@mail.ru

Annotation. Ensuring the security of the Russian state and society cannot be imagined without the effective functioning of the educational system in consonant unity with the economic system, the social paternalism of the state, the institutions of education and upbringing, and the family as a social institution. Taking into account these premises, the authors, based on empirical data and theoretical generalizations, formulated generalizing conclusions and proposals that could change educational, economic and social approaches, including taking into account the provisions from the Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation dated February 21, 2023.

Keywords. The security of society and the state, upbringing and education, the traditional system of education, the Balon system, economic crises, the unity of the economy, education and upbringing, family, security of the individual, society and the state.

Обеспечение безопасности российского государства является одной из важнейших задач всего российского общества и научного сообщества, в частности. Добиться этого состояния почти невозможно без систематического анализа состояния систем образования и воспитания в диалектическом единстве с экономической и социальной системами. Сказанное предопределило актуальность темы исследования, его структуру и содержание, а также суть формулируемых выводов.

Уже в назывании этого исследования заложен основной тезис его логики и концепции. Они проистекают, прежде всего, из той посылки, что за весь прошедший период постсоветский развития нашей страны, благодаря либерал-реформаторам, в массовое общественное сознание граждан через СМИ и все имеющиеся в их арсенале средства информации и коммуникации вкраплялась идея о некоем «превосходстве» западной системы образования. «Ущербности» аналогичной отечественной системы, полученной нами в наследство от советского прошлого. Причём трагизм ситуации обуславливался включением всех без исключения известных сторонников либерализма во властно-политические институты постсоветской России, что позволяло им бесконтрольно через колесо, что называется, ломать устоявшиеся, доказавшие свою эффективность и жизнеспособность советских форм и методов ведения образовательного процесса в ДОО, средних, средне-специальных и высших учебных заведениях.

Авторы настоящей публикации, начиная с самого начала этого деструктивного процесса массового оболванивания подрастающего поколения сограждан, посредством использования западных моделей и образцов ведения образовательного и воспитательного процесса, были противниками такого положения дел. Причем, это нашло отражение в многочисленных публикациях (2000-2022 г.г.), опубликованных, в том числе, в рецензируемых журналах из перечня ВАК России, и здесь нет смысла заниматься само цитированием, поскольку все эти работы имеются в открытом доступе. Желающие имеют возможность ознакомиться с основными их концептуальными положениями. Лаконично отметим, что основная их посылка сводилась не просто к критике транс-атлантической системы образования, а в демонстрации ущербности форм и методов ведения образовательного и воспитательного процессов, девиантности их содержания. Поскольку они покоятся на воспитании своих граждан в духе слома традиционных семейных ценностей и отрицании основ общечеловеческой морали и нравственности, деградирующие в своей сущности индивидуальное и массовое общественное сознание подрастающего поколения. В том числе по этой причине президент РФ Владимир Путин 21 февраля 2023 г. в своём Послании к Федеральному Собранию РФ объявил об отказе РФ от Болонской системы образования, к которой наша страна присоединилась в недавнем прошлом. Научных критиков этой системы в нашей стране предостаточно. В своё время оправданно и рационально против введения Болонской системы в чистом виде не раз высказывался и ректор МГУ Виктор Садовничий. По его мнению, приняв западный стиль образования, Россия начнет «готовить лаборантов для Запада». По сути, это своеобразный жизненно оправданный и в своей основе – разумный славянофильский подход к опредмеченному вопросу.

Отметим, что отказ от указанной системы образования предполагает коренной пересмотр всех действующих образовательных стандартов и программ обучения в средней, средне-специальной и высшей школе. Хотя, по словам министра профильного министерства Валерия Фалькова, в целом изменения в работе преподавателей и студентов в связи с принятием новой системы высшего образования в России будут минимальны. И благо, что они будут.

Касаясь дальнейшего развития системы образования в стране, глава нашего государства В.В.Путин предложил вернуться к традиционному для РФ сроку обучения в вузах от четырех до шести лет. Он добавил, что при этом в рамках одной специальности и одного вуза могут быть предложены программы, разные по сроку подготовки – в зависимости от конкретной профессии, отрасли и запроса рынка труда [1].

А это значит, что указанные программы по своему содержанию будут ориентированы на ведение образовательного и воспитательного процессов, опираясь на традиционные ценности, в том числе, советского прошлого, посредством увеличением количества аудиторных часов на постижение основ отечественной истории и культуры, этики, эстетики, правоведения, культуры и традиции народов, проживающих на территории нашей страны. По сути, это влечёт за собой углубление процесса гуманитаризации и гуманизации указанных сфер, опираясь на традиционную российскую самость, образ жизни и нравственное взросление подрастающего поколения сограждан. Ведь не гоже воспитывать их в духе однополых браков, родителя 1 и родителя 2, гейпарадов, трансвиститства и остракизма семьи и семейных ценностей. Поскольку разрушение семьи и семейных ценностей является актом прямого покушения на основы общества и государства. В этом смысле один из известных мыслителей XIX века не зря посвятил этой проблеме целую научную работу под названием «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В ней он, опираясь на труды Моргана, Бахофена и Макленнана, доказал тезис о том, что семья в её эволюции от древних форм до современной, является имманентным краеугольным камнем, основанием, фундаментом общества и создаваемого им государства. И, действительно, именно в рамках семьи идёт процесс положительной социализации личности, воспроизводства людей, положительных ценностей совместного сосуществования людей на основе их личной свободы. Значит, покушение западных идеологов на ценности традиционного института семьи, есть покушение на основы государства и общества. Поэтому будем правы, если скажем, что нравственная, образовательная деградация западных политических элит и их лидеров, проявляется, в том числе, через их скептическое отношение к традиционному институту семьи и к её аксиологии. Они,

сами того не зная, рубят тот сук, на котором сидят. А это неизбежно приведёт к гибели западных государств. Ведь не зря один из известных западных философов и социологов Освальд Шпенглер в своём труде «Закат Европы» предрёк указанном актёрам международного сообщества из соответствующего континента скорую гибель, в том числе по указанной причине.

Вместе с тем, никакая ни Болонская, ни российская системы образования априори не могут быть эффективными в плане обеспечения безопасности общества и государства без учёта объективного закона цикличного развития капиталистической, рыночной системы экономики, о которой в своё время писали известные российские экономисты прошлого – Кондратьев и Чаянов. Суть проблемы в том, что цикличность развития капиталистической системы хозяйствования влечёт за собой периодические (через 25-30) лет, а с учётом интенсивности развития экономики – возможны и через более короткие периоды исторического времени – экономические кризисы. Они, как правило, всегда приводят к массовому обнищанию значительной части общества, что является базой для протестного электората, которой могут воспользоваться горе-оппозиционеры и обрести политическую власть. Для недопущения такого сценария развития событий в России необходимо перейти к регулируемой государством рыночной экономике. Ведь постсоветский период развития нашей страны доказал, что «невидимая рука рынка» далеко не панацея для снятия многочисленных противоречий, порождаемых рыночной экономикой. А все страны Запада и США вышли из всемирного экономического кризиса 1929-1933 и последующих годов, именно государственным вмешательством в рыночную экономику. Поэтому рынку – да! А нерегулируемому государством рынку – нет! Потому, что нерегулируемая государством экономика, суть – будущие экономические кризисы. Это потрясения в обществе, которые России не нужны. Именно гибкое регулирование государственными институтами рыночной экономики является главной панацеей от экономических кризисов. Вместе с тем, неоправданно грубое вмешательство государства в рыночную экономику, как правило, приводит к застою. Поэтому оптимальное соотношение государственного регулирования и рыночных механизмов, государственника и частника – есть путь к гармонизации экономических отношений в нашей стране. А это значит, что гармония посредством управляемой экономики, есть путь к гармонии в образовательной и других сферах жизни общества.

В этой связи следует назвать оправданными и позитивными намерения главы нашего государства В.В.Путина на экономическое развитие страны. В, частности, он подчеркнул, что у нашей страны в настоящее время есть все возможности для прорыва по многим

направлениям. Смысл России не в том, чтобы приспособиться к текущим сложностям, а вывести экономику на новые рубежи.

Среди экономических мер, объявленных в упомянутом ранее Послании, – выплачивать материнский капитал в ДНР, ЛНР, Донецкой и Запорожской областях задним числом, то есть с 2007 года. Кроме этого, глава государства объявил о дополнительном повышении МРОТ с января 2024 года до 19,2 тысячи рублей. Анонсировал увеличение налоговых вычетов на образование и медицину. Вот Вам практические примеры наличия у нас в стране зачатков регулируемого посредством государства рынка, когда финансовыми механизмами защищаются наиболее обездоленные в социальном смысле слои населения. Это есть финансовый патронаж государства за семьями, где живут наши с вами дети. Они же – ясельники, ученики, студенты и аспиранты, получающие от своих родителей не только родительскую ласку, но и заботу посредством получения небольшой, но толики финансовых средств, обретаемых ими увеличением государством МРОТ, индексацией материнского капитала, другими мерами социальной защиты и поддержки. Вот в таком консонансном единстве находятся образование и воспитание, семья и школа, рыночная стихия и государственное регулирование рынка, экономика и социальное самочувствие граждан, безопасность общества и государства.

Подытоживая сказанное, сформулирую обобщающие выводы, суть которых сводится к следующему:

а) магистральная линия политического руководства страны, направленная на возврат к традиционной советской системе образования, является научной обоснованной и жизнью востребованной реальностью.

Высота качества советской образовательной системы, позволившая нам первым поднять Ю.А.Гагарина в Космос, другие достижения в области техники и технологии, воспитание нравственно ориентированной личности в рамках семьи и образовательных учреждений, еще в мире никем не обретена. Это правда. Вместе с тем, отрицание отрицания в образовательной сфере представляет собой качественный прорыв нашей страны, предполагающий системный учет всего положительного советского прошлого, вкрапление в неё современных новаций и достижений, отказ от западных нигилистических подходов к семье, семейным ценностям, воспитания в образовательной сфере асоциальным, нравственно неприемлемым формам образа жизни людей;

б) диалектический закон отрицание отрицания в образовательной сфере современной России предполагает качественный скачок, обуславливающий единство экономики, её государственного регулирования и сферы образования и воспитания. Это единство проистекает

из того факта, что эффективная экономика, при сознательном управлении ею, позволяет в разы повысить эффективность и мобильность системы воспитания и образования. Это система, в свою очередь, позволяет выпускать квалифицированных специалистов, могущих работать в различных сферах жизни общества, включая экономическую. В этой же мере, социальный патронаж государства по отношению к значительной части российского общества, обусловленный состоянием и уровнем развития экономики, позволяет значительно улучшить социальное самочувствие российских семей, граждан, проживающих в их составе, что позволяет родителям, в купе с учреждениями образования и воспитания, готовить личность с положительной социальной ориентацией.

Таким образом, поддерживаются семья, институты образования и воспитания. Устанавливается единство экономики, системы образования и воспитания, семьи и социального самочувствия граждан, а это есть не что иное, как сознательное управление процессом обеспечения безопасности российского общества и созданного им государства.

Литература.

1. Герейханова А. Президент в своем Послании дал оценку спецоперации, ситуации в стране и мире // Российская газета – Федеральный выпуск. 2023. №39 (8984).

УДК – 1/14

Терпение как движущая сила человека на пути к истине

Умарова Зара Ясуевна

кандидат философских наук, доцент

Грозненский государственный нефтяной университет имени

акад.М.Д.Миллионщикова

г. Грозный Zara200@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению терпения как движущей силы человека на пути к истине в трансформирующем мире. Разумное терпение рождается в глубине человеческой души, и оно способно к духовному совершенствованию, к ведению дискуссии, включающей в себя навыки взаимоуважения, готовности к сопереживанию и бесконфликтному поведению в сложных жизненных ситуациях. Самое основное на пути к истине – подлинное возвышение

в достижении результативных способов социального равновесия добра и справедливости в познании мира.

Ключевые слова: диалог терпение, истина, изменения, культура, сила, человек, понимание мира, новые технологии.

Patience as the driving power of man on the way to truth

Umarova Zara Yasuevna

Candidate of Philosophy, Associate Professor
Grozny state oil technology University Imeni
akad. M. D. Millionshtchikova
Grozny Zara200@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the philosophical comprehension of patience as a driving power of man on the path to truth in the transforming world. Reasonable patience is born in the depths of the human soul, and it is capable of spiritual improvement, to conduct a discussion, which includes mutualization skills, readiness for empathy and non - conflict behavior in difficult life situations. The most important genuine elevation in achieving the effective methods of social balance of goodness and justice in the knowledge of the world.

Keywords: dialogue patience, truth, change, culture, strength, man, understanding of the world, new technologies.

Терпение горько, но плод его сладок
Жан-Жак Руссо

Изменения, происходящие в последнее время во всех сферах жизни общества, невольно приводит к мысли, что человеку в своей жизни приходится очень многое терпеть из-за нехватки времени, перегруженностью информацией в социальных сетях, его слабостью перед мощью технику, из-за недостатка средств для раскрытия своих возможностей и способностей. Сегодня человек принимает решения в сложных противоречивых условиях, когда каждый день бросает новые вызовы и непростые испытания в поисках истины, справедливости, добра. Сложность заключается в том, что голос разума детерминирует силами зла или добра. Этот голос временами звучит приглушенно, если терпеливо, взвешенно не обдумывать сложившуюся ситуацию в мире. К проблеме терпения во все времена проявляли огромный интерес люди, принадлежащие к самым различным социальным слоям. Обращаясь к понятию терпение, философия убеждает в том, что оно является чертой характера многих народов. Люди, проявляя действующую силу терпимого сознания, постоянно отража-

ют все сферы общественной жизни. И у каждого человека свое понимание мира, свои ценностные ориентиры и важно не растворится в повседневности изменяющегося мира, найти точки опоры. В античной философии Сократ, Платон, Аристотель рассматривали терпения как преодоление внешнего влияния и внутренних волнений человека. В средневековой философии проблема терпения рассматривается как духовная ценность, добродетель, то есть путь спасения души. В Новое время появляется представление о терпении как принадлежности человеческому бытию. И. Кант считает данное свойство субъективной необходимостью страдания. В.С. Соловьев преподносит терпение в виде душевного качества. Мнение людей о терпении отличаются. Одни считают, что это абсолютная добродетель, что благодаря терпению достигаются наилучшие результаты в жизни человека и общества. Другие видят в нём проявление слабости и неуверенности, полагая, что за этим скрывается элементарная неспособность решить проблемы и как-то изменить ситуацию. С точки зрения философского подхода к данной проблеме, следует отметить, что терпение в жизни каждого человека, как показатель силы духа, преодолевающий неуверенность, страх, слабость, боль, гнев, раздражительность в познании истины собственного бытия. Человек никогда не был безразличен к вопросу о сути его назначения, к поиску истины своего бытия, оправдывающий смысл его жизни. " Жизнь, прежде всего, человеческая жизнь – не обладает никаким смыслом, помимо того, какой мы сами сознательно или стихийно, намеренно или невольно своими способами нашего бытия придаем ей... Жизнь не имеет никакого, ни мудрого, ни глупого, ни абсурдного, ни трагического, никакого другого заранее заданного смысла?" [1, с. 34] Жизненные сложности приводят человека к глубоким размышлениям, отчаянию, проявлению слабости, которую некоторые склонны отнести терпению от безысходности. Следует отметить, что терпение – это желание достигать качественных результатов в решении насущных проблем и с этой точки зрения терпение уместно выступает, как сила мудрости избранных людей, способных подчинить волю разуму. Человеку свойственно колебаться, когда ему приходится выбирать возможные пути сохранения достоинства внутри себя, опираясь на разумное терпение. К такому виду терпения человек приходит через испытание и жизненный опыт, дающий ему возможность противостоять обстоятельствам независимости от внешних проявлений. В разных жизненных ситуациях раскрывается скрытый потенциал человека, способный сделать его сильным, выносливым. Это своеобразная перезагрузка происходит при взвешенном, обдуманном, терпеливом подходе, где извлекается польза не только для себя, но и для общества в целом. Это добродетель сильного человека, который не сразу бросается глаза. Но сила его духа и выносли-

вость, рожают разумное терпение из глубины души, и она способна вынести всю тяжесть и боль, и подавить гнев, обиду, месть и т.п. Если ему даже придется потерпеть неудачу, в решении той или иной проблемы, то он не винит себя в том, что не смог побороть себя, преодолеть противоречие. Познание истины своего бытия, ценностное ориентированное мышление приводит разумного человека к умению прощать ошибки других людей, быть снисходительным к человеческим слабостям. Человек, обладающий терпением, поступает по совести и доброжелательно относится взглядам и убеждениям других людей. Он может ненависть превратить в добродетель и теплота его души, дают ему больше сил и возможностей для преодоления сложностей противоречивого внутреннего и внешнего мира. Терпение всякий раз дает возможность реализовать потенциал своих возможностей человеку, проявлять уважительное отношение к другим людям, другой религии, другой культуре. "Терпимость и уважение к другой культуре выражается не присутствием к ней негативного отношения, а стремление ее познать и заимствовать все ценное и полезное. Установка на диалог и согласие дается труднее, чем отторжение и вражда, которые не способствуют развитию личности и демонстрируют узкий кругозор и невежество". [2, с. 72]

Сегодня главной задачей системы образования является воспитание творчески мыслящих людей способных идти на диалог с любой культурой, религией, традицией. Весьма важно приобщение молодого поколения к базовым ценностям, которые обеспечивают качественную и необходимую подготовку специалистов, ориентированных на терпение, взаимоуважение, взаимопонимание так, как они живут в век большой интеллектуальной битвы. Создание новых способов ускоренного получения знаний, как дистанционное обучение, экстернат и т. п. требует постоянного обновления знаний. Стремительно прогрессирующее развитие новых технологий предъявляет новые требования к подготовке молодежи к новой жизни. В современном мире сложно представить нашу жизнь без техники. "Люди все больше становятся автоматами и производят машины, действующие подобно людям, и людей, действующих подобно машинам. Их разум оскудевает, в то время как интеллект растет. Так возникает опасная ситуация, когда человек, обладая огромной материальной силой, лишен необходимой для ее использования мудрости". [3, с. 195]

Терпение необходимо человеку, чтобы стать сильным и выносливым. Беспорядочный поток информации не знает никаких границ, и человек постоянно суетится в поисках смысла жизни и собственного бытия в этом сложном противоречивом мире. Отехничивание знания требует иных подходов, нового искусства терпения ко всему происходящему. «Человек не может остаться прикованным к земле и во всем

от независимым, но он не может и окончательно от нее оторваться и уйти в пространства». [4, с. 155]

Как человеку научиться жить новых технологических условиях? Как найти точку опоры на собственные силы и возможности и найти смысл своей жизни? У человека есть ум для того, чтобы найти смысл своей жизни. Но также у него есть душа, привязанная к миру, другим людям, к природе и, именно, это душа опирается на ценности жизни. Она выбирает жизненные нормы, терпеливо проходя через сложные испытания, шлифуя положительное качество характера и исходя из того, что взгляды одного человека не могут быть навязаны другим. Русский философ Семен Людвигович Франк пишет, что «...смысл жизни не дан – он задан... Если бы могли найти в нас готовый смысл жизни», он все-таки нас не удовлетворил бы, не бы смыслом нашей жизни, оправданием нашего собственного существования. Смысл нашей жизни должен быть в нас. Мы сама своей жизнью должны являть его». [5, с. 114]

Таким образом, терпение как проявление силы человека проявляются в способности к ведению терпимой дискуссии, включающей в себя навыки терпимости и взаимоуважения, готовность к сопереживанию, бесконфликтному поведению в сложных жизненных ситуациях. Терпение помогает человеку проявлять настойчивость, усердно работать и повышать уверенность в себе, учитывать специфику и базовые ценности народов многонациональной России, как это делает доктор философских наук, профессор Билалов Мустафа Исаевич. В своей замечательной монографии «Постижимость истины», профессор Билалов пишет, что «...человеческий мир меняется, меняется культура. В том числе познавательная, и в рамках новой, постмодернистской познавательной культуры вырисовывается иная схема субъект-объектных отношений. Ушли в историю (но не в небытие!) и платоновско – аристотелевская схема, и декарто – кантовская, и марксистская, и позитивистская... Сегодня постструктуралисты пытаются уйти от концепции централизованного вокруг «Я» субъекта и от неразрешимых проблем последовавшим за этим субъективности. Они строят онтологию и гносеологию противоположно классической науке, не на традиционно сознательной рациональной основе, предлагая взамен теорию познания, основанную на изучении предшествующих сознанию и поведению человека скрытых языковых форм. Их источник – бессознательное». [6, с. 154-155]

Взаимное терпение и уважение, бесспорно присутствующие у всех народов многонациональной России, будут бережно дополнять друг друга и помогут найти точки соприкосновения, являющиеся основой общности всех людей, фундаментом снисходительных взаимоотношений, и незаменимой ценностью добра и справедливости обла-

дающей высоким разумом, гуманностью в решении конкретных проблем на пути к истине.

Литература

1. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти/ Н.Н. Трубников // Родина. – 1989. – № 4. – С.34.
2. Тишков В.А. Культура толерантности В России. «Этнология и политика». – М. – Наука.- 2001.- 240с.
3. Эрих Фромм " Психоанализ и этика" М. : Республика,-1993. – 415с.
4. Бердяев Н.А. Человек и машина/ Н.А. Бердяев // Вопросы философии.-1989. -№2. -С.155.
5. Франк С.Л. Смысл жизни/ С.Л. Франк // Вопросы философии.-1990.- №6. – С.114.
6. Билалов М.И. «Постижимость истины». Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», – 2017. -376с.

УДК 297.1

Культ знания в исламской культуре

Гусенова Джамиля Адамкадиевна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-политических наук Дагестанский государственный университет г. Махачкала gusenowa03111978@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные основы культа знания в арабо-исламской культуре. Автор отмечает, что знание, нашедшее духовную и праксиологическую поддержку в исламских догматических источниках, выразилось в некоторых интересных с точки зрения философских изысканий феноменах, таких как, к примеру, рихлат. Рихла – это не просто практика отправления в путешествие за новыми знаниями в отдалённые центры культуры и науки или в места проживания знаменитых улемов, это ещё и своего рода срез познавательной культуры арабов, заслуживающий более пристального внимания со стороны философов, культурологов, религиоведов и т.д.

Ключевые слова: рихла, знание, арабо-исламская культура, ислам, познавательная культура

Gusenova Jamilya Adamkadiевна
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department
of Philosophy and Socio-Political Sciences.
gusenowa03111978@yandex.ru

The cult of knowledge in Islamic culture

Annotation. The article reveals the conceptual foundations of the cult of knowledge in the Arab-Islamic culture. The author notes that the knowledge that has found spiritual and praxeological support in Islamic dogmatic sources has been expressed in some interesting phenomena from the point of view of philosophical research, such as, for example, *richlat*. *Rihla* is not just the practice of going on a journey for new knowledge to remote centers of culture and science or to the places of residence of famous ulema, it is also a kind of slice of the cognitive culture of the Arabs, deserving closer attention from philosophers, cultural scientists, religious scholars, etc.

Keywords: *richla*, knowledge, Arab-Islamic culture, Islam, cognitive culture.

Понимание актуальности исследования феномена знания как элемента исламской культуры требует некоторой включенности в дискурс об некоторой аутентичности познавательной культуры, присущей отдельным «философствующим» народам, регионам или даже цивилизациям. Концептуальная значимость знания в становлении и развитии исламской культуры, практики её распространения за пределами ареала, помогает переосмыслить многие современные общественно-политические и культурные процессы в мусульманской умме. С точки зрения повседневной практики всё это нашло своё зримое выражение в феномене «рихла». Феномен этот тем интересен, что сама мусульманская культура выделила в отдельную категорию в качестве поездки с целью получения именно знаний.

Итак, *рихла* – это практика отправления в путешествие за новыми знаниями в отдалённые центры культуры и науки или в места проживания знаменитых улемов. Такое наблюдалось на всей территории Арабского халифата. Призыв к поиску и приобщению к новым знаниям мы обнаруживаем в Коране и Сунне, без подробного раскрытия содержания или мотива самих поездок, приводятся лишь их отдельные примеры. Однако догматические источники заостряют внимание на требованиях и рекомендациях по совершению любых путешествий, в том числе и рихлы. Так, в Коране рихлат упоминается лишь один раз, и то в качестве торговых поездок в Йемен и Сирию: «союз их в путе-

шествии зимой и летом» [1, 106:2(2)]. В хадисах также приводятся примеры рихлы. В частности, в хадисе 74 передаётся диалог пророка Мусы со Всевышним из которого он узнаёт, что некто Хадир наделён большими знаниями, чем он сам и тогда пророк обращается к Всевышнему с просьбой «...показать ему путь к нему» [2,].

Идейной предпосылкой концептуализации рихлы в исламской культуре является катафатическая отсылка к приходу к вере через непосредственное, явственное свидетельство величия Всевышнего в его Творении и творении. Человек приходит к истинной вере, через непосредственное наблюдение (созерцание) за окружающей действительностью и получаемые как результат этому – новые знания: «И землю Мы распростерли <...> и произрастили на ней всякие красивые пары <...> для созерцания и напоминания всякому рабу обращающемуся» [1, 50:7 (7)–8 (8)]. В последующем, этот тезис был взят на вооружение некоторыми суфийскими орденами. В частности, Д. Руми (основоположник распространённого в Турции суфийского ордена Мевлеви), писал: «И в речи, и в молчании, и в ароматах – повсюду улавливай благоухание Царя» [3, III, 978-981].

Увязывание знания с путешествием пытался переосмыслить и Роузентал Ф., который обнаружил семантическую связь между арабским словом 'илм ('ilm) (с араб. – знание), который оказался производным от арабского корня '-l-m, что так же содержится в корне 'alam (дорожная примета) «знак, метка, путевая веха» [4, с. 30], и что слово «знать» является расширенным значением от первоначального арабского термина «дорожная примета, веха» [4, с. 28-29]. Первые знания для передвигающихся по бескрайней пустыне – были знания дорожных примет. Догматические источники очень трепетно относятся к любым знаниям. Так, в Сунне знания сравниваются с благодатным дождём, а носители знания, учёные (алимы) становятся важной фигурой в исламе.

Таким образом, познавательный процесс принимает в арабо-исламской культуре этико-прикладной характер, принявший исторически две формы: рихлат как литературный жанр, приближенный к западноевропейской традиции «травелог», и рихла как путешествие в поисках новых знаний в признанные центры арабо-мусульманской культуры. Всё это получило широкое распространение и применение среди средневековых религиозных аскетов и практиков исламского вероучения.

Литература

1. Коран. Перевод смыслов И.Ю. Крачковского. – URLhttps://www.islamlove.ru/components/com_jshopping/files/demo_products/KOR

AN_Krachkovskiy.pdf (дата обращения 04.08.2022). – Текст: электронный.

2. Сахих аль-Бухари. Хадисы пророка Мухаммеда. URL:<https://isnad.link/book/sahih-al-buhari> (дата обращения 04.08.2022) – Текст: электронный.

3. Руми Джалал ад-Дин. Сокровища воспоминания / пер. Л. Тираспольского. – 3-е изд., доп. – М.: Риэлетивеб, 2010. – 208 с.

4. Роузентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. Пер.с англ. С.А. Хомутова. Предисл и примеч. А.В. Сагадеева. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. 372 с.

УДК.2

Идеологическая безопасность России в контексте глобализационных процессов

Магомедалиева Карина Магомедовна

Старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания

Дагестанский государственный университет

г. Махачкала karina557@mail.ru

Аннотация: глобализационные процессы затрагивают проблемы идеологической безопасности, отвечающей за адекватное состояние общества в плане его идейно-мировоззренческого и ценностного потенциала. Угрозы и вызовы, могут быть, как из вне страны, так и из внутри. По этой причине, хотелось бы рассмотреть в данной статье, вопросы идеологической безопасности в контексте вызовов глобализации, результат идеологического влияния западной пропаганды на идейно-мировоззренческую составляющую нашей культуры и проблема внешнего идеологического воздействия в информационном обществе.

Ключевые слова: глобализация, идеология, безопасность, мировоззрение, ценностные ориентиры, культура, информационное общество.

Ideological security of Russia in the context of globalization processes

Magomedalieva Karina Magomedovna

Senior Lecturer, Department of Ontology and Theory of Knowledge
Dagestan State University Makhachkala karina557@mail.ru

Abstract: Globalization processes deal with the problems of ideological security, which is responsible for the adequate state of society in terms of its ideological-worldview and value potential. Threats and challenges can be, both from outside the country and from inside. For this reason, I would like to consider in this article issues of such an order as ideological security in the context of the challenges of globalization, the ideological influence of Western cultures on the ideological and worldview component of our culture, the problem of external ideological influence in the information society.

Keywords: globalization, ideology, security, worldview, value guidelines, culture, information society.

Эпоха глобализации, и ее вызовы стали главной проблемой современности. Она возникла в объективном процессе развития общества. «Глобализация, как объективный процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни – это один из естественных процессов, который протекает в социальной сфере, а также в системе взаимодействия природы и общества» [9]. Этот факт обязывает человека разбираться и находить ответы современным вызовам глобализации.

Так, исследователи внешних источников опасностей, угрожающих и подрывающих безопасность российского общества в условиях современности, выделили следующие причины: 1) Влияние западной и низкокачественной массовой культуры, приводящей к неблагоприятным идейно-мировоззренческим результатам; 2) внешнее информационно-идеологическое давление, программирующее индивидуальное и массовое сознание населения нашей страны во вред духовно-нравственным ценностям; 3) экспансия мировоззрения потребительства и наживы, противоречащие представлениям о социальной справедливости, заложенной в нашу культуру историей нашей страны до конца XX столетия.

Современное российское общество переживает социокультурную трансформацию, которая, на фоне происходящего во всем мире изменения и роста темпов развития, воспринимается как норма. Главными становятся процессы, задающие «горизонт возможных измене-

ний в масштабе формирования макроисторических «потоков», форм структурирования социокультурных пульсаций на уровне воспроизводства культурного кода, цивилизационного горизонта общественной жизни» [5]. Возрастает и ширится поле угроз и вызовов современности, становясь имманентным состоянием общества, ее духовной культуры и сопровождается дисфункцией базовых институтов, поддерживающих безопасность общественного бытия.

Американский футуролог и публицист Э. Тоффлер в работе «Шок будущего», описал, что обычно случается с обществом, которому оказалось, суждено «жить» в эпоху перемен. Так, «шок будущего – это феномен времени, продукт сильно ускоряющегося темпа перемен в обществе. Он возникает в результате наложения новой культуры на старую. Это шок культуры в собственном обществе» [7].

Дискуссии вокруг идеи глобализации идут давно, они носят разный характер, но больше критический, от безоговорочного принятия и одобрения до представления о ней как о новой форме колониализма. Образ будущего внушает в нас сегодня тревогу своей непредсказуемостью. В глобальном мире происходит обесценивание роли социально-политического строя в общественном развитии, он имеет значимость до определенной степени, но не в той мере, в которой был раньше. Именно процесс глобализации осуществляет смещение с ключевых ролей базовых институтов регулирования общества, нивелирует систему идеологической безопасности, за счет своей сокрушительной силы и беспрецедентного динамизма. Глобализация пронизывает всю социальность и не оставляет человеку право выбора, превращаясь в неконтролируемую силу, подчиняя все человечество власти своей стихии. Глобализация влияет на подсознание и психологию человека, приводя к различным последствиям в его повседневной жизни. Например, процессы, происходящие в мире, претерпеваются человеком как значимые для него лично, что меняет его представления о мире, реакции, стереотипы мышления. Глобализационные процессы вовлекают человека в многообразие связей, которые лишены устойчивости, так необходимой для создания крепких человеческих отношений, обладающих ценностным содержанием и формирующих устойчивую структуру личности и человеческой общности. Кризис человеческого общежития и порождает различные способы и практики пребывания в этом мире в условиях глобализации.

Вместе с тем, духовная культура оказывает удивительное сопротивление глобализационным тенденциям. Национальная культура, ее мироощущение, менталитет и художественно-эстетическое творчество сохраняет свою уникальность, оставаясь в новых условиях прежним каналом транслирования культурного разнообразия.

Общество, в своем развитии углубляясь, усложнялось, системы, создаваемые человеком, требовали особого индивидуального интеллекта, но сегодня человек утратил способности сознать основные закономерности этого мира и его трансформации, предвидеть последствия стараний и направления своего развития.

Разрыв с прошлым, как характерная черта постсовременности, обрывает нить цивилизационного развития, оборачиваясь для нас проблемами экзистенциального порядка. Многие политологи сегодня говорят на тему национальной идентичности, на их взгляд, способной вывести человека из кризисной ситуации, создать общности и идентичности во спасение человека от настигающего его чувства бессмысленности существования. Адекватное будущее постсовременности связывают с мыслями о поиске новой устойчивости, осмыслением роли духовных ценностей, обращение к образам традиционных культур, религии и т.д. и есть мнение, что в процессе глобализации западная культура поглотит другие культуры. Вправду, в ходе глобализации происходят культурные столкновения, что подтверждает многополярность мира.

Особое влияние на идеологическую безопасность оказывает процесс становления и развития информационного общества. В отличие от прежних эпох ускоряется и усложняется политическая, экономическая и культурная жизнь в информационном обществе. Уровень использования информации возрастает и влияет на экономическое, культурное, научное развитие и социальное изменение общества в целом. Информационные технологии широко внедряются в общественную жизнь. В области социального, информация становится условием изменения качества жизни, формируется новое информационное сознание, а в экономической области она становится «источником добавленной стоимости и расширения занятости населения». В политической среде информация создает такие проекты, как «электронная демократия» или «облачная демократия» («электронное правительство», «электронный парламент» и т.д.), «характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий как основного средства для коллективных мыслительных и административных процессов» [11]. Такое всестороннее влияние информации, создающее особый порядок, отражается на идеологическом содержании культуры, ее приоритетах.

Современная информационная стадия развития общества формирует соответствующие себе мировоззренческие и идеологические ценности, согласно которым изменяется и воспроизводится социальная среда. Возникает определенное информационное пространство, в котором помещается, в рамках конкретной информационно-коммуникативной базы, материал с аудиовизуальной и печатной про-

дукцией специфического культурно-идеологического содержания. Это содержание отражает одну или несколько наиболее схожих культур, их ценностные системы и транслируется обществу, которое начинает на этом основывать свое мировоззрение.

Так, благодаря новым информационным ресурсам в условиях идеологического многообразия создаются новые ценности и ориентиры, соответствующие информационному обществу. Отношение человека к миру кардинально меняется во взгляде на социальность, политику, свободу, чувство долга и ответственности. Возникает новая форма бытия-виртуальная жизнь.

«Глобализация сопровождается «виртуализацией» реальности, когда отличительной чертой техники становится симуляция, кажимость» [3]. Речь идет о такой особенности в науки и техники, как дематериализация, то есть в социальном смысле, роль вымысла возрастает. Вымышленная действительность с помощью современных технологий вместо обогащения реальности новым содержанием приближается скорее к полной утрате ее. Эти перемены связаны с информационной деятельностью на данной стадии развития нашей цивилизации.

Общество, переживающее процесс глобализации часто говорит на тему диалога культур, о признании их равенства, о принципе плюрализма как условия партнерства культур в мире. Согласно этому принципу, мы сможем сохранить культурное многообразие, если на место подавления одной культуры силами другой, наберемся терпимости и пойдем по пути толерантного восприятия культурно-мировоззренческих различий. Однако, этим проблема не исчерпывается, недостаточность принятия принципа диалога стала очевидна в специфике протекания глобализационных процессов. Нелинейность и отсутствие прежних иерархий взаимодействия в огромном клубке межкультурных коммуникаций образовало экстремально-сложную модель полилога культур.

Чуть выше мы говорили, что идеология глобализации носит либеральный характер, действительно, глобализация тесно связана с либерально-интеллектуальным дискурсом Запада. Так, полемика об отношении России к Западу длится несколько столетий. В русской культуре это отражено в споре между западниками и славянофилами. Для западников, рационально устроенный Запад служил идеалом, а славянофилы настаивали на родной культуре со своими ценностями и нормами общежития. Так появились два ключевых отношения к западной традиции.

В соотношении русского и западного культурного развития, Россия последователями западной традиции, осмысливалась как цивилизационно отсталая и этот дискурс сегодня существует вместе с

идеей самобытности, что оставляет открытым вопрос об идентичности, провоцирующего взаимоисключающие интерпретации. В случае России, речь собственно идет о способности страны жить по нормам и законам западной культуры, но вопрошание не с целью создания с Западом единой цивилизации, а сколько в прояснении глубины мировоззренческого содержания российского народа.

В результате, Запад имеет образ некоего феномена, связанного с самим процессом глобализации и его вызовами, поэтому говоря о вызовах глобализации, не будет ошибкой говорить о вызовах Запада. Вызовы Запада существуют в самых разных формах: захват колоний, использование в своих интересах сфер влияния, создание соблазнительного образа прозападного развития, деконструкция традиционного порядка жизни, разрушение прежней экономической структуры, информационное загрязнение, создание международных организаций и союзов, включение в мировой рынок и создание единого поля деятельности. Эти условия и есть вызовы современности тем народам, которым прежнее развитие уже недоступно, а в настоящем они присутствуют в состоянии прошлого. «Вызов Запада – это вызов истории, а не преднамеренная, спланированная и жестоко осуществленная акция. Запад «не виноват» в своих успехах. «Невиновны» в своих неудачах и те народы, которые живут не на Западе» [10].

Современные угрозы идеологической безопасности в глобализационных координатах связаны с созданием и распространением культурных образцов и товаров, которые меняют общественно-политическое мышление, формирующие негативные модели коллективного образа действия. Сознательно это делается или нет, это уже вторично, но что существуют образы, препятствующие адекватному отражению места и роли определенной страны, и ее политических лидеров, политической и экономической системы, нации в целом, это определено так. И с этим связан вопрос формирования гражданского общества по западному типу, который является актуальным еще с конца прошлого столетия и нынешних реалиях. В связи с этим, М.И. Билалов пишет о предпосылках формирования глобального гражданского общества, идеи которого заложены в философии постмодерна. «Западный мир образует основу глобального гражданского общества, понятие которого употребляется в ряде западных концепций глобализации для обозначения «предельно широкого внеполитического сообщества людей, объединяющего в себя ряд однотипных в социально-политическом отношении социентальных общностей на основе общих ценностей и с целью решения общезначимых проблем всего человечества» [2]. Здесь возникает вопрос, насколько это соответствует ценностям постмодернистской философии, настаивающей на следовании принципу плюрализма и терпимости, когда развитые страны агрес-

сивно навязывают свой вариант глобализации. Попытка унификации человеческого сознания идет в разрез с постмодернистской идеей децентрализации. «Глобализация настаивает на универсальности совершенно определенной социально-экономической системы» [4].

Насаждение западных культурных ценностей создает конфликт между традиционными и индивидуалистическими ценностями. Информационное засилье воспринимается российской культурой сбивчиво и неравномерно. Поток информации о моде, стандартах потребления, представления об успехе, престиже, который проник глубинные слои массового сознания, благодаря СМИ, затронуло бессознательные культурные установки и национальные архетипы.

Поговорим теперь о символическом измерении в координатах проблемы идеологии. Мировоззренческий плюрализм создает «символические битвы за производство и навязывание легитимного видения социального мира». Производством этих представлений занимаются профессионалы идеологического маркетинга, использующие различные символические стратегии, приобщаясь к которым люди учреждают свои взгляды на реальный мир и свое место в нем. «Так обретается власть, дающая добытую в символической борьбе монополию на символическое насилие» [8]. Идеино-психологический хаос, в котором находится общественное сознание России, соответствует идейному содержанию символической сферы. Это является еще одним «подарком» глобализации.

Так, подытоживая внешние угрозы идеологической безопасности в условиях глобализации, выделяются следующие аспекты:

- 1) влияние западных культурных моделей и низкопробных ценностей массовой культуры, ведущее к негативным идейно-мировоззренческим последствиям, искажению, либо утрате ценностного потенциала оригинальной культуры;
- 2) внешнее информационно-идеологическое воздействие, деструктивно влияющее на массовое сознание и социальное поведение;
- 3) навязывание чуждой нашей культуре идеологии, меркантильного мировоззрения.

Перейдя на российскую действительность, В.В. Аксютин говорит о том, что глобализация усилила распространение западных ценностей, в особенности идеалов американской культуры. Глобализация, в этом отношении, служит насаждению голливудского и калифорнийского миропонимания, к примеру, фильм Ю. Дудя 2020 года «Как устроена IT-столица мира», который был принят крайне положительно, без критического осмысления российской аудиторией образа жизни, «представляющего собой апологию духовной деградации» [1].

Как мы наблюдаем, исходя из реалии жизни, глобализационный ход развития по-прежнему не способен к созданию партнёрских от-

ношений, поскольку с колокольни общечеловеческих ценностей другая культура воспринимается ею как отсталая. Идеология глобализма приносит с собой новую эпоху с непрерывной потребностью новизны, деривативных процессов, оставляя позади традиционные ценности. В ситуации сложившейся в России, пишет В.Б. Пастухов, оказали влияние мировые катаклизмы. Оставив без внимания экономику, политику, экологию, он предлагает сосредоточиться на духовно-нравственной среде, считая, что сегодня это главный вызов человечеству, брошенный западной массовой культурой. Массовая культура Запада отравляет все другие культуры, которые вступают с ней во взаимодействие. Информационные технологии совершили революцию общественной жизни, создав самые комфортные условия для процветания потребительской массовой культуры, которая есть сама по себе признак вырождения западной цивилизации. В.Б. Пастухов отмечает, что: «то, что для Запада – тяжелая болезнь, для России – болезнь смертельная. Новый потребительский стандарт превращает все надежды России на преодоление кризиса в прах. Только преодоление этого стандарта, борьба за новую культуру контролируемого потребления, необходимого и достаточного поглощения ресурсов, может стать платформой духовного, а вместе с тем экономического и политического возрождения России» [6].

Российская культура сегодня осмысливается людьми образованными, как полигон для внедрения иного социокультурного знания, с целью перепрограммирования национального бытия. После идеологического засилья российское общество попало в либеральный водоворот и в этом кружении оно освобождается от тягот и страданий прошлого, но в среде молодежи это стало образом жизни. Правда мы можем наблюдать сегодня, когда на дворе 2022 год, интерес общества к знанию возрос, появилось желание у молодого поколения знать историю своей страны, ее героев, возможно, это следствие пандемии, человек обратился к вопросам смысла и подлинных ценностей жизни.

Противодействие влиянию экспансии западной массовой культуры на идейно-мировоззренческую и ценностную систему общества в дискурсе идеологической безопасности, еще раз убеждает нас, что обеспечение национальной безопасности, детерминированной идеологической безопасностью, не может быть решено одним только укреплением обороноспособности и обеспечением эффективности нацеленных на это структур, охраняющих государственные и общественные интересы. Фундаментальную роль здесь играет духовно-нравственный, культурно-интеллектуальный потенциал населения страны.

Литература

1. Аксючиц В. Угрозы глобализации. Опубликовано на сайте 24 июля 2014. URL: <https://rodina.ru/novosti/statii/Ugrozy-globalizacii> (дата обращения: 31.05.2021).
2. Билалов М.И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. М.: Academia, 2008. С. 111.
3. Билалов М.И. Цивилизационные метаморфозы познавательной культуры. М.: Academia, 2008. С. 110.
4. Кудашов В.И. Глобализм и постмодернизм // Философия и будущее человечества. Т. 3. –М.: 2005. – С. 278.
5. Медведев В.А. Развитие человека в условиях стремительного роста темпов социальной и культурной динамики // Под ред. В.В. Козловского, Р.Г. Браславского. СПб.: Интерсоцис, 2010. С. 114.
6. Пастухов В.Б. Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве. // Общественные науки и современность №2,2006,С.23. https://lib.unidubna.ru/search/files/p_obschestv_nauki_sovremen_2_06/~p_obschestv_nauki_sovremen_2_06.htm (дата обращения 9.04.2023)
7. Тоффлер Э. Шок будущего. Издательство АСТ, М., 2008. С. 23.
8. Хлыстунов С. Символическая власть и СМИ: проблема идеологического доминирования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolicheskaya-vlast-i-smi-problema-ideologicheskogo-dominirovaniya/viewer> (дата обращения: 31.03.2022).
9. Чумаков, А. Н. Глобализация как естественноисторический процесс: философский аспект. URL: <http://rfo1971.ru/wp-content/uploads/2018/09/СНумаков-А.Н..pdf> (дата обращения: 26.03.2022).
10. URL: http://militera.lib.ru/research/utkin_ai4/01.html (дата обращения: 29.03.2022).
11. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 09.04.2022).

**Выездное заседание конференции:
«Дербент – ворота дагестанской
цивилизации» на базе отделения кафедры
ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных
традиций, специфики культур и межрелигиозного диалога
по Северному Кавказу
(ГБУ «Дербентский музей-заповедник»)**

Модератор Сеидова Гюльчохра Надировна

Отделение кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (Россия, Дербент), филиал ДГУ в г. Дербент; ГБУ РД Музей истории мировых культур и религий.

УДК 3089(470.67)-029.1

**Роль региональных философских традиций для развития
Дагестана**

Сеидова Гюльчохра Надировна

кандидат философских наук, профессор кафедры юридических и гуманитарных дисциплин филиала Дагестанского гуманитарного университета в г. Дербент
gseidova@yandex.ru

Аннотация: внимание уделено вопросам философского осмысления вызовов российской государственности на данном этапе исторического развития и той роли, которую академическое сообщество региона способно сыграть в анализе культурных и региональных особенностей на всех возможных уровнях; поиску универсально обоснованных аргументов и концепций, но при этом отдавая должное региональным философским традициям. Обосновывается позиция, что академическое сообщество обязано быть в авангарде деятельности по поиску ответов на современные вызовы российской государственности, обобщения и внедрения «лучших практик», уже найденных ранее в этой сфере и выработки практических рекомендаций для различных страт и слоев общества.

Ключевые слова: академическое сообщество, гражданское общество, государственность, региональные особенности.

The role of regional philosophical traditions for the development of Dagestan

Seidova Goulchokhra Nadirovna

Department of the UNESCO Chair for Comparative Studies of Spiritual Traditions, the Specifics of Their Cultures and Interreligious Dialogue in the North Caucasus (Russia), a branch of the Dagestan State University in Derbent; GBU RD Museum of the History of World Cultures and Religions. gseidova@yandex.ru

Abstract: Attention is paid to questions of philosophical comprehension of the challenges of Russian statehood at the present stage of historical development and the role that the academic community of the region can play in the analysis of cultural and regional specificities at all possible levels; the search for universally grounded arguments and concepts, while at the same time paying tribute to regional philosophical traditions. The position that the academic community must be at the forefront of the search for answers to the contemporary challenges of Russian statehood, the generalization and implementation of the "best practices" already found earlier in this sphere, and the development of practical recommendations for different strata and strata of society is substantiated.

Keywords: academic community, civil society, statehood, regional features.

Философам, представляющим разные временные эпохи, свойственно обращаться к рассмотрению онтологических, эпистемологических или этических вопросов относительно независимо от их собственной культурной и религиозной среды. Общественно-политическая ситуация последних лет в мире буквально ставит нас перед необходимостью четкого осознания современных вызовов российской государственности для выстраивания адекватной этим вызовам стратегии. Однозначно представляется, что именно академическому сообществу нужно взять на себя ответственность быть в авангарде этих процессов. Понимание объективно сложившейся ситуации способствует тому, что в результате усилий дагестанского философского общества эти вопросы оказываются в центре внимания целого ряда конференций, как международного, так и всероссийского уровней. Круг охватываемых проблем настолько широк, а сами они настолько злободневны, что никак не могут оказаться за пределами и сферы деятельности Отделения кафедры ЮНЕСКО по компаративным исследованиям духовных традиций, специфики их культур и межрелигиозного диалога по Северному Кавказу (Россия, Дербент). В частности, на базе нашего отделения состоялась выездная сессия кон-

ференции «Философия и практика этнического многообразия народов России» (Москва – Махачкала – Дербент, 22-24 июня 2017 г.). В ходе обсуждения сложилась более или менее единодушная позиция касательно того, что в нашей стране в общественном сознании имеет место концептуальное переосмысление понятия и роли этничности и национального вопроса. Показателем их значимости служит то обстоятельство, что Президент РФ В.В. Путин в статье «Россия: национальный вопрос», вышедшей в 2012 году, рассматривает национальный вопрос в тесной связи с частными и глобальными процессами внутри и вокруг этносов, подняв эту проблему на качественно новый уровень [6]. Дагестанским философам тоже не избежать решения задачи, сформулированной Францем Мартином Виммером: «Задача здесь состоит из трех частей: размышлять о культурных и региональных особенностях каждого вида мышления на всех возможных уровнях; искать универсально обоснованные аргументы и концепции; отдавать должное соответствующим региональным философским традициям» [1, с. 43].

Концепция Республиканской целевой программы «Формирование и развитие гражданского общества в Республике Дагестан на 2013-2017 годы», разрабатывавшаяся под руководством профессора М.И. Билалова, строилась на том фундаменте, что нашей республике необходимо придерживаться курса на строительство гражданского общества, опирающегося на региональные базовые ценности. К нашей ситуации также может быть приложено видение немецкого философа индийского происхождения Р. А. Малла: «Случайная встреча различных культур, философий и религий на гребне волны современности (со всеми ее глобальными технологическими формациями) требует активного диалога всех заинтересованных партий... Феномен понимания- дорога с двусторонним движением, потому что наше желание понять другого и наше желание быть понятым другим идут рука об руку и являются двумя сторонами одной медали» [4, с. 25, 36].

События, приведшие к началу специальной военной операции России для защиты Донбасса, привели к такому невиданному ранее обострению вызовов и рисков, что на повестке дня экзистенциальное существование самой нашей страны. Поэтому особое звучание приобретают вопросы состояния гражданского общества, на дестабилизацию которого, в первую очередь, направлен внешний удар. Вопрос в том, что этому мы можем и должны противопоставить? Может быть, в качестве базового руководствоваться принципом, предложенным В.С. Комаровским: «Следует исходить из того, что в идеале русская культура является таковой скорее по форме, языку. В своём содержании она отражает многовековой опыт сотрудничества всех народов страны. Немало подтверждений этому прозвучало на X Международ-

ном мусульманском форуме (Москва, 10-12 декабря 2014 г.), на котором представители различных конфессий продемонстрировали общность подходов к укреплению независимости России, взаимодействию культур и формированию национально-государственной идентичности страны» [3, с. 20-27]. Подобный подход представляется вполне жизнеспособным, а быть может, и единственно приемлемым в нынешних условиях.

Есть представление, что для конкретно нашей, российской модели гражданского общества свойственно сочетание присущего Востоку традиционализма и каких-то отдельных черт западных институтов, слегка приправленных солью собственных социокультурных традиций. Однако, несмотря на всю болезненность уже ничем не прикрытого противоборства с коллективным Западом, мы не вправе отказываться от достижений западноевропейского общества в области прав и свобод личности, гражданских свобод. Как полагает З.А. Жаде: «Думается, что без осознания своей идентичности российское общество не будет достаточно интегрированным и устойчивым, способным отвечать на вызовы современного глобализирующегося мира и обеспечивать национальную безопасность страны» [2, с.24-25]. Российской государственности уже в который раз за свою историю приходится сталкиваться с чередой «оранжевых революций» по всему контуру наших границ и особо болезненным и опасным превращение Украины в Антироссию, что, в совокупности, нацелено на разрушение российского суперэтноса изнутри, разрыв и модификацию его ареала обитания.

Невзирая на наличие несомненных региональных особенностей, все же не избежать того, что регионы, как части целого, первоочередно подвержены влиянию общих закономерностей, явлений и процессов, происходящих в стране. Национально-государственным образованиям Северного Кавказа, крупнейшим из которых является Дагестан, также не уйти от этого. И в нашей республике имеют проявление те моменты, на которые обращает внимание профессор Ф.Т.Мамедов, анализируя ситуацию в соседнем Азербайджане. Он пишет: «Преобладание массовой культуры, порождающей непонимание многих позитивных политических процессов, направленных на устойчивое развитие, сопровождается не только снижением социальной активности людей, но и уровня профессионализма и компетентности, представляющим опасность для хорошего управления» [5, с.136].

В сложившихся условиях обрели большой масштаб процессы турбулентности гражданского общества, его структур, НКО во всем постсоветском пространстве. Приходится признать, что России также не удастся выбраться из этого общего тренда. Но, как всегда в годину испытаний российский народ умеет мобилизоваться, если будет вооружен единой общенациональной идеей, ощутит внутреннюю по-

требность в этом. При этом приходится признать, что на юге России, Северном Кавказе и Дагестане, как его части, «...гражданское общество не произрастает снизу, из «почвы», из народной среды, из интересов и потребностей групп и общества, а насаждается искусственно, «сверху», под государственным контролем» [7, с.277]. Ученым предстоит внедрить в общественное сознание жизненно важную закреплённую курс Дагестана на постиндустриальную цивилизацию в составе России, как единого многонационального социума в форме гражданского общества с региональными базовыми ценностями. Означенный тренд должен обрести статус национальной идеи дагестанских народов, вокруг которой должно быть консолидированным если не все общество, то, по крайней мере, его большая часть. Давно более чем назрела необходимость в оптимальных условиях для устойчивого экономического развития республики, защиты культурного наследия населяющих ее народов, исторических традиций и норм общественной жизни. К счастью, большинство народов и страны в целом, и нашего региона складывались на территории их нынешнего проживания, связаны общими прошлыми испытаниями, переплетением культур. Как видится профессору Э.А. Шулеповой: «Чем богаче и разнообразней культурный опыт народа или этноса, реализуемый в образе жизни, сохранении традиций, поддержки культурно-исторической памяти, чем более полноценно воплощается он на практике, тем более комфортной для социума и каждого человека становится его культурная среда» [8, с.190]. Для реализации подобной задачи востребованы институциональные преобразования в структуре функциональных задач органов власти, что совсем не кажется легко осуществимым. Если результатом деятельности властных структур при активной поддержке институтов гражданского общества не станет своевременное решение вопросов безопасности людей, достигнута экономическая стабильность и уверенность в завтрашнем дне, обеспечен современный уровень здравоохранения и образования, бережное отношение к родным языкам и традиционной культуре, оздоровление общества будет невозможно. Именно действенное решение этих задач при социально-политическом и национальном единстве дагестанцев, дает надежду хотя бы в перспективе на улучшение ситуации в республике.

Литература

1. *Виммер Франц Мартин*. Межкультурная философия: новое течение или новый курс философии? Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц ; Ин-т философии РАН; Рос. ун-т дружбы народов. М. : Наука – Вост. лит., 2022. 399 с. (Сравнительная философия: осн. в 2000 г. / отв. ред. М.Т. Степанянц; 5). С. 37-57
2. *Жаде З.А.* Геополитические доминанты национальной безопасности и вызовы российской идентичности. Геополитика, проблемы безопасности и миротворчества на Северном Кавказе. Симпозиум IV. Роль СМИ и PR-служб в миротворческой деятельности на Северном Кавказе. Симпозиум V. Материалы V Международного конгресса

«Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8-12 октября 2007 г. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 86 с. С. 24 – 25

3. *Комаровский В.С.* Формирование национально-государственной идентичности России: Вызовы и риски // *Власть*. 2015. № 3. С 20-27

4. *Малл Рам Адхар.* Когда философия становится межкультурной? Прогнозы и перспективы. Сравнительная философия: от сравнительной к межкультурной философии / сост. и отв. ред. М.Т. Степанянц ; Ин-т философии РАН; Рос. ун-т дружбы народов. М. : Наука – Вост. лит., 2022. 399 с. (Сравнительная философия: осн. в 2000 г. / отв. ред. М.Т. Степанянц; 5). С. 18-36

5. *Мамедов Ф.Т.* Концепция развития духовной культуры Азербайджана // *Государственное управление: теория и практика*. 2022. № 4 (80). С. 135-154

6. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // *Независимая газета*. 21 февраля 2012 г.

7. *Сеидова Г.Н.* Влияние этно-религиозных факторов на становление гражданского общества юга России. Материалы всеросс. научн. конф. «Философия и практика этнического многообразия и единства России» под ред. М.И. Билалова. Махачкала: ООО РА «Маг», 2017. 584 с. С. 275-278

8. *Шулепова Э.А.* Наследование как реальный процесс сохранения прошлого в культуре. Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие: от прошлого к будущему»: Программа. Тезисы докладов и сообщений. Санкт-Петербург: ЭЙДОС, АСТЕРИОН, 2008. 560 с. С.190-191

УДК 124.4

Идеология и утопия как формы продуктивного воображения

Паниотова Таисия Сергеевна

Доктор философских наук,

профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону tspaniotova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению воображения как архетипической и антропологической основы идеологии и утопии, которые трактуются как формы продуктивного воображения. Сопоставление утопии и идеологии осуществляется в координатах критика/апологетика, истина / ложь, парадокс / тавтология

Ключевые слова: воображение, продуктивное воображение, утопия, идеология

Ideology and utopia as forms of productive imagination

Paniotova Taisiya Sergeevna

Doctor of Philology, Professor.

Southern Federal University, Rostov-on-Don

Abstract. The paper is devoted to the consideration of imagination as an archetypal and anthropological basis of ideology and utopia, which is interpreted as one of the forms of productive imagination. Comparison of utopia and ideology is carried out in the coordinates of criticism / apologetics, truth / lies, paradox / tautology.

Keywords: imagination, productive imagination, utopia, ideology.

Вековая предрасположенность человека к воображению, из которого проистекают различные символические формы, возникает из неприятия тирании времени и желания заглянуть в будущее. Вместе с тем, онтологическая природа воображения и фантазии всегда была загадкой для западной интеллектуальной традиции. Аристотель первым заметил трудности в попытке определить, что такое воображение, каков его эпистемологический и онтологический статус. В греческой философии привилегированное положение принадлежало рациональности, а воображение рассматривалось лишь как низшая способность души, предшествующая рассудочному акту. Как утверждал Г. Дюран, интеллектуальная программа, заложенная в истоках западной мысли, впоследствии будет продолжена и развита картезианским рационализмом, поздним контовским позитивизмом и, наконец, редуктивной герменевтикой З. Фрейда и К. Леви-Стросса [Duran, 1964: 24–67]. Р. Декарт считал воображение чем-то неясным, обманчивым, недостаточно отчетливым, отдавая предпочтение высшей разумной способности – мышлению. Кант понимал воображение как "способность представлять предмет также и без его присутствия в созерцании". Он ввел понятие продуктивного воображения: "Поскольку способность воображения есть спонтанность, я называю ее иногда также продуктивной способностью воображения" [Кант, 1966: 204–205]. Воображение может быть связано с чувственным опытом, опираться на память, а может представлять предметы вне связи с чувственным опытом и конструировать фантастические миры.

В этой способности преодолевать установленную реальность, осуществлять ее мысленное расширение и изменение, состоит тесная

связь воображения с утопией: «утопия всегда была тем «пограничным» между наукой и искусством царством, где воображение чувствовало себя легко и свободно» [Баталов, 1982: 42].

Термин утопия, придуманный Т. Мором в XVI веке, с тех пор обозначает мечту, спроецированную на идеализированный мир, в котором мы дистанцируемся от реальности. «Возможно, мы можем рассматривать утопию, — замечает Жан Сервье, — как то, что всегда предполагали ее авторы: форму мечты» [Servier, 1979: 18]. Утопия представляет собой человеческое изобретение, служащее цели дать конкретный ответ на важнейший политический и социальный вопрос современности: «Как вообразить себе общество самоустановленное, полностью самоуправляемое и не опирающееся ни на какие внешние силы?» [Waszko, 1984: 7].

Термин идеология в конце XVIII века изобрел А. Дестют де Траси. Под идеологией он понимал универсальную систему знаний об основах политики, права, морали. Вторым рождением термин обязан К. Марксу, который рассматривал идеологию с одной стороны, как феномен ложного сознания, а с другой – как выражение господствующих мыслей господствующего класса, которому противостоит позитивная наука. [Трунов и др., 2022]

К. Мангейм вслед за Марксом трактует идеологию как форму ложного сознания господствующего класса. Идеологии противопоставлена другая форма ложного сознания – утопия, воплощающая чаянья угнетенных масс. Ложным, согласно Мангейму, сознание является в том случае, когда оно мыслит понятиями, неприменимыми для правильной ориентации субъекта в мире. Причины ложности могут быть различны: незрелость объективных условий и скрытость в силу этого подлинных причин от субъекта; заинтересованность самого субъекта в сокрытии причин и сознательном искажении информации; классовая ограниченность субъекта познания, который способен видеть мир лишь под определенным углом зрения, и др. (курсив мой-Т.П.).

Разница между утопией и идеологией состоит в том, что идеолог, в своем воображении воспроизводит лишь факторы, стабилизирующие наличное положение вещей, а утопист, напротив, только те, которые подрывают его изнутри. Обе позиции трансцендентны бытию и одновременно односторонни, т. к. не дают целостного, объективного взгляда на ситуацию. Но означает ли это, что они вообще не содержат истинного знания? Полагаем, что нет. Как справедливо замечает М. Билалов, "философия истины допускает, наряду со строгими классическими концепциями истины, ее неклассические представления, полагающие эффективными предельную плюрализацию, релятивиза-

цию и субъективизацию истины, а также возможны разнообразные случаи ее замены на такую ценность, как смысл" [Билалов, 2016: 27].

Идеология и утопия – ценностные формы познания, оперирующие не точными знаниями, а смыслами. В них «воображение выступает как творение новых смыслов» [Драч, 2022: 15]. Продуктивность воображения идеологии состоит в том, что для обоснования незыблемости существующего, подтверждения его статус-кво используется культурная память, зафиксированные в ней знаковые события, имена исторических деятелей; мифологемы и легенды ("чистота крови", «арийская раса» и др.); научные положения, политические лозунги, и т. п. Все, что может служить выполнению апологетической функции, привлекается на свет и перекодируется ради сохранения настоящего. Здесь идеология, используя терминологию Н. Лумана, выступает как тавтология [Луман, 1991].

Утопия принадлежит к иному классу «не-бытийных», «недействительных» представлений. Продуктивность утопического воображения относится к будущему и состоит в создании образа совершенного мира, альтернативного тому, который существует в настоящем. Утопические построения нередко трактуются как нелепые фантазии, но правильнее понимать их как гипотезы или как мысленные эксперименты, реализующие «способность воображать, модифицировать реальность с помощью гипотез, создавать порядок, отличный от реальности, что предполагает не отказ от реальности, а конкретизацию того, что «могло бы произойти...» [Ruyer, 1950: 9]. При этом утопическое воображение парадоксально: отказываясь от настоящего, разрывая с ним, оно некритически заимствует и использует – причем в произвольных и непропорциональных сочетаниях и объемах – все то, что может служить строительным материалом для создания образа гармоничного общества.

Мангейм обращает внимание и на возможность взаимопревращения утопии и идеологии. Так, идея свободы была подлинной утопией идущей к власти буржуазии, но когда эта идея стала действительностью, обнаружили и содержащиеся в ней идеологические элементы. Этим обусловлены трудности в различении идеологии и утопии. Однако, как утверждает Мангейм, "применительно к прошлому (курсив мой- Т.П.) мы располагаем достаточно достоверным критерием для определения того, что следует считать идеологией и что утопией. Этим критерием является реализация. Идеи, которые... лишь парили в качестве маскирующих представлений над уходящим или возникающим общественным порядком, были идеологиями; те же идеи, которые получили в последующем общественном порядке свою адекватную реализацию, были относительными утопиями" [Мангейм, 1994:

176]. Здесь обнаруживается второй аспект парадоксальности утопии: "ибо идея воплощенной утопии парадоксальна» (Бодрийяр).

Таким образом, весь исторический опыт т.н. "детавтологизации", включая пророческое мессианство, народные протесты, различные социальные движения, революции и т. п. показывает, что не идеология, а "парадоксальное" утопическое воображение, приводит к нестабильности, "перерыву постепенности", разрушению существующего социального порядка, при всей своей "нереальности" становится толчком к изменению реальности и двигателем исторического процесса.

Литература

1. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982.–С. 336
2. Билалов М.И. Проблемы истины и рациональности в познавательной культуре постмодерна / Научная мысль Кавказа. 2016, № 3. с. 25-29
3. Драч Г.В. Предисловие // Паниотова Т.С. Утопические миры: избранные труды. РнД – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022.- С. 7–19.
4. КантИ. Критикачистогоразума // КантИ.Соч.:вбт.М.,1966.Т.3
5. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества /Пер. снем.А. Ф. Филиппова // Социо-Логос: социология, антропология, метафизика. – М.: Прогресс,1991.–С. 194–218.
6. Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени–М.:Юрист,1994.–С. 7–276.
7. Трунов А. А., Олещенко Е. О., Рындин Е. В. Философское осмысление идеологии в устанавливающей дискурсивности марксизма: до и после Маркса **НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.** 2022. Т. 47, № 2 (159–170)
8. Wacziarg, Bronislaw.(1984).Lesimaginaire sociaux.Memoiresetespoirscollectifs.Paris:Payot. 117 p.
9. DuRand, Gilbert.(1964).Laimaginaciónsimbólica.BuenosAires:Amorrortu.1971 . 146 p.
10. Ruyer R. (1950) L'utopie et les utopistes. Paris, PUF.293 p.
11. Servier, Jean.(1979).LaUtopía.México:FCE.1982. -147 p.

**Информационная культура в структуре культуры
познания: аксиологический аспект**

Клименко Ирина Сергеевна

доктор технических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Северокавказский федеральный университет Пятигорский
институт

г. Пятигорск iskl@bk.ru

Аннотация. Тема конференции и вопросы ценности познавательных культур, предложенные для обсуждения, отражают интерес научного сообщества к гуманитарному аспекту информатизации и проблемам, связанным с изменением ценностных ориентиров наших современников. Безусловное влияние цифровых технологий на формирование новой информационной картины мира повышает риск утраты идентичности народа, актуализирует проблему навязывания ценностей, чуждых исторически сложившемуся социокультурному коду нации. Выполнен анализ влияния двойственного характера процесса информатизации на формирование ценностных оснований идентичности личности в современном обществе. Рассматривается динамика процессов информатизации, как фактора, обуславливающего появление новых приоритетов и переоценку ценностей. Обозначена роль интеллектуальной элиты в сохранении, упрочении этнокультурной идентичности и духовных ценностей, общих для многонационального российского общества.

Ключевые слова: идеология гуманизма, теория ценности, ценностные ориентиры, идентичность, информационный ресурс, информационная культура.

**Information culture in the structure of the culture
of cognition: the axiological aspect**

Klimenko Irina Sergeevna

Doctor of technical sciences, professor
North Caucasian Federal University;

Pyatigorsk Institute Leading Researcher
Pyatigorsk iskl@bk.ru

Abstract. The topic of the conference and the issues of the value of cognitive cultures proposed for discussion reflect the interest of the scien-

tific community in the humanitarian aspect of informatization and the problems associated with changing the value orientations of our contemporaries. The unconditional influence of digital technologies on the formation of a new information picture of the world increases the risk of loss of the identity of the people, actualizes the problem of imposing values alien to the historically formed socio-cultural code of the nation. The analysis of the influence of the dual nature of the informatization process on the formation of the value bases of the identity of the individual in modern society is carried out. The dynamics of informatization processes is considered as a factor that causes the emergence of new priorities and the reassessment of values. The role of the intellectual elite in preserving and strengthening the ethno-cultural identity and spiritual values common to the multinational Russian society is outlined.

Keywords: ideology of humanism, theory of value, value orientations, identity, information resource, information culture.

Интерес к процессам цифровизации и информатизации социокультурного пространства обусловлен, по мнению автора, не только и не столько теми возможностями, которые предоставляют личности и обществу интернет, социальные сети, средства виртуальной и дополненной реальности, сколько необходимостью оценить риски, связанные с этими новшествами.

Глобальные изменения, происходящие в обществе, науке, технике, требуют корректного определения статуса информации, адекватной переоценки роли информации в процессах сохранения традиционных ценностей и национально-культурной идентичности. Сегодня информацию нецелесообразно рассматривать, как вспомогательное средство, обеспечивающее коммуникационные процессы. Трансформация информации в неиссякаемый, возобновляемый ресурс, определяющий вектор общественного развития, оказала существенное влияние на переопределение ее роли и места в общей культуре познания. Небесспорным является мнение отдельных исследователей, которые позиционируют информацию чуть ли не как основную ценность в системе жизнедеятельности человека, ставя при этом под сомнение целесообразность классических подходов к оценке степени влияния информатизации общественного пространства на процессы формирования ценностных оснований и нравственных ориентиров современного человека.

Автору ближе точка зрения исследователей, которые обосновывают приоритетный статус личности и предлагают аксиологический подход к изучению процессов формирования ценностных ориентаций личности в условиях преобразования информационной картины мира [2].

Интенсивное развитие технологий делает доступными информационные ресурсы, преобразует форматы общения и взаимодействия, способствует появлению субкультур (геймеры, блогеры, прамеры и т. п.), что само по себе является подтверждением тезиса о появлении у большинства людей возрастающей потребности в самоидентификации. В то же время некорректно определенная идентичность (социальная, национальная, этническая) порождает новые проблемы, которые усугубляются навязыванием ценностей, не свойственных той или иной части социума. В качестве примера риска при заимствовании идей приведем теорию фронта [3], которую отечественные исследователи адаптируют к условиям российской истории и культуры, в том числе к истории кавказско-российских отношений [4].

Фронт по Ф. Тернеру – динамическая граница между цивилизацией и неосвоенными территориями, основная миссия которой лежит в продвижении культуры, приобщении населения неосвоенных территорий к духовным, социокультурным ценностям цивилизованного общества.

Правомерность такого заимствования широко обсуждается научной общественностью, а анализ целесообразности трансфера идей порождает «неудобные» вопросы: как с позиций теории фронта оценивается риск утраты «народами неосвоенных территорий» национальной идентичности?

Является ли модель пропаганды культурных ценностей колонизаторов адекватной для историографии кавказско-российских отношений, при условии, что Кавказ, обладающий самобытной многонациональной культурой, вековыми традициями никак нельзя отнести к неосвоенным территориям?

Ответы на эти вопросы можно получить только после корректного изучения связей на проблемном поле, объединяющем базовые ценности евразийского мира [5].

Вернемся к истории науки и техники и попытаемся отследить, на каком этапе развития информатизация, как феномен постиндустриального общества, приобрела гуманитарную окраску и стала существенно влиять на статус субъектов инфокоммуникационного взаимодействия.

Теория информации К. Шеннона стала первым шагом в переоценке роли информации, как количественной меры неопределенности, средству коммуникации, товару и т. п. Энтропийный подход и идеи К. Шеннона о целесообразности, необходимости и возможности количественной оценки информации, введение единицы измерения количества информации стали отправной точкой в развитии теоретических основ вычислительной техники и информационных систем [6]. На этом этапе информация позиционировалась, как средство органи-

зации взаимодействия между субъектами информационных отношений, а понятие «информационная культура» подразумевало наличие у человека некоторого набора профессиональных компетенций, обеспечивающих ему эффективное выполнение производственных функций по сбору, обработке, передаче, хранению и отображению информации.

Оценку значимости идеи К. Шеннона получили в 70-х-80-х годах XX столетия. Глушков В. М. говорит о неизбежности глобальных изменений, прогнозирует информационную революцию [7], Ф. Дрейфус [8] вводит в обращение термин «информатика», как категорию, интегрирующую компьютерные науки, но еще нет интернета, не исчез эпистолярный жанр, а телефон – это всего лишь средство связи, а не фетиш. Сегодня переход от постиндустриального к информационному обществу стал реальностью, а вместе с тем очевидным стал полиаспектный, противоречивый характер влияния информационных процессов на традиционные ценностные основы, духовные ценности, этические и нравственные ориентиры, моральные принципы.

Вторым этапом эволюции принято считать появление глобальной сети интернет. Факт объединения двух и более вычислительных машин в локальную сеть для упрощения передачи данных (1962 г.) не произвел должного впечатления на пользователей; официальной датой появления интернета принято считать 1983 год. Это точка отсчета, находясь на которой имеет смысл говорить, что информатика и компьютер становятся объектом пристального внимания не только технических и военных специалистов. Философия, культурология, лингвистика, психология – далеко не полный перечень наук, которые расширили существовавшие ранее рамки исследований феномена «информационная культура», обогатили палитру мнений исследованиями о влиянии информационных технологий на формирование системы ценностей и приоритетов современного человека.

Шелер М. утверждает, что «ценность – это феномен, которого нет вне направленности на него сознания субъекта» и задает такие критерии: *долговечность, неделимость, обоснованность, степень удовлетворения и объективность* [9, с.309-315].

Как эти критерии «работают» сегодня? Насколько корректна адаптация классической теории ценностей к феномену информационной культуры в современном ее понимании?

Афанасьев С. В. выделяет три основных направления исследований информационной культуры (ИК): информационное, культурологическое, социально-философское, при этом он же отмечает тесную связь между этими направлениями и сложность корректного определения границ между ними [10]. Информационное направление позиционирует ИК сегодня не только как информационную грамотность и профессиональную компетентность индивидуума. Будучи частью об-

щей культуры, информационная культура включает в себя комплекс способов и средств взаимодействия субъектов и объектов информационных отношений, совокупность информационных ресурсов (образовательных, культурологических, игровых и др.), находящихся в открытом доступе; цифровых услуг, мессенджеров и социальных сетей, ценность которых определяется личностным отношением индивидуума и /или социальной группы, к которой он тяготеет. ИК с культурологических и социально-философских позиций – это комплекс правил, принципов, средств и методов конструктивного взаимодействия людей в информационном пространстве.

При таком подходе можно говорить об ИК, как социокультурном феномене, который, интегрируя национальные культуры, *позволяет* сохранить традиции и ценности, определяющие идентичность субъектов информационных отношений. Ключевым в последнем предложении является глагол «позволяет». Если по Шелеру М. материальные, чувственные ценности занимали низший уровень иерархии, то сегодня мы можем говорить о трансформации отношения к ценностям. Проецируя витальные жизненные ценности на «человека в информационном пространстве» и анализируя отношения в тандеме «личность - интернет-сообщество», хочется отметить дуальный характер этих отношений, наличие целого комплекса противоречий. Так, цифровизация и множество разноплановых доступных электронных ресурсов способствуют свободе творчества, самореализации, а принадлежность к той или иной социальной группе позволяет индивидууму выполнить самооценку, получить признание сообщества и т. п. В то же время, педагоги, психологи бьют тревогу по поводу чрезмерного погружения в виртуальные миры, которое способно привести к утрате коммуникационных навыков, формирует социальную пассивность, негативно влияет на здоровье. Средства дополненной и виртуальной реальности дают возможность посетить музей, картинные галереи, но в то же время способны повисить в глазах неискушенного пользователя ценность самых незамысловатых по содержанию информационных ресурсов, иногда компенсируя убогость контента яркой визуализацией. А к какому уровню иерархии ценностей отнести массовую геймификацию или стремление приобрести новый гаджет?

Отдельных исследований требует область ИК, связанная с безопасностью [11], которая будучи одной из важнейших ценностей и правом человека, сегодня едва ли не самая уязвимая сфера жизнедеятельности человека; не менее важны вопросы информационной гигиены, как области информационной культуры, определяющей закономерности влияния информационных технологий на психическое, физическое и социальное благополучие человека, общественное здоровье

социума. Двойственный характер влияния цифровизации на процесс становления информационной культуры очевиден. Проблема, по мнению автора, усугубляется тем, что сегодня информационная культура общества и личности находится в прямой, непосредственной связи с уровнем развития цифровых технологий: появление новых устройств изменяет систему взаимодействия в интернет-пространстве, переводит материальные ценности на более высокий уровень иерархии. И здесь трудно не согласиться с исследователями проблем отношения техники и гуманизма, идентификации статуса личности в познавательной культуре информационного общества, которые говорят о появлении так называемой «технологической ментальности» и ее негативных последствиях, не способствующих сохранению традиций, этических норм, культурных ценностей, в основе которых лежат принципы гуманизма.

Выводы. Процессы влияния цифровизации на культуру должны стать предметом междисциплинарных исследований, так как только совместные усилия интеллектуальной элиты позволят определить вектор развития, соответствующий духовным ценностям общества. Цифровое пространство, интернет-сообщество – это новый уникальный мир, освоение которого идет методом проб и ошибок. Информационная культура этого мира, его социокультурная, гуманистическая миссия требуют тщательного изучения. Сегодня цифровые технологии, базы данных и знаний, информационные системы, смартфоны, умные колонки, искусственный интеллект – это только инструмент, который можно использовать в разных целях, приоритетным был и остается Человек, как наивысшая ценность, который может и должен быть свободен в самоопределении целей и средств их достижения в рамках своей системы предпочтений и ценностных ориентаций. Аксиологический подход к целеполаганию при использовании всех возможностей цифровизации позволит формировать современную информационную (электронную) культуру личности и общества в соответствии с классической иерархией ценностей, сохранить уникальный код, интегрирующий цивилизационную, этнокультурную, конфессиональную идентичность россиян.

Литература

1. Росляков А.Е. Понятие информации вчера и сегодня // Концепт. – 2013.– 02. – С.1-6.
2. Кочеткова Л. Н. Философия информации в информационном обществе. // Философия и культура. -2015.-№12(96).- С.1794-1799. DOI: 10.7256/1999–2793.2015.12.15890

3. Turner, F.J. The frontier in American history. – N. Y. Holt, Rinehart and Wilson, 1962. –38 p.
4. Романова А. П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Научный журнал КубГАУ. -2014.- №102(08). -С.1-13.
5. Билалов М.И. Ценностная интеграция и формирование национальной идентичности северокавказских народов // Кавказские чтения (Памяти проф. В.В. Черноуса). Материалы Круглого стола. Выпуск 100. Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2021.- С.84-91.
6. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М: Издательство иностранной литературы, 1963. – 829 с.
7. Капитонова Ю. В., Летичевский А. А. Парадигмы и идеи академика В. М. Глушкова. -Киев: Наукова думка, 2003.- 456 с.
8. Dreifus Ph.L'informatique // Gestion. Paris, 1962.Vol. 5. — P. 240–241.
9. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей.-М.: «Гнозис», 1994.-490с.
10. Афанасьев С. В. Информационная культура: типологический анализ // Философская мысль. -2018.- № 1. -С. 59–70.
11. Клименко И. С. Управление качеством образования: опыт системного анализа и институционализации. Монография. М.: «КДУ», 2021. – 253 с.
12. Билалов М.И. Статус субъекта в познавательной культуре эпохи информационных технологий // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. -2021.- Том 36. Вып. 4. – С.107-112.

УДК 2.

Ломка базовых ценностей в России в 90- годах XX века

Бакланов Вячеслав Иванович
кандидат исторических наук, доцент
Департамента Гуманитарных наук
Финансового университета при Правительстве РФ
г. Москва vibaklanov@fa.ru

Аннотация: в статье раскрыты последствия радикальных рыночных преобразований 90-х гг., в ходе которых произошла коренная переоценка всех прежних вековых жизненных и моральных ценностей, которые отныне подлежали ломке и перековке на более примитивные ценности и установки рынка свободного от всякой морали и

нравственности. В духе гоббсовской войны «всех против всех» и культом неприкрытого эгоизма и крайнего индивидуализма. Что породило агрессивное и атомизированное общество.

Ключевые слова: рынок, сила, примитивность, агрессия, индивидуализм, эгоизм, атомизация.

Breaking basic values in Russia in the 90s of the xx century

Baklanov Vyacheslav Ivanovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow,
Department of Humanities

Abstract: The article reveals the consequences of the radical market transformations of the 90s, during which there was a radical reassessment of all the previous age-old life and moral values, which from now on were subject to breaking and reforging to more primitive values and attitudes of the market free from all morality and morality. In the spirit of the Hobbesian war of "all against all" and the cult of undisguised egoism and extreme individualism. Which gave rise to an aggressive and atomized society.

Keywords: market, force, primitiveness, aggression, individualism, egoism, atomization.

*«Успел сказать он
И в этот раз:
Какое мне дело до всех до вас?
А вам до меня?»
Песня из кинофильма «Последний дюйм».*

Начало 90-х годов ознаменовалось невиданной ломкой всех привычных многовековых жизненных ценностей, установок и символов массового общественного сознания. Это было яркое, крикливое, карнавальное и одновременно лихое время новых невиданных ранее возможностей для одних и чудовищных потерь для других. По словам историка Виктора Шнирельмана, «это период долгожданной свободы, открывший массу перспектив для творчества и карьеры, для других – покушение на общественный и политический порядок; для одних – приход демократии, сломавшей прежние идеологические тиски и создавшей условия для становления гражданского общества, для других – разгул дикого капитализма, обрекшего значительную часть общества на утрату прежнего стабильного существования и нищету» [1].

Сам радикальный переход к новому общественному строю – капитализму, привел к быстрому появлению и новых общественных, культурных и моральных норм, ценностей. Буквально вся система прежних советских ценностей во всеуслышание была объявлена не просто старомодной, но крайне вредной, совковой, люмпенской, мешающей всему новому и «прогрессивному» что пришло в Россию в виде глянца западной жизни с либералами без демократии и криминала новорусских бизнесменов. В СМИ, на телеэкране и даже площадках высокой культуры была объявлена война всем формами и видам коллективизма, взаимопомощи, солидарности и доверия людей друг другу. По сути, объявлялось, что отныне быть честным, порядочным человеком невыгодно в обществе рыночной конкуренции. По логике, высокоморальность и нравственная щепетильность людей делала их неконкурентоспособными. Значит плохо зарабатывающими и несчастными.

На место старых и вредных ценностей должны заступить новые ценности, в полном соответствии с духом гоббсовского постулата: человек человеку волк. Крайний индивидуализм, расчетливый эгоизм, жесткая конкуренция людей, по сути воспроизводившая систему зоологической межвидовой борьбы за существование в животном мире. В этом ничего удивительного не было. Поскольку капитализм и рынок в России формировался не кейнсианский и не социализированный, образца второй половины XX века, а образца пиратского времени «джентльменов удачи» Френсиса Дрейка и Генри Моргана, то для такого капитализма требовалось предельно рыночное сознание, очищенное от следов элементарной морали и нравственности. Ведь только с таким тотально индивидуалистично-рыночным сознанием можно было достигнуть полного успеха в «обществе сильных», изгнавшего следы жалости ко всем моралистам-неудачникам.

Вынужденный и массовый «выбор» в пользу рынка в хозяйственной и личной жизни означал выбор в пользу тотальной конкуренции и индивидуализма, с неизбежным снижением чувства «...социальной ответственности и переориентацией на ценности беззастенчиво-эгоистического потребительства»[2]. Уже к концу 90-х годов трансформация базовых ценностей была столь зримой и очевидной, что сразу же было подмечено СМИ, кинематографом и литературой. Особенно оперативно сработала массовая культура и «улица». В массовом ходу появились новые слова: «бабки», «баксы», «лимон», «комок», «беспредел», «стрелка», «крышевать» и т.д. Этими жаргонными словечками стали козырять даже мастера высокой культуры, вынужденно подстраиваясь под общий примитивный тренд жизни.

Любопытно, что агрессивное упрощение и криминализация общества и культуры сопровождалась возвращением в давно забытую

архаику. Например, на Северном Кавказе, вдруг возродилась, казалось бы, изжитая в советское время традиция кровной мести. В тоже время именно на Северном Кавказе, (за исключением мятежной и воюющей Чечни) благодаря консервации многих традиционных ценностей горской культуры процессы общественной деморализации коснулись в меньшей степени, чем в остальной России. Возрождение архаики наблюдалась во всех регионах России. Это было закономерно. С исходом высокой советской культуры просвещения и культа науки, их место заняли заново возрожденные архаичные культуры и традиции. И по большей части регрессивные.

И здесь были свои уже специфические российские особенности, в отличие от стран Запада, где рынок и буржуазные ценности вызревали веками и довольно органично. В России же новая система буржуазных ценностей прививалась на основе резкого и хаотичного разгрома ее со стороны самой власти; скоротечного распада старой советской системы; без создания качественной иной солидарной культуры участия, наличия гражданского общества, развитой системы социальных связей, как это было в западном обществе. В результате в России сложилась иной, чем на развитом Западе, индивидуализм. Более антисоциальный и безответственный. Отсюда, по мнению исследователей В. Пантина и В. Лапкина, оборотной стороной постсоветского индивидуализма «... является распад социальных связей, слабость гражданского общества, отсутствие солидарности в отстаивании своих социальных и политических прав. В отличие от консолидированного западного общества российское общество атомизировано, причем это состояние характеризует все его основные социальные группы, включая и политическую элиту, охваченную непрерывной внутренней борьбой за власть и не способную защищать не только общенациональные, но и собственные групповые интересы» [2].

Новые жизненные ценности повлияли и на новые предпочтения в выборе профессии. По исследовательским данным фонда ФОМ, в 1997 г. «среди профессиональных предпочтений молодых людей доминировали: частное предпринимательство (51%), финансы (41%), юридическая деятельность (32%) и маркетинг, менеджмент (27%), в то время как традиционные для социалистического режима профессии утратили престиж: производственная деятельность- 3%, искусство и кино-3%, инженерная деятельность- 2%, наука- 1%»[3, С.214-215].

90-е годы стали невиданной в истории России эпохи буквально бизнес-горячки для миллионов людей. Миллионы людей, которых не могла прокормить государственная служба и работа на предприятии, в условиях многомесячных задержек с мизерной зарплатой, вынужденно были податься в уличные торговцы (бизнес-пролетариат), охранники, прислугу, строители на стройки для «новых русских». Однако мас-

совый уход для этих людей в коммерцию, не сделал их богачами. Зато дал возможность «повидать мир» и хоть как-то прокормить свои семьи. Интересы людей стали более разнообразными, но все они циклились вокруг только материальных ценностей; частной, а не общественной и государственной жизни как раньше. Семья, работа, деньги, престижное потребление вещей и масс-культурной продукции вытеснили за задний план все, что было связано с политикой (как в годы перестройки), государственным интересом и традициями коллективизма. Люди, становясь более равнодушными к общему, замыкались в своем ближнем кругу. Это явление можно назвать как торжество победившего атомизированного мещанина. Причем мещанина самодовольного и агрессивного в условиях примитивизации культуры и жизни.

Многие исследователи отмечают упадок тогда общепризнанной морали и гуманности. Об этом и о многом другом, в частности, хорошо написал известный российский философ Мустафа Билалов[4]. Резко упала в цене человеческая жизнь. Убийства людей, что постоянно демонстрировал телевизор, стало обыденностью хроники постсоветской жизни 90-х. Позволю себя процитировать. «В таком суровом и жестоком мире, где сама российская жизнь становится фронтом войны всех против всех, и на экране и в жизни уже нет места романтикам, добрым и душевным (как это было в СССР) героям. Их место заняли суровые и хладнокровные мужчины, расчетливые женщины, в которых царит культ ницшеанской силы и безжалостной вседозволенности. 90-е годы самым серьезным образом перепахали и даже частично изменили сложившийся ранее национальный характер россиян и русских. Холодная деловитость и ярко выраженный индивидуализм стали характерной приметой многих людей, тех безжалостных лет России 90-х» [5].

При этом 90-е годы были действительно модернизацией и обновлением страны. Но модернизацией преимущественно регрессивной, как в социально-экономической сфере, так и в сфере культурной. Все 90-е годы по нарастающей развивалась новая рыночная культура и свобода от всех прежних культурных и нравственных запретов. Агрессивная культура свободы воли индивида. В духе делай все, чтобы стать сильным и успешным. Наплюй на интеллигентных слюнтяев, не способных по волчьему жить и добывать себе пищу отнимая ее у других человеко-волков. Находясь на тотальной войне «всех против всех», веди ее без жалости к слабым. Рефреном такой морали звучат слова из песни С. Шнура из культового кинофильма «Бумер:

«Никого не жалко никого
Ни тебя, ни меня, ни его».

Литература

1. Максим Кронгауз: 90-е ярче нулевых и реальнее 80-х, по этому вспоминают их. Сноб. 22.20.2015. <https://snob.ru/selected/entry/99665/>
2. Пантин В., Лапкин В. Ценностные ориентации россиян в 90-е годы. Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 1999.Т.№ 4, №2. 144-160. <https://gigabaza.ru/doc/96823-pall.html>
3. .Подобный, В.В. Легитимность политической власти: эволюция теории и практики. Современный мир и Россия.- М.: Международные отношения, 2022.- 344 с.
4. 4Билалов Мустафа. Духовные детерминанты устойчивого развития. // Юг России: экология, развитие. Том 11, №4, 2016. С.201-208;
5. Билалов Мустафа. Политические, этические и гносеологические идеологообразующие евразийские ценности народов Юга России // Научная мысль Кавказа.2018.№3. С.15-23
6. 5.Бакланов В.И. Россия в конце 90-х годов XX века: распутица власти и общества. http://historick.ru/view_post.php?id=203&cat=11

УДК 316.6

Нохчалла как основа национальной идентичности чеченцев

Мусханова Исита Вахидовна

доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент
АН ЧР,
директор института филологии, истории и права
Чеченский государственный педагогический университет
г. Грозный vinter_65@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с восприятием национальной идентичности чеченцами в контексте конструкта нохчалла. Анализируются регулятивные функции конструкта нохчалла как системы, включающей нормы, ценности, регламентирующие паттерн поведения личности и как процесса, представляющего собой путь, который должен пройти каждый чеченец в своем духовном, интеллектуальном, физическом, личностном становлении и развитии. Подчеркивается связь конструкта нохчалла с особенностями жизни чеченцев, а также выделяются его значимые компоненты.

Определены четыре этапа эволюции нохчалла и сделан вывод о том, что данный конструкт, базирующийся на духовных феноменах, дает возможность каждому представителю молодого поколения чеченцев осознать себя частью великой мировой цивилизации.

Ключевые слова: нохчалла, идентичность, этнос, личность, культура, ценность, ментальность, нация, духовность.

Nokhchalla as the basis of the national identity of chechens

Muskhanova Isita Vakhidovna

Doctor of pedagogical sciences, professor,
Corresponding Member of the Acad. of Sciences of the ChR,
Director of the Institute of Philology, History
and rights Chechen State Pedagogical University
Grozny vinter_65@mail.ru

Annotation. The article deals with issues related to the perception of national identity by Chechens in the context of the Nokhchalla construct. The regulatory functions of the Nokhchalla construct are analyzed as a system that includes norms, values that regulate the pattern of personality behavior and as a process that represents the path that every Chechen must go through in his spiritual, intellectual, physical, personal formation and development. The connection of the Nokhchalla construct with the peculiarities of the life of Chechens is emphasized, and its significant components are also highlighted. Four stages of the evolution of nokhchalla are identified and it is concluded that this construct, based on spiritual phenomena, gives every representative of the younger generation of Chechens the opportunity to realize themselves as part of a great world civilization.

Keywords: nokhchalla, identity, ethnicity, personality, culture, value, mentality, nation, spirituality

В современном чеченском научном сообществе одним из широко разрабатываемых и обсуждаемых предметов исследования является понятие «нохчалла». Нохчалла я рассматриваю как конструкт исходя из предположения о том, что он представляет собой сложную систему взаимообусловленных и взаимосвязанных сущностей реального мира, недоступных непосредственному наблюдению. Курт Левин, рассматривая конструкт как научное понятие, указывал на его теоретическое построение. Он не должен содержать противоречий, и, должен базироваться на минимально возможном количестве положений [4]. Осмысление философского содержания выражения «нохчий хила атта дац» (быть чеченцем не просто) показывает, что концепт нохчалла отражает особенность – национальное лицо чеченцев. Независимо от

изменений, происходящих практически во всех сферах жизнедеятельности человека, влияние цифровизации, массовизации, глобализации, незыблемыми остаются конструкты, определяющие базовые позиции личности: кто я? С кем я себя ассоциирую? Как и кого я должен представлять в современном мире? Насколько важно оставаться приверженным к своей родословной, к истории своего этноса? Поиск ответов на данные вопросы и вопросы близкие к теме отождествления себя со своей культурой, религией, этносом волнуют практически каждого человека. Следует отметить, что национальная идентичность занимает особое место в конструировании личности и этноса как ценностных систем. Для представителей чеченского этноса национальная идентичность неразрывно связана с конструктом нохчалла. Анализ работ современных российских ученых В.Х. Тхакахова, [8] Е.А. Романовского [7], Н.Н. Альбекова [1,2,3], Б.Б. Нанаевой [5], С-Х. Нунуева [6], З.И. Хасбулатовой [10], Х. Умхаева [9] позволяет утверждать, что исследование данной проблемы имеет давнюю историю, а идентификация этнофора со своей групповой общностью претерпевала трансформации в соответствии с окружающей действительностью.

Рефлексия и рассмотрение конструкта нохчалла как основы национальной идентичности обосновывается тем, что он имеет глубинное расположение в структурах сознания чеченцев. Нохчалла, определяемая многими современными чеченскими учеными как совокупность качеств национального характера, его ментальности тесно связана с самосознанием этноса, с ценностно-смысловым отношением к истории и культурной памяти.

В процессе эволюции национальной идентичности чеченцев, ядром которого выступает нохчалла, можно проследить несколько этапов. Соглашаясь с мнением Н.Н. Альбекова [2] о том, что существование концепта нохчалла в чеченской лингвокультуре уже является уникальностью, так как он отражает национальную, генетическую и антропоморфную особенность чеченской нации, отмечу необходимость дифференциации ее коннотативного содержания. Нохчалла как система включает нормы, ценности, регламентирующие паттерн поведения личности. Главная ценность, имплантируемая с ранних лет как конструкт нохчалла – связь с Даймохк (землей отцов). Где бы не жил чеченец, особенно сейчас, в современных условиях, когда представители чеченского этноса разбросаны по всему миру, хоронить его везут на родину, могила должна быть на родной земле, связь с которой не прерывается. Императивом нохчалла для чеченца во все времена выступал посыл «дайх ала дош доцуш, даймахкахь каш доцуш, дал ма лайла вай к1ентий» (не имея Слово про прародителей, не дай нам умереть без могилы на земле отцов). Для каждого чеченца важна память о семи предках и гордость об их благородных деяниях. Нохчалла не поз-

воляет чеченцу воспринимать себя вне Даймохка, ассоциируя его с матерью, Нана-Даймохк.

Нохчалла как процесс представляет собой путь, который должен пройти каждый чеченец в своем духовном, интеллектуальном, физическом, личностном становлении и развитии. На мой взгляд, можно провести аналогию с конфуцианской философией Дао (путь), ведущий к гармонии и мудрости. Нохчалла как процесс восхождения к нравственности, к осмысленности собственной ответственности за себя, семью, родных, близких, род, село, отчизну. Как отмечено в работах С-Х. Нунуева, нохчалла вбирает в себя такие моральные и нравственные качества как «сий» – честь, «обздангалла» – благородство, «доьналла» – мужество, «йахь» – гордость, «майралла» – смелость, «къонахалла» – доблесть, «комаьршалла» – «щедрость», «нийсо» – справедливость, «гIиллакх» – вежливость, хорошие манеры [6]. В современном культурном пространстве чеченского общества можно смело предположить, что нохчалла вышла за рамки этнической среды и гендерных различий. Справедливости ради следует отметить, что характеристики, предложенные С-Х. Нунуевым в качестве приоритетов нохчалла являются общечеловеческими, однако в контексте этнической культуры чеченцев они приобретают сакральный смысл. Нохчалла как мировосприятие чеченцев основывается на чувстве ответственности, когда ребенку в чеченской семье внушается идея ответственности перед предыдущими поколениями «ворхI да» (семь отцов), перед «доьзал» (семья), «гергара нах» (родственники), «йурт» (село), перед «тIаьхье» (потомки). Именно такая связь прошлое-настоящее-будущее способствует обеспечению духовной безопасности чеченцев, их психологической устойчивости во время тяжелых испытаний, выпавших на долю народа. Неотъемлемым компонентом нохчалла является восприятие каждым чеченцем себя внутри ценностной системы своего этноса. Каждый чеченец соизмеряет свои действия и поступки с мнением общества. «Наха олучунах ларвалар», что скажут люди, а еще глубже, что подумают. Осознание того, что где бы ты не находился, ты представляешь не себя как конкретно отдельную личность, а свою семью, фамилию, род, народ.

Как и где проявляется нохчалла и каков ее воспитательный потенциал? Приведу короткое сообщение от информанта Исы, 54 года, житель Чеченской Республики: «Мой дед рассказывал, что в юности, вместе со своими друзьями и приятелями, он пристрастился к табаку. Видимо по запаху его одежды и необычному поведению, его отец догадался об этом, а отец его был очень уважаемым в селе старейшиной, славящийся своей богобоязненностью и мудростью. Как-то раз, отец моего деда подозвал его к себе и сказал: — Пойдем сынок, отойдем, у меня есть к тебе разговор... Сынок, я знаю, что ты куришь табак. У

меня к тебе одна просьба, не кури на людях, «наха хьо уосала ву эра ду хьуна». Если тебе захочется курить, приходи ко мне и кури рядом со мной. Я никому не скажу и это останется между нами. «Наха хьо нахала воккхура ву хьуна, ас воккхура вац хьуна хьо нахала». После этого разговора, моему деду стало так стыдно, что он тут же отправился к своему тайнику и избавился от своей заначки табака и никогда больше не курил». Хотя в чеченской воспитательной парадигме не приветствуется чтение сентенций и важен личный пример родителей и других значимых взрослых, в данном случае для сына оказалось достаточным узнать мнение отца и проникнуться его состоянием. Вот такое отношение сына к отцу есть нохчалла.

Приведу еще один пример формулы нохчалла, рассказанный информантом Али, жителем города Гудермес Чеченской Республики. В 1940-е годы двадцатого столетия в семье предков Али произошла трагедия, от рук односельчанина погиб их родственник. В поисках кровника прошли годы, а затем в 1944 году чеченцы были депортированы в Среднюю Азию и Казахстан. По пришествии нескольких лет, когда стало возможным чеченцам передвигаться Салман С. стал разыскивать своего кровника и выяснил, где он живет. Придя в дом кровника, он узнал, что вся семья умерла от голода и осталась малолетняя девочка, которую соседи собрались отдать в детский дом. Салман представился двоюродным братом своего кровника и забрал его дочь в свою семью. Девочка так и не узнала об этой истории, выросла, вышла замуж и сегодня живет в одном из сел республики. Такое поведение объясняет, что такое нохчалла.

Нохчалла неразрывно связана с особенностями жизни чеченцев. Важными компонентами нохчалла являются – гостеприимство, вежливость, умение выстраивать межличностные взаимодействия, преданность, особое почитание женщины, неприятие любого принуждения, уважение личности каждого человека, независимо от этнической, конфессиональной, культурной принадлежности. Закон гостеприимства чеченцев в определенной степени связан с историческими условиями их жизни, когда в суровых горных условиях гость, не принятый в дом, мог замерзнуть, потерять силы от голода и усталости, стать жертвой разбойников или дикого зверя. Нохчалла – пригласить в дом, согреть, накормить и предложить ночлег гостю. В доме чеченцев во все времена была отдельная комната для гостя. Чеченцы говорили: «хьаша Делера беркат ду» (гость – благоденствие от Всевышнего), он почитаем, самая лучшая еда для него.

Нохчалла обязывает каждого чеченца строить межличностные отношения, не демонстрируя своего превосходства, даже будучи в привилегированном положении. Нужно быть особо учтивым и приветливым, чтобы не задеть ничье самолюбие. В древности у чеченцев,

сидящий верхом на лошади должен был первым поздороваться с пешим, а если же пешеход старше всадника, то всадник обязательно должен был сойти с коня. Именно нохчалла предписывает чеченцу проявлять особо почтительное отношение к родственникам матери и жены. У чеченцев говорят «ненхой, стунцхой ца леринариг стаг вац» (кто, не уважает родственников матери и жены, не мужчина). В таком отношении проявляется уважение к женщине как к матери, как хранительнице очага. И сегодня, если мать не имеет сына или брата, очень часто она живет в семье дочери, хотя по чеченскому этикету теща и зять дистанцированы в общении, что также связано с особо почтительным отношением к матери жены. Нохчалла предписывает неприятие любого вида принуждения. Для чеченца важно воспитание свободы духа, внутреннее ощущение свободы, что также обусловлено этногенезом развития чеченской нации, особенностями воспитательной системы, в которой доминирующие позиции отводились формированию духовно-нравственных и волевых качеств. Чеченцы приветствуют словами «марша вог1ийла!», (приходи свободным), напутствуют в дорогу пожеланием «марша г1ойла» (уйди свободным), прощаются «марша 1ойла» (оставайся свободным), демонстрируя тем самым значимость духовной свободы личности.

Содержательная сущность нохчалла проявляется также в наставлениях представителей старшего поколения своим сыновьям и внукам:

- Хьайна Дала деллачунна хастам беллахь. (Возноси хвалу Всевышнему за все, что Он тебе дал);
- Деца-Ненаца к1еда-мерза хилалахь. (Будь мягким с родителями);
- Хьо реза цахилар царна ма гайталахь. (Не показывай им свое недовольство);
- Хьайн вежаршца йахь хилалахь. (Даже с братьями надо иметь йахь);
- Лулахочуьнца собаре хилалахь. (С соседями будь терпеливым);
- Хьайн вежаршна оьшуш йелахь, хьайн х1ума ма кхоаелахь. (Для своих братьев ничего не жалея);
- Айхьа лелор дацахь керла гергарло т1е ма лацалахь. (Если не будешь поддерживать, не заводи нового родства);
- Хьайн доьзалхочунна т1ехула дов ма дакхалахь. (Из-за своего ребенка ни с кем не ругайся);
- Вокхачо кьамел деш леррина ладог1алахь. (Когда говорит старший внимательно его слушай);
- Хьайн меттана х1усамнана йист ма хилийталахь. (Вместо себя не позволяй говорить жене);

- Хъайн чуъра дов пхъобхане ма даккхалахъ. (Из своего дома сорру не выноси на улицу);

- Хъайн тезетахъ оллавелла ма хилалахъ, нехан тезетахъ велла-велла, векхавелла ма хилалахъ. (В своем горе не будь понурим, в чужом горе не будь веселым);

- Хъо г1аттон волчу г1анта ма хийшалахъ. (Не садись на стул с которого могут попросить встать);

- Захалонна, масла1атана йукъа вон дош ма алалахъ, (Во время сватовства и во время перемирия не высказывай плохого мнения);

- Со сайн мехкан къонах ву ма алалахъ, хъо мехкан къонах ву нахе алиталахъ. (Не говори, что ты къонах своей земли, пусть об этом скажут люди).

Перечисленные нами примеры – попытка представить действие нохчалла как регулятора поведения чеченцев. Философское, психологическое и культурное осмысление феномена нохчалла – задача перспективная, и в объеме одной статьи сложно описать весь спектр ее компонентов.

Таким образом, нохчалла можно рассматривать и как систему, относящуюся к целому этносу и как процесс формирования и развития отдельной взятой единицы, этнофора. В эволюции нохчалла, на мой взгляд, можно выделить следующие этапы:

- первый этап (начальный) – с древности до XVIIвека связан с появлением этнонима чеченец в интерпертации нохчий и формированием этнической системы.

- второй этап (созидательный) – XVII – середина XX века основывается на развитии этнического самосознания чеченцев, интеграция в российское культурное пространство. При этом отдельно следует выделить 1944-1957 гг. двадцатого столетия, когда в условиях депортации именно нохчалла, ее духовные скрепы позволили чеченскому народу сохранить себя как этнос. После возвращения на родину 60-е-80-е годы характеризуются подъемом и развитием практически всех сфер жизнедеятельности чеченского общества, развитием культуры, искусства, образования. Однако, несмотря на доминирование коммунистической идеологии, давление партийной верхушки, в условиях формирования общности «советский народ», чеченцам удалось сохранить нохчалла и транслировать ее подрастающим поколениям.

- третий этап (критический) – 90 – годы XXвека – начало XXIвека – обусловлен социокультурными кризисами в этнической системе чеченцев. В этот период, на мой взгляд, были попытки извне сместить этнокультурные ценности и приоритеты были направлены в сторону усиления религиозных ценностей. Однако, нохчалла как система сыграла и на этом этапе консолидирующую роль.

- четвертый этап (техногенный) – начало XXI века – современный мир цифровизации, когда поколение современных чеченцев представляют собой цифровых аборигенов, находятся под влиянием нескольких культур, внутри самого общества зарождаются новые субкультуры, нохчалла нуждается в новом осмыслении, при этом сохраняя суть и стержень, заключающийся в восприятии себя как настоящего чеченца, способного жить и развиваться во взаимодействии с представителями других культурных сообществ.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет утверждать, что, учитывая устойчивые традиции чеченского народа, его коллективистский дух, уважение к многовековой истории и гордость древней и богатой культурой, нохчалла как базовый духовный конструкт обладает мощным потенциалом, энергетикой и обаянием уникальности. Нохчалла, базирующаяся на духовных феноменах, дает возможность каждому представителю молодого поколения чеченцев осознать себя частью великой мировой цивилизации.

Литература

1. Альбеков, Н. Н. Значение синергетического процесса нахчалар в истории формирования этноса нохчи // Таллам. – 2020. – № 4. – С. 58-61.
2. Альбеков, Н. Н. Некоторые значения духовного составляющего концепта нохчалла (на основе примеров из литературы) / Н. Н. Альбеков // . – 2021. – № 1(22). – С. 44-48. – DOI 10.25744/tallam.2021.22.1.009. – EDN BBWLEP.
3. Альбеков, Н. Н. Этимон как код этнической идентификации / Н. Н. Альбеков // . – 2009. – № 2(11). – С. 121-123.
4. Левин, К. Регрессия, ретрогрессия и развитие // Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. — М.: Смысл, 2001. – 572 с.
5. Нанаева, Б. Б. Культурная идентичность как ценностно-смысловой компонент самосознания этноса в условиях глобализации – Махачкала: АЛЕФ, 2022. – С. 227-237.
6. Нунуев, С-Х. "Нохчалла" г. Грозный, Издательство "Грозненский рабочий" г. Грозный, 2017. – 34 с.
7. Романовский, Е. А. Трансформируя чеченскую идентичность // Редакционная коллегия: Руководитель проекта–Н. Зария (Венгрия). – 2019. – С. 201.
8. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. – 2019. – №. 2 (98). – С. 40-49.

9. Умхаев, Х. С. Язык как фактор культурной мобилизации этноса / Х. С. Умхаев, В. Х. Акаев, М. Д. Дадуев // Актуальные проблемы исследования родного языка и литературы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 120-летию со дня рождения чеченского языковеда А. Мадиева, Грозный, 22 ноября 2022 года. – Грозный: ГКУ "Институт чеченского языка", 2022. – С. 20-24.

10. Хасбулатова, З. И. Основные ценности традиционной культуры поведения, этикета чеченцев в XIX-XX вв. / З. И. Хасбулатова // Известия Чеченского государственного университета. – 2022. – № 2(26). – С. 106-111. – DOI 10.36684/12-2022-26-2-106-111.

УДК 165

Основные идеи концепции М. Билалова «Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур»

Ахмедов Исмаил Ахметуллаевич
Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии и теории познания
Дагестанский государственный университет
г. Махачкала ismaila65@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные идеи концепции, которая в его творчестве получила наименование – философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур. Как известно, острие предмета исследования ученого – постижимость истины в диалоге и полилоге познавательных культур. М.И. Билалов своим теоретическим осмыслением проблемы, как ни странно, в значительной степени решает нравственно-гуманистическую задачу – направляет читателей полюбить самое главное – человеческую жизнь, относиться к нему с огромным уважением, проявлять гуманность как в человеческих взаимоотношениях, так и в коммуникативном пространстве нашего социума, сохраняя радушие сердца, ясность ума и искренность души. Эти человеческие принципы выступают у юбиляра основополагающими, вечными и непреходящими в как былые времена, так и современном динамичном мире.

Ключевые слова: Билалов М.И., познавательная культура, юбилей, истина, современные ценности.

The main ideas of M. Bilalov's concept "Philosophy of truth in the communicative space of cognitive cultures"

Akhmedov Ismail Akhmetullayevich

Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of
Cognition, DSU
Makhachkala ismaila65@mail.ru

Abstract: This article discusses the main ideas of the concept, which in his work was called the philosophy of truth in the communicative space of cognitive cultures. As is known, the sharp point of the subject of the scientist's research is the comprehension of truth in the dialogue and polylogue of cognitive cultures. Bilalov, with his theoretical understanding of the problem, oddly enough, largely solves the moral and humanistic task – directs readers to love the most important thing – human life, treats him with great respect, to show humanity both in human relationships and in the communicative space of our society, preserving the cordiality of the heart, clarity of mind and sincerity of the soul. These human principles are fundamental for the hero of the day, eternal and enduring in both the old days and the modern dynamic world.

Keywords: Bilalov M.I., cognitive culture, anniversary, truth, modern values.

Полувековое научное творчество юбиляра – известного ученого, доктора философских наук, заведующего кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского госуниверситета профессора Билалова Мустафы Исаевича, 75-летию которого посвящена настоящая конференция, разнообразно. Мустафа Исаевич Билалов является автором множества научных работ, посвященных философии, культуре и истории кавказских народов. Он активно участвует в общественной жизни, организуя конференции, семинары и круглые столы по вопросам межкультурного диалога и толерантности. При всей цельности его исследовательской деятельности, сконцентрированной вокруг проблем истины, в ней можно выделить ряд концептуально самостоятельных линий. Все они, так или иначе, затрагивают социально-экономические и политические изменения, происходящие в современном мире, которые, в конце концов, требуют системного подхода как к истине, так и познавательной культуре.

Его научные исследования внесли колоссальный вклад в развитие философской мысли и культуры познания, поиска истины в слож-

ных социально-экономических и политических условиях современного мира, а также в разработку проблемы формирования толерантности и доверительного отношения в поликультурной среде. Через научные работы М.И. Билалов раскрывает свои смысло-жизненные философские поиски, направленные против несправедливости и абсурдности человеческого бытия. Монография, написанная им в 2017 году, – «Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость» затрагивает актуальную и сложную проблему истины, культуру постижения истины в объективной реальности через определенные нормы и правила поведения, в вечном столкновении человека с ложью, лицемерием и несправедливостью. «Человек призван творить культуру, культура также есть его путь и судьба, он реализует себя через культуру. Обреченный на историческое существование, он тем самым обречен на со-зидание культуры» [1, с.315]. Его идеи исследования коммуникативного пространства познавательных культур, анализ и выявление качественно-отличительных особенностей кавказского духа являются актуальными и важными для развития философской мысли и культуры познания.

Свои гносеологические идеи в исследовании коммуникативного пространства познавательных культур М.И.Билалов активно использует при поиске истинных решений общественно-политических проблем общества, выбирая приемлемые концепции для понимания цивилизационных перспектив России (см. [2]).

История всех стран и народов показывает, что в каждом этносе есть люди, которые составляют духовное ядро нации, выступают движущими силами ее общественного прогресса. Одним из талантливых среди представителей кавказских народов предстает философ Мустафа Исаевич Билалов, который глубоко и основательно ориентируется в извечных традициях и культурах народов России, анализирует и выявляет качественно - отличительные особенности кавказского духа. Одной из главных идей Мустафы Исаевича Билалова является идея о том, что культура и национальные традиции должны служить не препятствием для развития общества, а наоборот, стать основой для формирования единой культуры и ценностей. Он считает, что только такой подход может обеспечить устойчивое развитие мультикультурного общества.

Деятельность Мустафы Исаевича находится в русле современной мировой культуры и истории современной России, однако, его философская рефлексия пронизана иной, инновационной толерантностью. М.Билалов призывает отказаться от традиций неолиберализма, не превращать толерантность во всеядность, распушенность, размываемость личностной целостности, деструктивность семьи и личности... Он призывает к тому, что «толерантность должна быть результатив-

ной, способом прислушивания к позиции чужого, совершенствования своего понимания и подхода. Результат диалога и полилога должен вылиться в гибель категоричных противоположностей, в снятие, трансформацию обслуживающих глобализированные сферы человеческого общежития ценностей, в первую очередь, фундаментальных идеалов – свободы, прав индивида и социума, целевой и ценностной рациональности, либеральной и консоциальной демократии и др.» [3, с. 343].

М.И. Билалов выступает за тесную связь философских исследований с социальной реальностью Кавказа. В регионе делаются попытки продвинуть и закрепить либеральные идеи западной культуры и жизненного уклада, с его трансгендерными свободами. Мыслитель подчёркивает, что «не абсолютизировать европейские ценности, не ломать наш менталитет и не пересаживать нам «культурные гены», а оценивать значимость и достоинства своих восточных, азиатских, российских, кавказских идеалов, тем более, что их не нужно формировать, они с нами и могут быть эффективными в цивилизационной перспективе» [4, с.56]. Его идеи исследования коммуникативного пространства познавательных культур, анализ и выявление качественно-отличительных особенностей кавказского духа являются актуальными и важными для развития философской мысли и культуры познания.

М. И. Билалов выступает живым созидателем и воплощением истины, его творческий путь, научные искания направлены служению нашему обществу. Он всесторонне развивает свой духовно-нравственный потенциал во взаимодействии с достижениями гуманистической культуры. Его реальное жизненное кредо приведено в соответствии с теоретическими представлениями. Он утверждает в жизни то, на основе чего сам «процесс познания истины не столько одномомерен, линеен, плоскостен, сколько осуществляется полилинейно, многослойно, многоуровнево, интегрируя в себе всевозможные конкретные, в том числе архаичные, нерациональные, иррациональные и т. п. черты. Указанное выше образуют типы, несущие более или менее значимый научный потенциал в коммуникативном пространстве познавательных культур. Такая авторская позиция восходит к разрабатываемому М. Билаловым конструкту «совокупное познание», введенному в научный оборот в начале 90-х годов в его докторской диссертации «Многообразие форм существования истины в совокупном познании». И это направление имеет важное научно-теоретическое значение, что нашло соответствующее признание в философском сообществе страны» [5, с. 135].

М. Билалова можно характеризовать как философа, который наделен особыми аналитическими способностями, уходящий за пределы повседневности её понимания, а его гносеологические конструк-

ции опираются на созерцательно-конструирующие действия. Указанное выше дает возможность основательно проникать сущность бытия мира и собственное бытие в нем. Его философские поиски направлены на завтрашний день. «Человек не может жить без веры. Решающий вопрос для нашего поколения, а также для будущих поколений заключается в том, что будет ли наша и их вера иррациональной верой в вождей, технику, успех или рациональной верой в человека, опирающейся на собственный опыт продуктивной деятельности» [6, с. 162].

Мы можем констатировать, что основные идеи концепции М. Билалова «Философия истины в коммуникативном пространстве познавательных культур» заключены в том, что, только через постижение истины человек становится человеком, и что в процессе развития человека и общества познание истины наполняется социальным и нравственным содержанием. А это становится новой моделью отношений между людьми, основанной на принципах истины, философии очевидности и реальной действительности.

М.И. Билалов – это мыслитель, который всегда стремится к новым открытиям и постоянно развивает свои научные идеи. Его исследования имеют огромное значение для общества, и мы можем быть уверены, что его труды продолжают вносить вклад в развитие философской мысли и культуры познания в будущем. Он является примером для многих ученых и студентов, вдохновляя их на поиск новых знаний и истин. Он сам – яркий пример того, как познавательная культура может помочь человеку стать лидером в своей области, а также способствовать развитию общества в целом. Его философские идеи и научные работы являются важным вкладом в развитие науки и культуры, а также в формирование межэтнической толерантности и укрепление доверительных отношений в обществе.

Литература

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. – М., 1994.
2. Билалов М.И. Символическая модель толкования истины в поиске перспектив российской демократии // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2013. – № 5. – С. 237-241.
3. Билалов М.И. Постижимость истины: уловимость, объяснимость, выразимость. – Махачкала: ГАУ РД «Дагестанское книжное издательство», 2017. – 376 с.
4. Билалов М.И. Региональные базовые ценности гражданского общества // Проблемы становления гражданского общества в Республике Дагестан. – Махачкала, 2003. – С. 55-60.

5. Акаев В.Х. Личностный гимн философии профессора Муштафы Исаевича Билалова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 33. – Вып. 3.
6. Эрих Фромм. Психоанализ и этика. – М., 1993. – С. 162.

УДК 316

Идеологические основы векторов политического развития России

Корочкина Виктория Анатольевна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета
г. Санкт-Петербург victoria.korochkina@gmail.com

Аннотация. Вопрос идеологии в России всегда был связан с ее имперским и цивилизационным самоопределением. Концепция «русского мира» является единственно возможной системой взглядов на развитие такого государства, тогда как слово «русский» относится к цивилизации, а не конкретному этносу.

В качестве противоположной, несвойственной и немислимой для России модели жизни народа в государстве можно привести ту, которая определяется ярко выраженной националистической идеологией с опорой на моно-религиозный формат бытия и выстраивается в современном Израиле.

Ключевые слова. «Русский мир», Россия, государство-цивилизация, сионизм, ортодоксальный иудаизм, еврейская религиозная традиция, Израиль.

Ideological roots of vectors of political development in Russia

Korochkina Victoria Anatolievna

St. Petersburg State University
Ph.D., Senior Lecturer, Faculty of Political Science
Saint Petersburg victoria.korochkina@gmail.com

Abstract. Issue of ideology in Russia has always been connected with its imperial and civilizational self-determination. The concept of the "Russian world" is the only possible set of views on the development of

such a state, while the word "Russian" refers to a civilization, not a specific ethnic group.

As an opposite, unusual and unthinkable for Russia model of the life of the people in the state, one can cite the one that is determined by a pronounced nationalist ideology based on a mono-religious format of being and is being built in modern Israel.

Keywords. Russian World, Russia, state-civilization, Zionism, Orthodox Judaism, Jewish religious tradition, Israel.

Россия

В настоящее время под влиянием внешних факторов в нашей стране особенно отчетливо проявляется необходимость понимания смыслов бытия во всем его многообразии и артикуляции предназначения Российского государства в исторической перспективе. Это означает потребность в идеологии, которую философ Тимофей Сергеев определяет как знание о том, как организовывать государство и строить общество. Исходя из того, что идеология существует всегда, но не всегда осознается, ее необходимо зафиксировать и объяснить. Для политолога Дмитрия Куликова идеология русской государственности заключается в том, что «Русское государство служило, служит и должно служить в будущем делу становления и развития русской многоэтнической и многоконфессиональной цивилизации. В этом его предназначение» [«Континент Россия»].

Россия является одним из немногих современных государств, которые имеют многовековой опыт совместного проживания разных народов и культур. Данный факт зафиксирован в Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г.): «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» [Концепция внешней политики РФ, 2023].

Историк и политолог Н.А. Нарочницкая по поводу «русского мира» говорит следующее: «это не только Россия и русские в мировой истории. Русский мир — это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, за-

блуждениями и метаниями. Русский мир — это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него» (Иванов, 2010. С. 6)

При этом концепция «русского мира» противоположна национализму, так как она вмещает в себя огромное разнообразие этносов, которые получают возможность для саморазвития в рамках огромной империи. Будучи имперской, концепция позволяет понять логику проводимой политики как внутри страны, так и на «внешнем контуре».

По мнению А.Дугина, цивилизация, и русская — не исключение, всегда имеет надэтническую сущность, тогда как империя — организация наднациональных территорий, «это прекрасный способ организации общества». При этом «империя противоположна империализму», так как «империализм — это навязывание в глобальном масштабе только одной модели, а империя — создание некоей инстанции, которая могла бы уравнивать самые разнообразные группы — этнические, религиозные, социальные, культурные, объединять пространства, гармонизировать целые миры... Так что судьба России, несомненно, — быть империей. Но империей нового типа: демократической, полицентричной, многополярной, не претендующей на единственность, допускающей другие империи — китайскую, исламскую, европейскую, африканскую, латино-американскую...» [Философ Александр Дугин]

Итак, «русская идея — это идея цивилизации». Она не приемлет национализм, который проявлялся у русских националистов, но являлся искажением самой идеи, так как русские всегда жили в полиэтничном государстве и никогда не были чисто расово славянами. «В нас всегда были тюркские, финно-угорские и другие вкрапления. Русский национализм — явление искусственное, почти столь же нерусское, как и либерализм». Коммунизм также «чуждая для русской идеи западная модернистская политическая идеология» [Философ Александр Дугин].

По мнению А.Дугина, страны, которые обладают собственными идеями (не у всех стран и народов они есть), — «это, как правило, страны, создающие империи, объединяющие большие пространства или очень пронзительно, ярко и глубоко мыслящие». «У евреев две тысячи лет вообще не было государства, но еврейская идея была всегда» [Философ Александр Дугин].

Израиль

В конце 19 века еврейская идея проявилась в возникшем в Европе националистическом движении — сионизме. Его идеология основана на исторической и религиозной связи между еврейским народом и Палестиной (или Эрец-Исраэль, откуда он изгонялся дважды, утрачивая свою государственность).

Сионисты исходили из того, что еврейская жизнь за пределами родины несостоятельна, потому что другие народы никогда не примут в качестве полноправных членов общества евреев, повсюду составлявших меньшинство. Хотя еврейская миграция в Палестину отражала основные принципы сионистской идеологии, со временем все больше иммигрантов руководствовались уже не сионистскими убеждениями, а желанием избежать экономических проблем и антиеврейской политики в странах их происхождения [Yehudal, 2020].

Как бы там ни было, с момента образования Израиля и на протяжении первых десятилетий значительная часть пребывавших в страну масс еврейских поселенцев разделяла общую идею, которая заключалась буквально в выстраивании своего государства.

Что касается последних двух десятилетий, когда внешние угрозы хоть и трансформировались, но остались, в длинном списке проблем израильского общества самой насущной для долгосрочного выживания нации является отсутствие общей цели. Давно уже нет того, что объединяло людей с момента обретения государственности (хотя выходцы из западных стран – ашкеназим – даже в те сложные времена с пренебрежением относились к мизрахим, своим братьям из стран Ближнего и Среднего Востока, считая их примитивными, отсталыми и непросвещенными). Вместо этого ничего нового, что могло бы объединить всех граждан страны вокруг новой общей цели, так и не появилось [The Jewish idea, 2009].

В современном Израиле остро ощущается потребность в глубокой объединительной идее, по сути, в старой новой еврейской идее, которая могла бы вдохновить и повлиять на нацию во всем ее, казалось бы, несовместимом многообразии.

Пока же Израиль как результат очередной и на первых этапах успешной попытки обретения государственности в последние годы находится в серьезном социально-политическом кризисе, проявляющемся в ожесточении между разными группами общества и обострении религиозных и националистических настроений.

В этой стране самые высокие среди всех групп населения в развитых странах темпы роста ультраортодоксального населения (харедим) – около 4% в год. Это самая молодая часть общества: около 60% моложе 20 лет по сравнению с 31% населения страны в целом. В 2022 г. харедим насчитывалось около 1 280 000 чел. (по сравнению с 750 000 в 2009 г.), что составляет 13,3% от общей численности населения Израиля. По прогнозам Центрального статистического бюро (CBS), в

2030 г. их будет 16%, а в 2033 г. – не менее двух миллионов человек [Population, 2022].

Представляется, что данный факт способствует продолжающемуся изменению своего рода идеологических устоев израильского социума. Еврейская религиозная традиция берет реванш у сионистской идеологии, возникшего в Европе еврейского секуляризма, который отвергал религиозную идею о том, что евреи вернутся из рассеяния на свою родину только после божественного вмешательства и пришествия Машиаха, вместо этого утверждая, что возвращение должно состояться благодаря человеческим усилиям. Несмотря на то, что сионистское движение приняло религиозное представление о том, что евреи стремятся в Эрец-Исраэль, по сути, оно являлось бунтом против еврейской религиозной традиции. Концепция «нового еврея», поддерживаемая левыми сионистами, была проектом западной модернизации. Современное «израильянство» превозносилось над «еврейством», которое отождествлялось со связанным с диаспорой прошлым. Такой подход был менее привлекательным для евреев из мусульманских стран, многие из которых оставались более связанными с еврейской традицией. Голоса мизрахим за правый блок «Ликуд» в 1977 г. способствовали «перевороту» в израильской политике [Yehuda, 2020]. На выборах победил блок «Ликуд» во главе с Менахемом Бегинным, тем самым был положен конец непрерывному правлению в стране левых социалистов.

В современном Израиле определение «левый» по большей части вызывает негативные ассоциации. В последний раз премьер-министр от левой партии «Авода» (Партия Труда) был более 20 лет назад [ThefallofftheIsraeliLeft]. В ноябре 2022 г. израильские левые политические силы, некогда доминировавшие в 120-местном Кнессете, потерпели очередную разгром, получив всего 4 мандата [ThefallofftheIsraeliLeft]. Израильские избиратели привели на политический олимп «Ликуд» во главе с Биньямином Нетаньяху, который сформировал коалицию из крайне правых, экстремистских и религиозных партий.

Согласно Институту израильской демократии (TheIsraelDemocracyInstitute, IDI), те избиратели, которые причисляют себя к правым, принадлежат к разным группам по критерию соблюдения требований веры: около четверти — светские, четверть — «традиционалисты», треть — традиционные и религиозные евреи, а 15% — ультраортодоксы. Доля мизрахим (45%) в этом лагере превышает долю ашкеназим (32%). Многие (39%) имеют доход ниже среднего. Около трети из них

проголосовали за «Ликуд» на последних выборах, а остальные разделились между другими правыми партиями [Jewish Israeli Voters Moving Right, 2022].

Таким образом, понять происходящее может помочь израильская демография. Если в случае с Соединенными Штатами иммиграция способствует политическому сдвигу страны влево, то Израиль она смещает вправо. Основу поддержки консервативного «Ликуда» составляют еврейские иммигранты с Ближнего Востока. «Русские иммигранты, французы и даже американцы, которые переезжают в Израиль, не всегда консервативны, но, как правило, хотят иметь правительства, которые защитят их от исламских террористов», – подметил журналист Даниэль Гринфилд [The fall of the Israeli Left].

Одним из самых одиозных и влиятельных членов шестого правительства Б.Нетаньяху стал мизрахи Итамар Бен-Гвир, «крайне правый», «экстремист» и «шовинист», из семьи еврейских иммигрантов из Ирака. «Если израильские левые получают большую часть своей поддержки от элиты высшего класса Тель-Авива, которая была частью старого социалистического истеблишмента, правые опираются на ближневосточных и русских иммигрантов, с которыми они обращались как с грязью. Им нужна сильная страна и слабая бюрократия. Старый левый истеблишмент хочет сильной бюрократии и слабой страны» [The fall of the Israeli Left].

Созидательный характер развития Израиля оказался под вопросом в условиях, когда не разрешенными остались противоречия между демократией, еврейством и иудаизмом [Elazar]. Раскол в израильском обществе усугубляется, с одной стороны, «победным маршем» по политическому полю тех, кто считает себя носителями еврейской религиозной традиции или еврейским националистом, а с другой – ожесточением низверженных с пьедестала, но все еще имеющих в определенных сферах влияние светских сионистов. Отступление еврейского секуляризма проявляется в повышении градуса нетерпимости по национальному и религиозному признаку, что сказывается не только на палестинцах, проживающих на оккупированных территориях или в границах Израиля (которых принято называть «израильскими арабами»). Это влияет на судьбы тех «других» граждан страны, которые не являются арабами или евреями, признанными таковыми МВД, возглавляемым на протяжении двадцати лет с перерывами ультраортодоксами (сефардская партия ШАС) или религиозными сионистами/националистами.

Таким образом, Израиль демонстрирует противоположный путь развития. Усиление националистической по сути идеологии с опорой на ортодоксальное направление иудаизма стало фактором, приведшим бытие этого народа во всех его составляющих (духовной, идеологической и даже социально-экономической) в кризисное состояние. Такая государственная идеология исключает принятие в свою орбиту и полноценное сосуществование не только с иными нееврейскими культурно-историческими и религиозными общностями (что зафиксировано в «Основном законе: Израиль – национальное государство еврейского народа»). Она отталкивает большое количество тех, кто принадлежит к еврейским, но не мейнстримовским течениям как в политике¹, так и внутри самого иудаизма, вплоть до того, что отказывает им в причастности к еврейскому народу.

Как отметил А.Дугин, «иногда у больших цивилизаций маленькая идея, а у маленьких народов — великая». Представляется, что в случае с общественно-политической ситуацией в Израиле его гражданам либо еще только предстоит осознать «величие» продвигаемого видения и предназначения еврейского государства в соответствии с еврейской религиозной традицией как ее понимают правящие в стране ортодоксальные иудеи, либо это все-таки приведет к разрушению государственного проекта в том виде, в котором началась его реализация 75 лет назад.

Что касается таких государств-цивилизаций как Россия, несмотря на ее сложную и порою трагическую историю, знавшую кровавые периоды гражданских войн, проявления националистических тенденций являлись нечто не свойственным, носили маргинальный характер. Малейшее движение по пути нацизма и религиозного шовинизма неминуемо приведет к катастрофе.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (14.04.2023)

¹ Известны слова Б.Нетаньяху – «левые забыли, что значит быть евреем». Цит. по: Yehudal, O. Ideology or Ethnicity? The Israeli Political Crisis // OSU.edu. May, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://origins.osu.edu/article/israeli-political-crisis-netanyahu-gantz?language_content_entity=en. Яз. англ. (14.04.2023)

2. Основной закон: Израиль – национальное государство еврейского народа [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.knesset.gov.il/ru/activity/pages/basiclaw.aspx?LawId=13> (15.04.2023)

1. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. – СПб: Питер, 2021. – 688 с.

2. Иванов В.И. Русский мир (экспертные суждения и оценки) // Вестник РУДН, серия Социология, 2010, № 1. С. 5-16

1. «Континент Россия». Идеология российского государства // Русский мир [Электронный ресурс]. – URL: <https://russkiymir.ru/publications/277508/>. Яз. рус. (14.04.2023)

2. Философ Александр Дугин: «Русская идея — это не наше творение, а то, что нас творит» // Газета Культура. 07.10.2021 [Электронный ресурс]. Яз. рус. (14.04.2023)

3. Elazar, Daniel J. The Conditions for Developing a Political Philosophy for Israel // JCPA [Электронный ресурс]. – URL: <https://jcpa.org/dje/articles2/polphil.htm>. Яз. англ. (14.04.2023)

4. Jewish Israeli Voters Moving Right – Analysis // IDI. 30.08.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.idi.org.il/articles/45854>. Яз. англ. (14.04.2023)

5. Polpulation / L. Cahaner, G. Malach // IDI. 31.12.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.idi.org.il/haredi/2022/?chapter=48263>. Яз. англ. (14.04.2023)

6. The fall of the Israeli Left // Israel Hayom. 07.11.2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.israelhayom.com/opinions/the-fall-of-the-israeli-left/> Яз. англ. (14.04.2023)

7. The Jewish idea // Ynet. 11.09.2009 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ynetnews.com/articles/0,7340,L-3796420,00.html>. Яз. англ. (14.04.2023)

8. Yehudal, O. Ideology or Ethnicity? The Israeli Political Crisis // OSU.edu. May, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: https://origins.osu.edu/article/israeli-political-crisis-netanyahu-gantz?language_content_entity=en. Яз. англ. (14.04.2023)

Рекомендации
всероссийской научно-практической конференции с
международным участием:
«Ценности познавательных культур в концептуальных
идеологиях» (Махачкала, ДГУ, 14-17 сентября 2023 г.).

Цель конференции – выработать цивилизационные идеологические ориентиры и векторы перспектив России и Дагестана в контексте философски аргументированных научных представлений. В ее сборнике изложены идеи более 30-ти авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Казани, Уфы, Грозного, Нальчика, Армавира, Пятигорска, Астрахани. Дагестанских философов поддержали также коллеги из ближнего зарубежья – приезжают известные ученые из Минска, Ташкента, Баку. Вниманию читателей сборника предлагается проект рекомендаций, который будет дополнен после завершения конференции.

Конференция исходит из того, что идеология является социально-философской категорией, обозначающей уровень социального сознания и представляющей собой систему политических, культурных, правовых, нравственных, эстетических, религиозных и философских взглядов, в которых осознается и оценивается отношение людей к социальной действительности. Идеология как теоретическая система может быть разной степени общности – узконациональной, государственной, религиозной. Если идеологообразующие признаки и ценности общи нескольким своей мировоззренческой и методологической спецификой, то могут образовать систему государственной или цивилизационной идеологии как концептуальную идеологию. При всей неоднородности составляющих культурных ценностей можно говорить о европейской идеологии, мусульманской, евразийской и т.п. концептуальной идеологии.

Число ключевых ценностей, придающих цивилизационную определенность этим идеологиям, невелико, их десятка два-три. Конференция полагает, что детерминирующую и упорядочивающую роль в концептуальных идеологиях играют ценности познавательной культуры. Культура мышления, логика, разум, чувства, их составляющие приемы, подходы, средства выстраивают идеологообразующие ценности в систему. Виды и типы познавательных культур порождают соответствующее многообразие идеологий. Система гносеологических и эпистемологических ценностей оказываются базовыми и конкретизируют идеологию как методологию и стратегию цивилизационной политики, в частности, России, Азербайджана, Беларуси, Узбекистана, Казахстана, Дагестана, других регионов Северного Кавказа...

Для этносов и народов этих стран и регионов наиболее адекватной представляется евразийская идеология. Ментальные, этнические и религиозные традиции этих исторических общностей тяготеют к таким ценностям и характеристикам познавательной культуры, как иррациональность, мистика, интуиция, чувственность и др. Они лежат в русле иррационализации культуры как тенденции глобализации. Европейская цивилизация основывается на противоположных ценностях – целевой рациональности, теоретизме, общественном и государственном сциентизме, с вытекающими отсюда нормами индивидуализма, эгоизма, атеизма, либерализма, децентрализации...

Достоинство евразийства в культивировании умеренных форм своих ценностей – тот же его иррационализм противостоит целевому рационализму по существу, как ценностный рационализм, который мог бы быть принят европейским мышлением для ослабления агрессии разума и его разбавления добротой сердца. Есть и другие достоинства евразийской культуры для посредничества и установления диалога ценностей Запада и Востока, Севера и Юга, христианства и мусульманства.

Сближение культур и идеологий как способ снятия конфликтных противоречий, экстремистских тенденций предстает как результат диалога и полилога познавательных культур, их исторических типов и национальных форм, половозрастных и религиозных разновидностей... Установление познавательной культуры, идентичной цивилизации, есть одновременно достижение субъектом научного творчества оптимальной основы формирования истины, предельно обогащенной человекообразными конкретно-историческими параметрами.

Всесторонний анализ познавательной культуры вместе с субъектными уровнями, операционными механизмами и производимыми ими творческими продуктами позволяет выявить их комплексное влияние на разнообразные интерпретации истины. Речь идет о методологической функции той или иной разновидности познавательной культуры в отношении определенной концепции истины. Тогда общее философско-понятийное осмысление истины представимо как методология полилога познавательных культур.

Сам факт рассмотрения истины в коммуникативном пространстве познавательных культур свидетельство состоятельности стыка идеологии и истины. Речь идет о значительной детерминированности философского осмысления истины этническими, национальными, религиозными и цивилизационными ценностями. Органическая социальная связь истины и идеологии эффективизирует практически-политические функции философии, поскольку такая философия презентует идеологию как методологию социальной политики. Такой подход качественно отличается от западноевропейской и североамериканской традиции, сделавшей акцент политической философии либертарианства как на всеобщем современном государственном менеджменте.

Одной из задач настоящей конференции является совершенствование практической функции философии в не лучшие времена ее развития в России. Но Россия должна сохранить и развить статус философской державы, обрести такую философию, которая сможет предложить четкую цивилизационную стратегию и парадигму. С этой точки зрения, философия выступает самосознанием конкретной цивилизации, которое формируется на основе интеграции идейных платформ.

Конференция рекомендует Министерством по национальной политике и делам религий, культуры, науки и образования, информации и печати и другим идеологическим ведомствам и общественным структурам РФ положить в основу практически-политической деятельности принципы практической философии, имеющей целью воздействовать на людей силой мысли через посредство слова, убеждения – в процессе живого общения. В предмет практической философии включаются проблемы жизни, смерти и бессмертия, человеческого счастья, любви, свободы, социальной и цивилизационной ориентации, гуманизма. Эффективность практической философии напрямую зависит от характера познавательной культуры, ее ценностей в уме, разуме и рассудке.

Рекомендации по социокультурной и национальной стратегии стран постсоветского евразийского пространства, в том числе, Дагестана, основные направления его развития представляются научно-аргументированными в средствах и сроках реализации управленческих решений руководством республики. Для этого необходимо соединить усилия власти и науки, общественных структур и научного сообщества в осмыслении и реализации государственной и общественной идеологии, с ее фундаментальными евразийскими ценностями познавательной культуры, выстроить в складывающемся новом мироустройстве перспективный цивилизационный вектор развития.

СОДЕРЖАНИЕ

РАБАДАНОВ М.Х. РЕКТОР ДГУ, ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР. ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ЦЕННОСТНОГО РАЗЛОМА	3
МУСЛИМОВ Э.С. МИНИСТР ПО НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ РД, ФИЛОСОФИЯ КАК СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ	4
РЕЗНИК Ю.М. ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА, ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР РФО, ГЛАВНЫЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК ИНСТИТУТА. ФИЛОСОФИИ РАН. К НОВОЙ ФИЛОСОФИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ И ДАГЕСТАНА.....	5

1-Е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЦЕННОСТИ. ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ЕЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ

РЕЗНИК Ю.М. РОССИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ДЕРЖАВА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛОСОФОВ.....	6
ДРАЧ Г.В. МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ: КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	16
ЛАЗАРЕВИЧ А.А. ИДЕОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ. ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ БЕЛАРУСИ	29
БИЛАЛОВ М.И. ЦЕННОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ.....	36
САИФНАЗАРОВ И.С., ЭРНАЗАРОВ Д.З. СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО УЗБЕКИСТАНА.....	41
КАФАРОВ Т.Э. ОПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	47

2-Е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ. РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

ВАРТУМЯН А.А. БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К ИМПЕРСКОМУ МЫШЛЕНИЮ	53
--	----

АБДУЛКАДЫРОВ Ю.Н. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА	59
АКАЕВ В.Х. ПОИСК ИСТИНЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФИЛОСОФА М.И. БИЛАЛОВА	64
САЛИХОВ Г.Г. ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТВОРЧЕСТВА ЮСУФА БАЛАСАГУНСКОГО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР НАРОДОВ ЕВРАЗИИ.....	70
КАРАБУЩЕНКО П.Л. КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СОВРЕМЕННЫЕ ЭЛИТЫ: ПОИСКИ СМЫСЛОВ И НОВЫХ ФОРМ	76
БЕТИЛЬМЕРЗАЕВА М.М. ПО ФИЛОСОФСКИМ СТОЯНКАМ СМЫСЛА ЖИЗНИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.И. БИЛАЛОВА	80
НАНАЕВА Б.Б., ГАДАЕВ В.Ю. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ КОМПОНЕНТ САМОСОЗНАНИЯ ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	88
АБДУЛАГАТОВ З.М. ЦЕННОСТНЫЙ И ЦЕЛЕВОЙ РАЦИОНАЛИЗМЫ В ИСЛАМСКОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНЦЕВ	92

3-Е ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ.

ИДЕОЛОГИЯ, ЦЕННОСТИ И ИСТИНА.

ИДЕОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ.

ДЕНИСОВ Н.Г. К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ ИДЕЙНО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В КОНТЕКСТЕ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	97
АХМЕДОВА У.С. ТВОРЧЕСТВО ПО ЗАКОНУ АРИСТОСА.....	103
ЗАЛИБЕКОВА А.З. ЦЕННОСТНЫЙ ВЕКТОР ДАГЕСТАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	107
МАГОМЕДОВ М.А. СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЕЁ ДИАЛОГ С ОБЩЕСТВОМ.....	112

ПЛЕНАРНАЯ ДИСКУССИЯ

АЛИЛОВА К.М. ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ В РЕШЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ.....	117
--	------------

ВЕЛИЕВ О.В., МАГАРРАМОВ М.Д. ДИАЛЕКТИКА ЦЕННОСТЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ	120
УМАРОВА З.Я. ТЕРПЕНИЕ КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЧЕЛОВЕКА НА ПУТИ К ИСТИНЕ	126
ГУСЕНОВА Д.А. КУЛЬТ ЗНАНИЯ В ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ	131
МАГОМЕДАЛИЕВА К.М. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	134

ВЫЕЗДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОНФЕРЕНЦИИ: «ДЕРБЕНТ – ВОРОТА ДАГЕСТАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» НА БАЗЕ ОТДЕЛЕНИЯ КАФЕДРЫ ЮНЕСКО ПО КОМПАРАТИВНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ, СПЕЦИФИКИ КУЛЬТУР И МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО ДИАЛОГА ПО СЕВЕРНОМУ КАВКАЗУ (ГБУ «ДЕРБЕНТСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК», ФАКУЛЬТЕТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ДГУ).

СЕИДОВА Г.Н. РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДАГЕСТАНА	143
ПАНИОТОВА С.Т. ИДЕОЛОГИЯ И УТОПИЯ КАК ФОРМЫ ПРОДУКТИВНОГО ВООБРАЖЕНИЯ	148
КЛИМЕНКО И.С. ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ КУЛЬТУРЫ ПОЗНАНИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	153
БАКЛАНОВ В.И. ЛОМКА БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ В 90- ГОДАХ ХХ ВЕК	159
МУСХАНОВА И.В. НОХЧАЛЛА КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ	164
АХМЕДОВ И.А. ОСНОВНЫЕ ИДЕИ КОНЦЕПЦИИ М. БИЛАЛОВА «ФИЛОСОФИИ ИСТИНЫ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР»	172
КОРОЧКИНА В.А. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВЕКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	177
БИЛАЛОВ М.И. ПРОЕКТ РЕКОМЕНДАЦИЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ: «ЦЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЯХ» (МАХАЧКАЛА, ДГУ, 14–17 СЕНТЯБРЯ 2023 Г.)	185

ЦЕННОСТИ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ КУЛЬТУР
В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЯХ

Сборник научных статей

Под редакцией М.И. Билалова

Компьютерная верстка Приходченко Е.И.

Подписано в печать 07.08.2023.

Усл. п. л. 12,0.

Тираж 50 экз.

Формат 60×84^{1/16}.

Уч.-изд. л. 10,9.

Заказ №

Издательство ДГУ

г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 59е